Гвардейские залпы

Владимир Михайлович Фланкин

SHOUT
SHARE
IT

- Фланкин Владимир Михайлович

Фланкин Владимир Михайлович Гвардейские залпы

Фланкин Владимир Михайлович
Гвардейские залпы

Аннотация издательства: "Гвардейские залпы" - записки бывшего командира батареи гвардейских минометов В. М. Фланкина. Нелегкий путь прошли грозные "катюши", чью ударную мощь не раз испытали на себе фашистские захватчики. Автор интересно, со знанием дела описывает боевой путь полка гвардейских минометов, начиная с первых дней учебы, формировки до победного наступления по земле освобождаемой от гитлеровцев Польши и Чехословакии. Фронтовой быт, картины сражений, образы солдат и командиров, в самые трудные минуты не терявших присутствия духа, оптимизма, веры в победу, - все это написано рукой непосредственного участника боев, человека наблюдательного, обладающего чувством юмора и силой воли. Это придает книге особый колорит подлинности, жизненной правды.

Содержание

Глава первая. Тяжело в ученье - легко в бою
Глава вторая. Мы поведем свои подразделения в бой
Глаза третья. Батарея открывает счет
Глава четвертая. Под Ржевом
Глава пятая. Демьянский "котел"
Глава шестая. В глубоком тылу
Глава седьмая. Карельский перешеек
Глава восьмая. На Запад
Глава девятая. Даешь Берлин!
Глава десятая. На Прагу
Глава одиннадцатая. Отгремели бои

Глава первая. Тяжело в ученье - легко в бою

В этот памятный вечер, с которого я решил начать свой рассказ, наша волейбольная команда встречалась в Центральном парке имени Горького со старыми соперниками - юношеской командой другого крупного московского спортивного общества. Встречались впервые в этом сезоне, игра была на редкость упорной и напряженной.

Наши соперники подготовили неожиданный сюрприз - новичка на четвертый номер. У него были очень хорошие данные - рост, высокий прыжок, сильный резкий удар. И как только он выходил к сетке, то начинал отыгрывать очко за очком. Мы

отчаянно защищались, вытягивали мячи из самых трудных положений и в конце концов все-таки сумели переломить игру. Из любых мест площадки точно выдавал мне пас Мишка Будкин. Важная игра осталась за нами. Возможно потому, что больше тренировались. Довольные победой, мы неторопливо шли к раздевалке. Подбежал Иван Комаров, мой и Будкина дружок-одноклассник.

- Что делать будем?

- Сейчас решим. Подожди - в душ сходим. А потом - на Воробьевы горы...

Для нас этот летний день был особенным. После десятилетки мы получили направления в военное училище, куда надумали поступать еще зимой, и сейчас с вершины Воробьевых гор смотрели вдаль, за Москву-реку. Там, за домами, улицами и площадями, находилось училище, которое мы уже несколько месяцев называли своим. По реке проплывали катера и моторки. Внизу, у самого берега, нежно разливалась гармошка. Свежий ветер с реки ворошил волосы, вздувал парусами белые рубашки. Хорошо, вольготно, и вся жизнь - впереди.

Было это 21 июня 1941 года, и не скоро довелось мне побывать вновь в этих дорогих с детства местах.

Так сразу и началась эта война, хотя люди надеялись, что будет она еще не скоро.

Фашистская Германия вероломно напала на нашу Родину...

Потрясенный известием, я никак не мог собраться с мыслями. Потом стал смотреть в окно. По улице торопливо шли прохожие, у всех суровые лица.

Вражеские самолеты с утра начали бомбить наши города. Вовсю развернулись бои на западных рубежах. Это не казалось страшным. Ведь пограничники всегда на страже, всегда готовы на своих заставах разгромить любого врага, а фашистскую нечисть и подавно... Я сидел и мучительно размышлял, что предпринять. В училище следовало явиться только завтра. И тотчас пришло решение: ехать немедленно, прямо сейчас. Ведь война...

Мне представилось: я являюсь в училище, а еще через час в составе специального подразделения выезжаю, нет - вылетаю самолетом к границе для выполнения особого задания. Все может быть. И непременно мне удастся совершить что-нибудь особенное, выдающееся...

- Мам, я в училище поеду!..

Мать, растерянно ходившая по комнате, что-то перекладывала с места на место, садилась за шитье рукавиц (работу, которую она получала на дом в какой-то артели), - до нее не сразу дошли мои слова. Как-то беспомощно провела ладонью

по черным, как смоль, волосам, сказала:

- Не выдумывай! Завтра тебе являться.

- Чего я буду ждать до завтра! Давай чемодан. Чемоданчик был готов. Оставалось вложить только мелочь: мыло, щетки, мочалку.

Юрка - братишка, все время сидевший в углу комнаты над раскрытой книжкой Гайдара и, очевидно, полный мыслями о войне, вскочил, торопливо вытащил из кармана перочинный ножичек:

- На, пригодится!.. У тебя ведь нет! Взглянув на Юрку, я без слов взял ножик.

Раздался стук в окно, и я увидел вглядывавшихся в комнату Будкина и Комарова. Тоже собрались... Я почувствовал, что ухожу надолго. - Если не смогу заехать на днях, то приезжайте в училище.

Мать заплакала. Юрка тоже сморщился. Обняв и расцеловав мать и брата, я вышел.

Артиллерийское училище находилось за Красной Пресней, неподалеку от Ваганьковского. Добрались быстро, на трамваях, и вскоре, сдав свои предписания, явились в расположение седьмой батареи, куда нас направил лейтенант из приемной комиссии.

Светлое помещение с большими окнами, отмытый до белизны пол, койки с белоснежным бельем и тумбочки сразу пришлись по душе. Сложив в тумбочки туалетные принадлежности, отнесли в каптерку чемоданы... Курсантская жизнь началась.

Командир взвода лейтенант Шикунов построил свое подразделение. Розовенький, такой стройный, что в нем за версту чувствовался отличный гимнаст, лейтенант, видно, недавно лишь одевший форму, держался крайне солидно. Свой обстоятельный рассказ о трудностях, которые нас ожидали во время учебы, он закончил знаменательными словами: "Тяжело в ученьи - легко в бою".

- Своим помощником назначаю... - лейтенант, строго сдвинув брови, посмотрел на свой взвод, - курсанта Будкина. Командирами отделений... - он назвал несколько незнакомых фамилий.

Будкина? Помкомвзводом? Уж этого ни я, ни Комаров совсем не ожидали. Мишка был капитаном нашей волейбольной команды и неплохим капитаном. Да и любил он, пожалуй, командовать, но как же лейтенант-то об этом догадался?

Будкин вышел из строя, встал рядом с командиром взвода и сразу же принял строгий вид. Командиры отделений заняли свои места на правом фланге.

Как только была подана команда "разойтись", мы накинулись на Мишку:

- Почему?.. Как получилось?!.

Мишка пожал плечами, не скрывая улыбки.

- Не знаю... Мы с ним долго беседовали.

Вроде никогда и не думалось ни о каких должностях в училище. А вот назначили Будкина, и слегка "заело".

- Что же ты нас не порекомендовал в командиры отделений?

Мишка виновато потупился.

- Говорил... Он сказал, что есть более подходящие.

- Подходящие!.. - Иван презрительно махнул рукой. - Просто он, видно, длинных не любит. Архимедыча, что ли, в школе не помните? Вечно вызывал к доске всех здоровых и держал весь урок.

Вспомнив вредину физика, я усмехнулся.

А Комаров уже рассуждал дальше:

- Вообще-то это неплохо, что тебя назначили. Найдутся ведь разные скверные наряды: уборные там чистить или еще что-нибудь, так ты имей в виду, своих не подводи...

- Что за вопрос? Конечно! - воскликнул Будкин.

- Давай почаще на кухню, - уточнил Иван. После сытного обеда в училище полагался мертвый час. Уже лежа в постели, Иван задумчиво проговорил:

- А я-то надеялся, что нас, кого понадежнее и поздоровее, отберут и сразу на какое-нибудь спецзадание за линию фронта...

- Ничего не выйдет! Я уже все провентилировал по этой части, - беспокойно заворочавшись, откликнулся Будкин.

Оказывается, не только я об этом мечтал. Но не тут-то было...

Училище к началу войны было подготовлено, как надо. Нам даже не пришлось повидать курсантов, которые к нашему приходу закончили двухгодичный срок обучения. В первые дни был произведен выпуск проучившихся в училище год. Получив звания лейтенантов, они, группа за группой, исчезали из стен городка. За ними, уже на старшие командные должности, отправились многие преподаватели и командиры училищных подразделений. Усиленно готовили к производству опытных сержантов из солдат, прибывших в училище из войск. Нам же, только что закончившим среднюю школу, предстояло упорно и напряженно учиться.

К вечеру появился курсант и на четвертой - соседней с моей - койке. Невысокий, веснушчатый паренек с вздернутым носом...

- Здравствуйте. Мы, кажется, соседи? - начал он, волоча за собой табуретку.

Я засмеялся и подал ему руку, а Будкин и Комаров сделали

вид, что заняты каким-то важным разговором.

- Меня зовут Женя Богаченко, - сразу представился паренек и доверительно продолжил: - Ничего не получилось, чтобы сразу на фронт. Пошел в военкомат, а там столпотворение. Тогда выбрал в объявлении адрес училища и поехал... А у вас как получилось? Вы, кажется, давно знакомы?

- Мы давно готовились в артиллерийское, - сказал я ему. Он забавлял меня все больше и больше.

- Ну вот. А я внезапно. - Богаченко еще ближе придвинул табуретку, поморгал голубыми глазками. - Как думаешь, если учиться только на "отлично", быстрее выпустят? - Ответа он не дожидался. - Я думаю, быстрее. Надо налегать с первого дня. Только на "отлично". Как у тебя с математикой? У меня неважно. Еле-еле четверку за год вывели. А здесь у артиллеристов математика - это все. Значит, только на "отлично".

Все очень беспокоились о предстоящих трудных днях учения. Как-то оно будет даваться. А тут видишь: только на "отлично"! Тоже мне герой нашелся! Теперь я уже улыбался иронически. Как-то все это у него получится? С виду он выглядел совсем неприспособленным.

- А как у тебя с физподготовкой? - продолжал трещать Богаченко. - У меня тоже неважно. Если только на турнике раз пять подтянуться смогу - и все. А через "коня" ни разу не удавалось перескочить. Разбегаешься, разбегаешься... А у тебя, наверное, хорошо получается? Вон ты какой длинный! Для будущих командиров это тоже очень важно. Надо будет и на физподготовку подналечь!

Он не прерывался ни на минуту.

- А почему лейтенант так долго распространялся о внешнем виде? Разве трудно быть опрятным? Как ты думаешь?

Курсантское обмундирование. Синие диагоналевые брюки, такие же диагоналевые, только темно-зеленые, гимнастерки с черными суконными петлицами. В петлицах начищенные до блеска "пушки" и горделивые буквы: "1-е МАУ". Таким обмундированием дорожить надо и уж, конечно, не обращаться с ним, как попало.

- Чего еще ему надо? - спросил Комаров, когда Богаченко отошел. Ему явно не по душе была попытка Богаченко завязать с нами дружбу. - Тоже мне друг выискался. Пойдем-ка лучше городок посмотрим. Мы вышли из казармы и зашагали по центральной аллее военного училища.

- Лейтенант!..

Невысокий, туго перетянутый ремнями, он, казалось, не шел, а плыл нам навстречу.

Торопливо одернули гимнастерки, взяли ногу.

"Трах!.. Трах!.." - вразнобой загрохотали новые яловые сапоги по асфальту. Повернув головы в сторону лейтенанта и свирепо исказив лица, мы отдали честь.

Лейтенант ответно козырнул и прошел, не сделав никаких замечаний.

Значит, все было правильно. А впереди показался еще какой-то командир. Мы поспешно нырнули за деревья, тесно обступившие эту аллею начальников.

- Вот они!.. - Наши сердца замерли. Покрашенные в защитный цвет, в строгом порядке одна за другой стояли зачехленные пушки. Чуть дыша, мы подошли к орудиям.

- Четвертой батареи... А где наши?

- Вот они! Четыре громадные пушки и возле каждой табличка: "7-я батарея".

- Станины! Ну и здоровы! А это вот и есть сошники, что ли? Видишь, вся краска от земли сошла. Ну и гвоздочки! С такими при любой стрельбе орудие не шелохнется!..

Долго мы еще крутились возле своих пушек.

- Пошли к тракторам...

Мы пересекли артпарк. Оказывается, Комаров успел что-то прочитать о тягачах и теперь принялся объяснять.

- Вот это "Сталинец-65". Очень мощный, но тихоходный. Больше пяти километров в час не ползает. А это вот "НАТИ". Он, наоборот, быстроходный - до двадцати может, но зато слабоват. Говорят, что не на всякую горку с пушкой взбирается.

- Ну, куда еще?

Мы обошли всю территорию, заглянули в учебные корпуса и полюбовались прекрасно оборудованными классами, побывали в громадной библиотеке, зашли в столовую.

- Наверное, проголодались? - улыбающаяся девушка проворно вынесла нам из хлеборезки по большому ломтю хлеба с маслом да еще посыпала сахарным песком.

- Ничего, так жить можно! - мы обрадованно врезались в ломти зубами.

В один из первых дней я проснулся немного раньше подъема. Приоткрыв глаза, спокойно ждал команды. Бесшумно одевались помощники командиров взводов и отделенные. Проверяя чистоту вымытых ночью полов, ходил по казарме старшина батареи Шустров. Встать бы и мне, одеться не спеша. Но - нельзя! Рядовым курсантам не положено. Тем и отличается воинская служба, что все делается по команде. Дежурный вместе со старшиной уже стоит у своего столика и смотрит на часы, висящие над входной дверью.

Крепко спит на соседней койке курсант Евгений Богаченко. Как я и думал, воинская служба давалась ему нелегко. На построение он вечно опаздывал, на занятиях по огневой был нерасторопен. И сейчас вот по команде "подъем" его нужно будет толкнуть, не то запоздает. Одним словом горе-курсант. И старшина им недоволен, даже пригрозил, что если Богаченко не подтянется, его из училища отчислят. А жаль... Паренек он неплохой, только уж больно неприспособленный, мамин сынок.

- Подъем!.. Подъем!.. Подъем!.. - разом разнеслось по дивизионам и батареям.

Я все-таки незаметно под одеялом успел надеть брюки, и теперь вскочил, и первым делом тряхнул за плечо Богаченко. Одеваюсь и слежу за ним.

Женя что-то бормочет, потом поспешно хватает с табуретки брюки. Шустров уже подал команду: "Становись".

Кинувшийся за мной Комаров задел сапог Богаченко, и тот отлетел далеко под койку. Богаченко стремглав нырнул за сапогом. Выбрался, держась одной рукой за макушку, натянул сапоги на босые ноги.

Быстрее!.. Будкин торопливо подал команду: "7-я батарея, направо! На выход, шагом марш! Бегом марш!.."

Застегивая на ходу брюки. Женя бежит сзади батареи. Опоздал. Неумолимый голос старшины гремит:

- Курсант Богаченко, опять опоздали. Наряд вне очереди! Прежде чем поступить в училище, Шустров несколько лет прослужил сверхсрочником. Службу знает назубок. Знает и как воспитывать всех "трудных". Сейчас он старательно заносит фамилии нерадивых в блокнотик. Их достаточно, хватит и на мытье полов и на очистку подвала от застарелого мусора. Вообще, по мнению старшины, наш набор крайне нуждается в строгих мерах. Недавние московские школяры маменькины сынки, да еще не в меру пронырливые и шустрые. Видимо, поэтому Шустров и не жалеет нарядов. Необходимость!..

- Раз!.. Два!.. Три!.. - молодцевато покрикивает Будкин. - Тверже шаг!

Идет ему командовать. Построенный в две шеренги взвод направляется после завтрака в учебный корпус. У каждого в левой руке учебники и тетради. Мы с Комаровым, как самые высокие, - направляющие. Все расстроены и злы. По радио передали, что наши войска оставили Минск - столицу Белоруссии.

- Когда же будут сообщать о взятых городах? - мрачно гудит рядом Комаров.

- Наверное, когда ты на фронт попадешь.

- Значит, надо сейчас.

- Надо бы...

- Разговоры! - это Будкин не нам, но все-таки лучше помолчать. - Песню!.. Комаров! - кричит Мишка.

Батарейный "Шаляпин" Иван Комаров нехотя затягивает: "Мы в нашу артиллерию служить пойдем..."

- Взвод, стой! - командует Мишка. - Справа по одному в кабинет номер девять, шагом... марш!

...Артиллерия - могучая сила. Чтобы убедиться в этом, достаточно побывать на полигоне. Стояли, раскинув здоровенные станины и устремив ввысь могучие стволы, пушки. Дальнобойные, все сокрушающие! Тут же рядом с орудиями боеприпасы: бетонобойные снаряды, дальнобойные, бризантные гранаты... Гильзы, мешочки с порохом. Неподалеку мощные тягачи.

А бывалые командиры-артиллеристы... Про них в училище рассказывали чудеса. Один, например, стрелял без всяких приборов, пользуясь только карандашом, по нему определяя и дальность и отклонения разрывов от цели. Другому для этого служил спичечный коробок. А был еще капитан - самый знаменитый, который при стрельбе пользовался козырьком своей фуражки. На краю козырька он нанес деления угломера и по ним корректировал огонь. Каждый из нас мечтал быть таким, как эти люди.

Еще минута, и в училище станет тихо, безлюдно. Опустеют дорожки, плац. Если посмотреть со стороны - покинутый городок, только несколько взводов стремительно разворачивают из стороны в сторону пушки в артпарке. Зато классы заполнены, идут занятия: политподготовка, артиллерия, топография, тактика...

В нашем взводе первые два часа занятий - артиллерия.

Сухощавый седой полковник с остроконечной бородкой и аккуратно подстриженными усами увлекательно рассказывает о значении артиллерии в современном бою.

- Имея честь командовать тяжелой артиллерийской бригадой при прорыве генералом Брусиловым австро-германского фронта...

Он расхаживает по классу и говорит о сокрушительных огневых валах, огневых налетах, стрельбе прямой наводкой... Много надо знать и уметь, чтобы стать настоящим артиллеристом. Мы слушали, широко раскрыв глаза, стараясь не упустить ни единого слова. И конечно, все горды, что выбрали такую специальность - артиллерию.

Стой, стой, стой!.. О чем это заговорил полковник?..

- Новое оружие, которое нам Родина скоро вручит, потребует от нас еще больших знаний и усердия.

Новое оружие! Краем уха слышали о нем и раньше, но теперь сообщение вполне официальное.

- Чтобы управлять им, вы должны стать большими специалистами, знатоками...

Все были изумлены. Речь идет о замене наших замечательных пушек. Возможно ли это? И зачем?

Следующие часы - инженерное дело.

На доске - схема орудийного окопа. Въезд и выезд. Ниши для боеприпасов. Щели для расчетов. Бруствер.

- Этот обычный орудийный окоп, - вдруг говорит кряжистый майор, преподаватель инженерного дела, - конечно, не подойдет для нового оружия. Необходимость во что бы то ни стало уберечь его от огня противника потребует оборудования прочных сооружений, способных выдержать любые снаряды и бомбы врага. Я думаю, что-нибудь вроде этого... - майор быстро рисует на доске целый комплекс железобетонных капониров.

Изумление, которому положил начало артиллерист, все увеличивается. Такие ценные орудия, что для них нужно строить непробиваемые укрытия.

Тактика.

Перед учебной картой местности - высокий тонкий полковник с торопливыми жестами.

- Новое мощное оружие, без сомнения, потребует от командиров очень высокого тактического мышления. Разветвленная сеть наблюдательных пунктов, надежно укрытые от противника основные и запасные огневые позиции должны гарантировать сохранение величайшей секретности этих систем. Я полагаю... указка полковника быстро забегала по карте.

Да что это все-таки за новое оружие?..

Классные занятия закончились. Тем же путем взвод возвращается обратно в казарму. Можно перевести дух, почистить обмундирование, ополоснуться в умывальнике.

"Тревога!.. Воздушная тревога!.." - загремела по военному городку команда.

За окнами казармы грохотала, бушевала частая стрельба зенитных пушек и пулеметов, доносились оглушительные раскаты от разрывов авиабомб. Враг напал на столицу с воздуха.

- Первый взвод, прочесывать Ваганьковское кладбище!.. Второй взвод, на патрулирование по Хорошевскому шоссе! Остальные в щели! - раздавались быстрые команды офицеров.

Прожекторы нащупали в небе вражеский самолет и вели его, не давая скрыться во тьме. Разрывы один за другим вспыхивали вокруг самолета. А фашист сбрасывал свои бомбы, и они гулко рвались где-то за Белорусским вокзалом. Все-таки немало

стервятников прорвалось к городу.

Трудно даже описать, насколько напряженными стали все последующие дни. Несмотря на большие потери, фашисты повадились летать на Москву постоянно. И это значило, что после дня наступит бессонная ночь.

Затрещал продуманный до минуты распорядок дня. И уж, конечно, о личном времени и говорить нечего. Но все же иногда выдавалась минута, тогда курсанты писали письма, приводили в порядок обмундирование и просто отдыхали. А москвичи бегали к воротам проходной - вдруг пришел кто-либо из близких.

Однажды вечером Иван Комаров, который очень любил поговорить о девушках, с аппетитом проглотив пачку печенья "Пушкин", принялся в который раз разыгрывать Женю Богаченко.

- Молодой человек! А скажите-ка, пожалуйста, кем вам приходится та черненькая гражданка?

- Какая еще гражданка?

- Да вот та, с которой вы разговаривали через ворота дня три назад.

- А-а... Я ведь тебе сто раз говорил - знакомая! Учились вместе в школе... - несмотря на то что беседа с Иваном ничего хорошего не сулила. Жене все же очень хотелось поговорить о знакомой, видно была ему дорога.

- Та-ак!.. А какие у вас взаимные отношения? Ну-ка покажи еще раз фотокарточку!

- Ага, так я и разбежался.

Карточку Ивану доверять было нельзя. В первый раз, когда Женя показал заветную фотографию, Иван Комаров преспокойно положил ее в карман и получить ее обратно удалось только ценой унизительных просьб и домашних лакомств, пошедших в утробу ненасытному Ивану.

- Дашь фотокарточку или нет?! - мучитель с веселой угрозой потянулся к Жене. Сейчас схватит за руки, начнет трясти.

- Товарищ помкомвзвода, что этот жеребец привязался! - закричал доведенный до точки Богаченко.

Тоже нашел к кому обращаться за помощью. Мишка Будкин сделал вид, что не слышит. Неожиданная помощь пришла со стороны старшины Шустрова, который хотя и совсем не благоволил к Богаченко, но справедливость ценил.

- Комаров, прекратите! Батарея, приготовиться к построению!

К выходу в поле на тактические занятия Шикунов и Шустров начали готовиться заблаговременно.

Стереотрубы, буссоли, теодолиты, рации, телефонные аппараты, лопаты, карабины - словом, все личное оружие, приборы и аппараты, шанцевый инструмент ждали курсантов.

Старшина показал, как надо свертывать шинель в скатку, и все, кто внимательно следил за старшиной, скатали свои шинели быстро и надежно. А вот у Богаченко скатка не получалась. Мягкая, неровная, стоило немного потрясти и она рассыпалась. Развалясь на табуретке и вытянув ноги, Комаров с интересом наблюдал за муками соседа.

- Что?.. Старших всегда надо слушать... Это тебе не конфетки глотать! наконец удостоил он своим замечанием Богаченко, и тот жалобными глазами взглянул на Ивана.

- Ладно уж. Давай сюда.

Комаров, став на одно колено рядом с Богаченко, быстро и ловко скатал шинель.

Вот она... Готова. Твердая и ровная, овальная, как хомут. Действительно, не курсанта, а лошадь в нее запрягай!

Счастливый Женя достал пакетик с конфетами.

- На, пожалуйста, сколько хочешь!

- Нужны они мне, - сказал Иван, но передумал и протянул мне и Будкину. Угощайтесь. Заработано честным трудом...

Вскоре взвод вышел на тактические занятия. ...Берег, на котором мы находились, высился над уровнем реки, противоположный берег был совсем низким, и хотя оттуда нас все равно не было видно, мы, напрягаясь из последних сил, поползли. Нелепо качались на спинах огромные футляры с приборами. Задыхаясь, один за другим сваливались на дно траншеи, вырытой для обороны столицы.

- Прямо перед собой на берегу перевернутая лодка, - показал командир, и мы навели на нее стереотрубы и бинокли. - Ориентир No 1. Курсант Комаров, продолжайте.

- Ориентир No 1, - сразу же начал Комаров, - вправо 0-35, дальше двести. Отдельное дерево. Ориентир No 2.

- Сержант Будкин.

- Ориентир No 2, вправо 0-40.

- Курсант Богаченко.

- Ориентир No 3, - сказал отчетливо Женя, - вправо 0-30, дальше сто. Отдельно стоящий автомобиль "пикап". Ориентир No 4.

- Отставить! - произнес Шикунов. - Ориентир должен быть надежным, а этот... - Договорить он не успел. "Пикап" быстро поехал по дороге к ориентиру No 3. Все засмеялись.

Я хотел подсказать выход растерявшемуся Женьке, но Будкин опередил меня.

- Никаких подсказок. Вы где находитесь, товарищ курсант?

Между тем Женя взволнованно закрутил стереотрубой и, еще дважды сбившись, все-таки быстро выбрал подходящий ориентир

- трубу котельной.

Так наметили и зарисовали схему ориентиров. Во время перекура ко мне как-то боком подошел Мишка.

- Что губы надул? Служба есть служба.

- Иди ты...

- Разговорчики!.. Забываетесь, товарищ курсант, - кажется, он не шутил.

- Виноват, забылся, - сказал я не без иронии. - Учить человека надо, а не задергивать вконец.

Намотав в пешем строю не один десяток километров, возвращались в казарму. Песен не пели. Иван Комаров едва передвигал ноги. А Богаченко, тот и вовсе не мог идти, двигался машинально. Дня два назад Женю приглашали на заседание комсомольского бюро батареи. Члены бюро долго разбирались, почему комсомолец Богаченко имеет взыскания и отстает по многим видам боевой подготовки. Женя дал слово подтянуться.

Сейчас ему было тяжело. Он крепился изо всех сил, и все равно отставал, то и дело выходил из строя на обочину.

Будкин уже долго держался с ним рядом, а потом окликнул и нас. Мы взяли у Жени стереотрубу и карабин, и ему стало полегче. А вскоре показалась и знакомая надпись над воротами: "Тяжело в ученьи - легко в бою".

Москва родная!.. Красная площадь, Пятницкая, парк имени Горького, Москва-река... Но за училищным забором, кроме колеи железной дороги и верхушек деревьев кладбища, ничего не видно.

Все приглушено, замаскировано. Ни искры света. В небе сеть аэростатов. Суровая и озабоченная, тревожная военная Москва.

Враг у ворот!..

- Танки справа!..

- Танки слева!..

Гремят тяжелые станины пушек, со звонким гулом ударяются о землю. Длинный мощный ствол бороздит пространство, отыскивая эти невидимые танки врага, стучит тяжелый снаряд о казенник, громко лязгает замок.

- Новые системы, наверно, еще не так покрутить придется, - говорит на перекуре лейтенант Шикунов и, прикончив окурок, командует:

- Расчеты, к бою!.. Танки сзади!..

В полдень в широко распахнувшиеся училищные ворота быстро въехали и понеслись по асфальту плаца в дальний угол артпарка странные военные машины. Казалось, они нагружены понтонными средствами.

- Они!.. - пронеслось по училищу.

Новое оружие прибыло!

В этот день наша батарея заступала в наряд по училищу.

Поспав после обеда, принялись начищать сапоги, подшивать подворотнички, драить на фанерках пуговицы.

- Ты знаешь, что заступаешь не на восьмой, а на четырнадцатый пост? неожиданно спросил меня Будкин, который шел в наряд помощником начальника караула.

Восьмой пост - склады. Укромное место - никто не ходит. Спокойно. Четырнадцатый пост? Раньше такого не было. Я удивленно поднял глаза на помкомвзвода.

- Четырнадцатый пост у новых орудий! - таинственно проговорил Мишка. - Как стемнеет, я пойду проверять посты, и мы с тобой все осмотрим.

- На посту? Да ты что?

- Я говорю, когда стемнеет. - Голос Мишки звучал страстно. - Надо же узнать, что это за оружие?

- После узнаем, - проговорил я, но голос мой прозвучал неуверенно.

Смеркалось, когда я с винтовкой под правым локтем прохаживался вдоль новых боевых машин.

О чем только не передумаешь, находясь на посту. Такой уж наряд. Ходи вокруг объекта, зорко посматривай по сторонам и думай свои думы на здоровье.

Второй месяц шла война. Второй месяц, как мы никуда не выходили из стен училища (не считая, конечно, полевых занятий). Правда, мать с Юркой ко мне два раза приезжали. Чувствовалось, что трудно обоим, но бодрились. Юрка собрался в ученики на завод, мать теперь шила армейское белье. Осенью 1940 года совсем еще молодым от сердечного приступа умер отец, жить стало трудней, все разговоры матери о ее большом искусстве швеи оказались несостоятельными. А Юрке было всего четырнадцать. Так и пошли в комиссионку одна за другой вещи. Первым уехал велосипед - последний подарок отца. Ждали, когда же я кончу училище и смогу помочь семье...

Однако я отвлекся в сторону. Рядом со мной находилось то самое таинственное оружие, о котором было столько разговоров. Осматривать его я все же не решился - не имел права. Только чуть-чуть отодвинул брезент, мельком разглядел какие-то металлические

стойки.

Послышались шаги, я встрепенулся, замер. К посту направлялся лейтенант Шикунов. Сразу мелькнула неприятная догадка. "И он смотреть пришел".

- Стой, кто идет?!

- Начальник караула!

- Начальник караула, ко мне, остальные на месте! - крикнул я одиноко вышагивавшему Шикунову.

- Так... Происшествий никаких? Вы же понимаете, какой у вас ответственный пост? - начальник караула медленно обходил колонну машин. Вот он осторожно остановился возле одной и нерешительно дотронулся рукой до брезента.

- Нельзя, товарищ лейтенант! - я резко наклонил штык приставленной к ноге винтовки.

- Ну-ну! - лейтенант быстро отдернул руку. - Так!.. Хорошо!.. Правильно службу несете... - и он отправился обходить посты дальше.

"Только позволь тебе, - думал я, глядя вслед командиру взвода, - завтра же меня раздраконишь за нарушение устава!"

Через полчаса появился Будкин и без лишних разговоров, сгорая от любопытства, дернул за тесемку брезента.

Минута, другая и раздался удивленный голос Будкина:

- Это не они!

- Как не они?! Что же еще может быть?

- Нет ни казенной части, ни ствола! Рельсы какие-то...

- Да вылезай скорее! - нервничал я. - Не хватило, чтобы нас застукали.

Будкин как бы и не слышал.

- Зубчатка... это, возможно, поворотный механизм.

- Товарищ разводящий, - сказал я свистящим шепотом, - вылазь и марш отсюда!

- Ты что, сдурел?

- Стрелять буду! Предварительный вверх. Считаю до трех. Раз...

Мишка выскочил как ошпаренный.

- Тоже друг.

Меня разобрала злость. На занятиях к Будкину не подступись, устав знает, а тут...

- Ты чему людей учишь? А сам? Мишка ушел, не сказав ни слова. А вскоре снова послышались знакомые шаги.

- Стой, кто идет?!

- Разводящий со сменой!..

На следующий день, сразу после обеда, Будкин куда-то исчез. Его не было на ужине, и появился он только перед отбоем. Мишка возбужденно поманил меня и Ивана к своей кровати. Мы заторопились. Он, конечно, принес какие-то необычные новости.

- Ты где пропадал-то? - забасил подошедший чуть раньше меня Иван.

- Совещание у нас было! - важно ответил Мишка. - Всего

командного и преподавательского состава. Мы так и прыснули.

- Ты-то с какого боку-припеку там очутился?

- Значит, нужен был! - Мишка ничуть не сбавил тона, только усмехнулся. Сначала-то я вроде как для охраны, у дверей стоял, а уж потом сделался совсем необходимым.

Я слушал молча, рад был, что не держит зло за стычку на посту.

- Они говорят, что это не артиллерия, а черт знает что! - выпалил Мишка.

- Это про новые системы-то?! Кто говорит?

- Да почти все наши. Оказывается, они только по площадям стреляют! Чего только не высказывали. Ну, наш полковник по артиллерии, например. Рухнули традиции! - говорит. - Ствола нет, таблицы стрельбы примитивные. Значит, говорит, - половина главных законов и положений артиллерии отпадает. А прицел - это не прицел, а бирюлька. И потом по корпусу - вроде снаряд, и вдруг хвостовик, как у мины... Мишка громко рассмеялся:

- А взводные все с мест выкрикивали: чему теперь учить курсантов на огневой, если она сама поворачивается и ни панорамы, ни ствола нет, чтобы в танки эти целиться!

Мы с Иваном сидели, как громом пораженные. Что же это получается? С таким нетерпением ждали грозные для врага новые системы, а преподаватели их и за артиллерию не хотят признавать. Значит, это все-таки те самые, которые я вчера охранял. Теперь мне уже казалось, что у них действительно очень неказистый вид. Что ни говори, а пушку-то мощный ствол украшает.

- Что же мы теперь не артиллеристы что ли будем?

- Артиллеристы-минометчики.

- Самоварники?!

- Почему самоварники? - Будкин на мгновение задумался. - Вообще, о минометах многое говорилось... Короче говоря, совещание не закончилось. Начальник училища дал всем задание к субботе изучить новую систему и уже конкретно высказаться.

Все новые и новые вопросы возникали в связи с сообщением Будкина.

- Да... Ну, а с пристрелкой? Ведь в ней выявляется все мастерство артиллеристов.

- Об этом артиллерист и говорил, - вспоминал Будкин. - Он доказывал, что на лесистой местности или равнине вообще бывает очень трудно определить координаты цели, и спрашивал, как же в таких случаях обходиться без пристрелки?

Наутро во время занятий по огневой подготовке лейтенант Шикунов, построив взвод у новой "пушки", начал разбирать ее

принципы действия и устройство. Глядя в наши напряженные лица, он сказал:

- Итак, перед нами принципиально новая артиллерийская система. У нее даже нет ствола. А этот вот... - он взял двумя пальцами угломер-квадрант и далеко не бодро проговорил, - прицел. Не наша панорама, конечно, но и с ним можно многого добиться. Отмечаться по точке наводки, например...

В субботу мы проводили Будкина на совещание, постояли-подождали немножко, чтобы убедиться, что его не выдворили оттуда, и вернулись в казарму.

Вечером, сидя в классе во время самоподготовки, я не мог сосредоточиться на учебнике. Волновала мысль: какое же сегодня окончательное мнение выскажут артиллеристы? Что нового нам расскажет Будкин?

За эту неделю курсанты уже близко познакомились с новым оружием, на занятиях изучили его боевые свойства и особенности, научились управлять. Оказалось, что совсем не просто поймать точку наводки в узкую щель прицела, зарядить шестнадцать тяжелых громоздких снарядов, выгнать подъемным механизмом огромные направляющие. И все-таки новинка многим пришлась по душе, сам не знаю почему - мы в нее поверили. Может быть, сыграли роль слухи о том, что в первых боевых испытаниях оружие показало себя с хорошей стороны, залпы его пачками сметали врагов и технику противника.

Смущало меня только заявление полковника о пристрелке целей, у которых нельзя определить координаты. Как тут быть? Ну и, конечно, прямая наводка. "Может быть, все-таки можно стрелять из новых систем прямой наводкой. Ну, хотя бы на меньшем, чем у пушки, расстоянии. Надо спросить Комарова".

- Иван, как твое мнение? Комаров как бы ожидал моего вопроса. Сказал коротко.

- Да... По-моему, да... Не зря же их создавали. Наконец явился Будкин. Окинув нас строгим, ничего не выражающим взглядом, он спокойно прошел на свое место. Надо сказать, что став помкомвзвода, Будкин заметно переменился. Нет-нет и начинал важничать. Вот и сейчас напустил на себя строгость, а ведь знает, что ждали его, как бога. Переглянувшись с Иваном, мы склонили головы над тетрадями.

Но вот Будкин встал и, слегка потянувшись, кивнул нам на дверь.

- Выйдем, что ли...

Все-таки не выдержал, конспиратор. Все напускное слетело с него в коридоре. Рассмеявшись, он толкнул нас обоих и воскликнул:

- Эх вы, дубы!.. Тоже мне гвардия. Что могло означать такое восклицание? Мы зашли в "курилку".

- Рассказывай, - сказал Иван. Глаза у него блестели.

- Что рассказывать?.. Опять полковник выступал. Сказал, что данные для стрельбы нужно брать с карты или даже полную подготовку производить. Ну, а потом снова взялся за пристрелку. Начал доказывать, что у новых систем траектория полета снарядов почти одинаковая со 122-миллиметровыми гаубицами и поэтому вместе с ними нужно гаубицу возить и пристрелку из нее делать... Будкин поднял вверх указательный палец. - Это мнение его приняли к сведению и в протокол записали...

- Ну, артиллерист человек старый, его убей - он на своем стоять будет, а другие - те как? - спросил я.

- Не перебивай, - прогудел Иван.

- Другие?.. Сапер схему окопа принес. Говорит, что вполне от осколков должен защищать. С сапером все в порядке...

- А тактик?

- Тактик, как и артиллерист, неопределенно говорил. Нет, мол, достаточного опыта их применения. По-моему, рано или поздно, они тоже с постоянных огневых будут стрелять. И все как у обычных артиллеристов будет. С этим ни я, ни Комаров не согласились. Хотелось верить в необычность нового оружия, и мы верили.

- Как это у обычных? - вспыхнул Иван. - Новые системы совсем особые!

- Я вам говорю, что специалист сказал.

- А еще кто выступал?

- А еще, - Будкин снова заулыбался, - наш взводный.

- Не может быть! С чем же он?

- О нашем расчете. Как освоили в эти дни установку. Как отрабатывали действия номеров расчета. Очень толково говорил.

- Какой молодец! - мы радостно засмеялись. У нас было еще много вопросов, но Мишка нетерпеливо махнул рукой и снова принял прежний, командирский вид.

- Ну, а теперь главное! В заключение выступил начальник училища. Необходимо немедленно отказаться от многих старых взглядов и привычек, сказал он. - В трудный и ответственный час Родина доверила нам новое оружие и мы должны им овладеть. Навыки выработаются на практике!

Будкин сделал паузу, как бы подготавливая то, чем нас совсем собирался поразить.

- В самое ближайшее время мы станем гвардией! Теперь будет такая! Все, кто будет воевать на новых системах, станут гвардейцами. Вот такие-то дела! Будкин подскочил и ухватился за

наши шеи. - Ну, чего молчите?! Гвардией, как во времена Суворова и Кутузова. Да, еще Советской!

- Вот это да!

Ну, что можно было еще сказать?

- Пока никому ни слова. Жать на учебу и только, - строго сказал Будкин.

С трудом приняв непринужденный вид, мы возвратились в класс.

Положение на фронтах становилось все хуже. Немцы заняли Ржев и выходили к Волоколамску. Там шли упорные бои.

Согласно плану эвакуации, училище - эшелон за эшелоном - отправляло на восток свое имущество. В конце концов очередь дошла и до постелей. Пришлось спать на голых металлических сетках. Это было не страшно. "Шинель на себя шинель под себя". В изголовье каска и противогаз. Карабины и самозарядки в пирамиде. Уже несколько дней мы находились в полной готовности к выступлению на фронт.

Однажды ночью сквозь сон я услышал команду: "боевая тревога". Вскочил с койки. Команда доносилась из соседней казармы, а у нас было пока все тихо. Я растолкал соседей. Столпившись у окна, мы жадно смотрели, как забегали по училищному двору наши товарищи из соседнего дивизиона. Вскоре заревели моторы. Дивизион выступал на фронт. Мы провожали их взглядами, пока за училищными воротами не скрылось последнее орудие.

- А когда же нам! - ворча, мы снова укладывались на свои сетки.

...Враг прорвался на волоколамском направлении. Для ликвидации создавшегося тяжелого положения в бой вводились курсантские части. Подразделения двух старейших в стране училищ - имени Верховного Совета и Первого Московского артиллерийского, - с хода вступив в бой, разгромили крупную немецкую колонну.

Комаров, в который раз, читал вслух письмо от приятеля из фронтового дивизиона. Сейчас тот воевал разведчиком курсантской батареи.

"...Так что, Иван, бьем фашистов в хвост и в гриву, как и мечтали в училище. В первый же день атаковали большую колонну у деревни Лотошино и наголову ее разбили. Только наша батарея подбила пять танков, да автоматчиков положили десятков с семь... Но знай, что на деле это гораздо труднее, чем думалось. У немцев танков навалом, и они во что бы то ни стало рвутся сбить нас с Ламы и выйти к Москве. Но из этого ничего не выйдет. Кремлевцы (так называют курсантов училища имени

Верховного Совета) стоят насмерть и все время контратакуют. Мы их поддерживаем и, как можем, стараемся выдавать немцам сполна. Сегодня опять отразили три атаки и тоже подбили два бронетранспортера и два танка... Пока сейчас тихо, вот и пишу тебе письмо. Извини, что оно в черных пятнах. Это от картошки. Ее здесь полно и мы печем картофелины на угольях..."

- Семь танков и два бронетранспортера. Мать честная! Поесть бы там этой картошки! - Комаров посмотрел на окружавших его соседей. - А тут!.. И чего только сапоги рвем!

Действительно, в то время, как наши товарищи отчаянно сражались под Волоколамском, в училище мы занимались строевой подготовкой. Стучал барабан на плацу, звучали команды. Курсанты, стремительно печатая шаг. рубили асфальт. Маршировали по-боевому: в шинелях и касках, с карабинами, автоматами и самозарядками.

О причинах таких учений никто не задумывался. На коротком перекуре кто-то брякнул: гоняют, чтобы не зажирели. Поулыбались насмешливо - и все.

Куда печальнее было, что стали давать меньше хлеба. Кормили по-прежнему отлично, по курсантской норме, а вот хлеб - его стали давать по весу. Пришлось вводить популярный ритуал дележки: "кому-кому". И из этого трудного положения нашелся выход. До начала строевой подготовки успевали заскочить в палатку военторга, где всегда было в продаже печенье. Набивали им карманы: "хлеба нет - рубай печенье!"

Солдат - всегда солдат. Неунывающие курсанты нетерпеливо ждали отправки на фронт, а пока расходовали свою энергию на строевую подготовку и забавы.

Во время перекура первая шеренга гоняла "жука".

Очередная жертва распрямляла за спиной ладонь. Не подсматривает?.. Можно бить!

Рука у направляющего Ивана Комарова тяжела. Ладонь - лопата. Трах!.. Подняты вверх большие пальцы: кто бил?

- Нет! Становись снова!

7 ноября учебные дивизионы были подняты в пять часов утра. Без физзарядки и обычной суеты, как видно ради праздничного дня, поднялись и. неторопливо собравшись, направились в столовую.

Ненастный октябрь в это утро сменился настоящей зимой. На улице бушевала снежная вьюга, встречали холодные, обжигающие порывы ветра. После завтрака вышли на плац: ну какая в этой вьюге может быть строевая?!

Неожиданно раздалась новая, не как в обычные дни, команда:

- Училище, - под знамя!

Торжественно вынесли знамя училища. Ударил оркестр. Колонны курсантов, долгое время не покидавшие училищных стен, потянулись к воротам. Мелькавшая догадка превратилась в твердую уверенность: идем на парад!

Снегопад почти прекратился. Реже стали порывы ветра. Наступал рассвет. Безлюдные хмурые улицы. Только дежурные с повязками да дворники в подъездах и воротах. Мешки с землей, надолбы, "ежи". Перекрещенные полоски бумаги на окнах. Москва ноября 1941 года.

И вот над безлюдной, замерзшей военной Москвой взорвалась звонкая курсантская песня: "...Страна моя! Москва моя! Ты самая любимая!.."

Гремел оркестр. Мерно раздавались шаги шеренг.

Безлюдные улицы и переулки начали заполняться взволнованными москвичами. Отвыкшие улыбаться, лица снова засветились:

- Курсанты идут!.. Курсанты!.. Ребята!.. Родные наши!.. На парад!..

И бежали вслед за колоннами по Садовому кольцу, по улице Горького... Много очень было в училище москвичей. Вот кому-то посчастливилось увидеть знакомых; те восторженно кричат: "Витя, Витька, дорогой..." - и, натыкаясь на встречных, бегут за колонной.

Сердца заполняла радость. Менялись песни, одна за другой - и так до самого Манежа.

Академий в Москве тогда уж не было, и училищу предстояла великая честь открывать исторический парад.

Одна за другой колонны выходили на площадь, образуя парадные шеренги по двадцать человек.

В этот день Красная площадь не выглядела нарядной и праздничной. Громадная однотонная бело-серая коробка. Снег. На самой площади. На зубцах кремлевской стены. На крышах. Порывы ветра вздымали снежную поземку, бросали в лицо.

Подошел начальник училища полковник Ю. П. Бажанов. Широкий и крупный, в каске, он выглядел особенно суровым. Посмотрел на замершего направляющего Ивана Комарова. Я тоже, как и Иван, напрягся, но полковник только скользнул по мне взглядом и прошел дальше. В середине шеренги опытный взгляд начальника училища заметил то, что просмотрел ответственный за шеренгу лейтенант Шикунов. На груди под шинелью у курсанта что-то топорщится.

- Что это?

Всегда жизнерадостный курсант бледнеет.

- Правила стрельбы... Я думал, что может...

Но полковнику все ясно, что думал этот курсант. Он проходит дальше, а недалеко стоящий лейтенант Шикунов бросает на курсанта ничего хорошего не обещающий взгляд.

От Манежа, с улиц 25-го Октября и Куйбышева одна за другой выходят части московского гарнизона - участники парада. Выстраиваются перед ГУМом. Не отрываясь, смотрим, кто с нами здесь, на площади, в этот ответственный час.

Защитники Родины, все как один приготовившиеся стоять насмерть! Как открыто смотрит вот тот паренек в большой, не по голове, шапке. А рядом пожилой суровый с усами. Все!..

И мы, совсем еще мальчишки, в тот час осознавали, что присутствуем на необыкновенном параде. И все, кто был тогда на площади, верили, знали, что врагу скоро не поздоровится.

Появляется командующий парадом генерал-полковник Артемьев. Замерло все. Медленный торжественный звон курантов: раз, два, три... восемь!

На площадь выехал принимавший парад Маршал Советского Союза Буденный. А на трибуну Мавзолея поднялось правительство, и впереди шел И. В. Сталин.

- Здравствуйте, товарищи курсанты! Поздравляю вас с праздником! обратился к училищу Семен Михайлович, и громкое "Ура!" покатилось по площади. И вот уже, объехав войска, маршал поднялся на трибуну Мавзолея.

Послышался легкий хрип усилителей, и на Красной площади, и на Урале, и Дальнем Востоке раздался негромкий, с сильным грузинским акцентом, голос Сталина. Он напутствовал армию, весь советский народ на разгром врага, на победу.

Замерли войска на Красной площади. Каждое слово входило в сердца навсегда.

- ...Пусть вдохновят вас в этой войне мужественные образы наших великих предков - Александра Невского, Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

Колонны прошли мимо Мавзолея - путь большинства известен заранее - на фронт.

Сейчас в живых осталось не много участников этого парада.

Училище же вернулось в казармы, нам предстояла дорога в обратную сторону на Урал, где готовились к боям командиры гвардейских минометов.

Глава вторая. Мы поведем свои подразделения бой

Выпуск состоялся в апреле. Мы прибыли в Москву, где командный состав распределяли по боевым частям. Будкина, как лучшего курсанта, командование решило оставить в училище

командиром взвода. Долго пришлось побегать Мишке, чтобы добиться отправки вместе с нами. Но все же добился.

Как вошли мы по очереди в отдел кадров, так и получили подряд назначения в один полк и даже в один дивизион.

- Вот здорово! - сказал Женя, узнав, что мы с ним попали в одну батарею. Я-то в душе не очень-то радовался, черт знает, как он поведет себя в боевой обстановке. Но огорчать Женю не хотелось.

Накануне вечером он таинственно вывел меня за проходную московского училища, где теперь находилась формировка.

- Познакомьтесь, пожалуйста! - торжественно сказал он, кивнув на чернявую девушку с миловидным округлым лицом и заметными ямочками на щеках. Мы с Иваном видели ее, когда она навещала Богаченко в прошлом году.

- Большое вам комсомольское спасибо! - ни с того ни с сего сказала девушка, протягивая мне ладошку. - Вы так помогали Жене в трудностях.

Это было неожиданно, я совсем растерялся.

- Да я... Да мы... - только и мог я вымолвить. - Комаров...

Но девушка не унималась:

- Помните, как вы ему скатку скрутили, а потом в походе выручили, - и она стала перечислять наши "подвиги".

"Вот навыдумывал чижик!" - я не знал куда деваться.

- А с Комаровым вы не познакомились? - осенило меня. - Сейчас я вам его пришлю.

И в городке, разыскав Комарова, я послал его к воротам.

- Да кто там мог прийти? - недоумевал Иван.

- Иди! Там увидишь... Девушка. Иван заинтересованно вспыхнул.

- А чего ты злой такой?

- Неважно.

Иван пошел, а я все еще испытывал неловкость. Всегда приятно, когда тебя благодарят за хорошие дела, но... чего греха таить, - мы мало помогали Жене.

...Полк только начал формироваться. Точнее два его дивизиона. Третьим в часть вливался прибывающий с фронта 7-й отдельный гвардейский минометный дивизион. В нашей батарее не было еще ни командира, ни политрука. Только начали прибывать люди. Их сразу же распределяли по подразделениям. Кого пограмотнее, посмекалистее - ко мне, во взвод управления. Более степенных и старших годами - в огневой взвод.

Почти сразу подобрал я командира отделения разведки - своего ближайшего помощника Василия Рымаря. Родом он оказался с Урала. Уже отслужил в армии год. Внешне

неприметный, среднего роста, худенький, востроносый. Но, побеседовав с ним, я убедился, что это серьезный, вдумчивый парень. Заметил я, что и солдаты, с которыми он к нам прибыл, очень к нему прислушивались. И, несмотря на то, что выглядел щупловатым, он неплохо работал на турнике.

Мы с ним сразу принялись обсуждать, каких же людей следует подбирать во взвод управления.

В разведку захочется почти каждому, а надо отобрать наиболее подходящих. А какие наиболее подходящие? Очевидно, смелые и решительные, в первую очередь. Чтобы не смалодушничали, не струсили в трудный момент. Сильные и выносливые. Тоже очень важное требование. Может так статься, что и врукопашную придется схватываться, да и на ногах все время разведчики, с оружием в руках, с тяжелыми приборами и аппаратами за спиной. Грамотные обязательно. Разведчик все время работает с картой, с журналами и другими документами разведки. Со сложными приборами: стереотрубою, бусолью, компасом, биноклем. Вообще разведчики должны быть во всех отношениях активными людьми, желательно комсомольцами.

Таково было наше с Рымарем твердое мнение. Прибыло первое пополнение. Я долго ходил среди томившихся в ожидании людей, заговаривал, то с одним, то с другим. Наконец отвел в сторону одного паренька. Едва заговорил с ним о разведке, он так и вспыхнул, доверчивые карие глаза на открытом, смуглом лице загорелись. "Да, конечно, он очень хочет в разведку, мечтал об этом".

- Как фамилия, откуда?

- Виктор Ефанов, из Москвы.

- Ого! Значит, земляки. Пошли поговорим. Мой помощник тоже отобрал одного новобранца с Урала, Петю Шилова. Когда мы уже уходили, подбежал еще один новобранец.

- Товарищ лейтенант, вы разведчиков набираете, запишите меня - Федотов Николай.

Мы взглянули на него. В распахе ворота виднелась тельняшка, да и вообще он показался на вид каким-то разболтанным.

- Нет, не нужно.

- Товарищ лейтенант!..

Вскоре в полк прибыли радисты. Мы и тут не прозевали. Я сразу высмотрел чернобрового юношу с очень правильными, располагающими к себе чертами лица. Худой, высокий, в короткой не по росту гимнастерке, он был заметен среди остальных радистов. И хотя юноша этот мне понравился сразу, я все-таки и его спросил, хочет ли он в разведку.

- Хочу, товарищ лейтенант, - ответил он коротко. Я тут же узнал, что Юрий Черепанов - москвич, окончил десятилетку, очень любит рисовать. Это мне было на руку. Документация, разведывательные схемы панорамы местности требовали художественного исполнения. Вместе с Черепановым мы взяли во взвод еще трех положенных по штату радистов.

За несколько дней взвод был укомплектован. Вечером я сидел в маленькой комнатке, служившей канцелярией батареи, и в который уже раз просматривал список своего подразделения, когда вошли два командира. Они отрекомендовались:

- Лейтенант Васильев.

- Политрук Чепок.

Командир и политрук батареи прибыли.

Васильев - широкоплечий, плотный. Русые, гладко зачесанные волосы. Правильные черты лица. Хитроватый взгляд веселых серых глаз. Чепок долговязый, с впалой грудью и длинной шеей. Заметно, что близорукий. Знакомясь, характерно прищуривался.

Обоим им было лет по тридцать с чем-нибудь.

Мне они понравились, несмотря на несколько мешковато сидевшее обмундирование. Это же понятно - прибыли из резерва и только что переоделись в военную форму. Главное, что знакомясь, они разговаривали очень просто, без всякой заносчивости. Подкупала в командире и политруке батареи спокойная уверенность в себе. Такие и с тебя спросят в полной мере, но уж когда понадобится, то и поддержат. До войны Васильев преподавал литературу, Чепок историю.

Еще больше они понравились Жене Богаченко. Он без устали говорил о прибывших командире и политруке.

- Оба - учителя. Как ты думаешь, это ничего, что они не кадровые?

Себя Женя, видимо, считал кадровым.

- А Васильев заботливый. Сразу спросил меня: трудно ли работать с подчиненными. "Не робей, воробей", - сказал.

- Ты и есть воробей.

Но Женя с каждым днем чувствовал себя все увереннее. Его даже не задело это сравнение с несолидной птичкой.

- А политрук Чепок, видимо, очень добродушный. Улыбается все время, со всеми за руку здоровается. Чего он такой худой? Не больной? Как ты думаешь?

- Больных в армию не призывают. - Женька начинал надоедать. - Сходил бы посмотрел: не привезли ли еще чего из имущества.

В этот день формирование подвигалось очень быстро. В

артпарк встали боевые машины полка. И туда сразу же потянулись солдаты и командиры. Огневики приступили к изучению матчасти, сколачивали расчеты.

Повезло Богаченко, что ли, но у него подобрались очень хорошие командиры орудий. Примерно лет по тридцать каждому. Все из запаса, они, тем не менее, чувствовали себя возле установок, как рыба в воде. Особенно понравились мне Кобзев, Гребенщиков, Меринков. А у меня во взводе все птенцы - на год моложе своего взводного.

Но в учебе мы огневикам не уступали и за короткие дни формирования научились обращаться со своим личным оружием, с приборами, познакомились с уставами и, конечно, позанимались необходимой для новобранцев строевой подготовкой.

На первом же занятии по строевой подготовке вскрылся, с моей точки зрения, серьезный недостаток у Рымаря, как командира - все команды он подавал ровным негромким голосом, а ведь команда должна звучать.

Я сразу же отвел его в сторону и довольно строго начал пояснять, каким должен быть командирский голос. Рымарь стушевался, пытался отмолчаться, а потом вдруг неожиданно выпалил, что на швейной фабрике, где он работал до армии, кричали только женщины, а немногочисленные мужчины говорили негромко и солидно.

- Надеюсь, товарищ гвардии лейтенант, что на наших ребят вообще не потребуется повышать голос, - заключил он горячо.

- Фабрика есть фабрика, а строй есть строй! - сказал я резко, но сразу же сообразил, что так ему вряд ли что докажешь. Наконец мы пришли к соглашению, что - команды нужно отдавать отчетливо и громко, а на занятиях в беседах с людьми желателен спокойный, даже задушевный тон.

Формирование подошло к концу. Ждали вручения гвардейского знамени. Как правило, получив знамя, часть в тот же день убывала на фронт.

А полк стоял еще на месте, ко многим постоянно приезжали родные и близкие. Увольнения за пределы военного городка, даже посещения кино были категорически запрещены.

Хотя и миновал самый тяжкий, самый опасный для страны 1941 год, отборные гитлеровские войска были разгромлены под Москвой, положение на фронтах продолжало оставаться серьезным. Крайне сложная обстановка создалась на Харьковском направлении, где наши войска добились успехов. Теперь противник пытался контратаковать...

Наконец, ранним утром прибыли представители Ставки для

вручения гвардейского знамени. Прибыли только что назначенные командир и комиссар полка.

Боевая тревога!..

Подразделения давно уже находились в полной боевой готовности, все имущество лежало надежно увязанное на машинах, и все равно начались суетливые сборы. Торопливо выезжали на дорогу боевые машины, суматошно носились солдаты. Подбегали к машинам, что-то торопливо перекладывали, заново перевязывали. Вновь бежали в казарму...

Полк построился на плацу. Поздоровавшись с личным составом, командир и комиссар полка медленно пошли вдоль фронта дивизионов. Они внимательно всматривались в лица воинов, в свою очередь и солдаты взыскательно разглядывали командира и комиссара, которые поведут их полк в бой.

Командир - гвардии майор Виниченко. Невысокий, как бы квадратный, полный, с очень решительным лицом, на котором выделялись пытливые глаза. Комиссар гвардии майор Крюков, напротив, был очень худощав, в нем чувствовалась сдержанность и простота.

Наступили торжественные минуты.

На середину плаца перед фронтом полка вынесли гвардейское Знамя. Алое полотнище с вышитым серебром портретом Ленина. Надписи на Знамени гласили:

70-й гвардейский минометный полк.

За нашу советскую Родину.

Смерть немецким оккупантам.

Преклонив колена, командир и комиссар приняли Знамя.

Воины полка поклялись. Не посрамить гвардейского звания, бить врага без пощады, как зеницу ока оберегать священное Знамя.

Развернутое знамя пронесли перед фронтом полка, и оно заняло свое место впереди колонны части.

Полк получил право бить врага.

Грузились на одной из московских товарных станций. С широкой эстакады, одна за другой, боевые машины въезжали на железнодорожные платформы. В теплушках размещался личный состав. Бегал вдоль эшелона дежурный - Иван Комаров. Он следил за прокладкой телефонной линии к паровозу, за установкой зенитных средств, за общим порядком.

Поодаль от места погрузки стояли провожающие. Время от времени к ним подбегали отъезжавшие на фронт мужья, братья, сыновья.

Свистнув, паровоз медленно потянул состав. Торопливо замахали, вытирая глаза, родные. До свидания, дорогие! До

свидания, Москва!

Глава третья. Батарея открывает счет

Командир нашего дивизиона гвардии старший лейтенант Кондрашов, сухощавый, с усталым морщинистым лицом человек поставил боевую задачу в точном соответствии с уставом:

- Противник обороняется... Наша стрелковая дивизия наступает...

"Наступает!!" - лица засветились радостью. Комдив наметил районы расположения наблюдательных пунктов и огневых позиций дивизиона:

- Начальнику разведки дивизиона гвардии лейтенанту Будкину оборудовать НП на западной окраине села Красная Поляна. Батарее Васильева - на высоте с отметкой 120.0. Батарее Баранова - на два километра севернее.

После уточнения района огневых позиций всем все стало ясно.

Ночью мы прибыли с батареей в район своих огневых, расположенных на юго-восточной окраине большого села Красная Поляна.

С нами приехал и Будкин со своими разведчиками. Здесь нам открывалось широкое поле для самостоятельных, решительных действий. Я проводил Будкина за наши огневые.

- Ну, давай!.. В общем, смотри тут мне... - проговорил Мишка, в голосе его послышались озабоченность, суровая теплота.

Мы пожали друг другу руки, и Будкин отправился со своим взводом на западную окраину Красной Поляны.

Поджидая Васильева, я наблюдал за Богаченко, производившим разбивку огневой позиции.

Женя старался. Сменив несколько точек, он наконец выбрал место для буссоли.

- Меринков! - кричал Женя. - Развернись чуть правее! Еще чуть-чуть. Теперь вперед на полколеса... Стоп!.. Гребенников, Кобзев!

Много раз бегал Богаченко от буссоли к боевым машинам и обратно, ревели моторы, наконец, строго, как по ниточке, расставленные четыре установки нацелились в сторону врага.

Подсвечивая фонариком, Богаченко в последний раз проверил показания прицельных приспособлений буссоли и отпустил командиров орудий.

Наблюдавший за Богаченко со стороны Васильев чему-то улыбался.

- Ну, давай теперь с тобой уточним, - сказал мне комбат.

- Наши позиции лучше, чем у противника - заметил он,

рассматривая при свете карманного фонаря карту. - Видишь, в наших руках и это село и вся громадная высота. На ней и приказано занять наблюдательный пункт. Смотри, как она вклинилась в расположение врага. Значит, отсюда на нее прямо идти нельзя. Можно угодить аккурат к фашистам. Надо заходить строго с востока.

Слушая Васильева, я старательно изучал карту. Для лучшей маскировки огневые батареи выбрали возле Красной Поляны, но это было очень близко от противника. И теперь прокладывать линию на высоту, на которой наметили занять НП, приходилось в непосредственной близости от передовой. Да и расстояние получалось немалое - около пяти километров. Примерно десять-одиннадцать катушек телефонного кабеля. Я сказал об этом командиру батареи.

- Конечно, - сразу же согласился Васильев. - Да уж куда лучше было бы дождаться дня и осмотреться как следует, чем в ночи вам блуждать. Нельзя приказ! С сегодняшнего дня мы, дорогой мой, на войне. Ясно?

- Ясно! - я встал и крикнул в сторону машины, где находились мои разведчики. - Рымарь, выступаем!

- Главное, поосторожнее, - напутствовал Васильев. - Завтра, наверное, наши снова атакуют, так смотрите не лезьте зря вперед. Береги людей, воевать надо научиться... Чтобы связь с тобой все время в порядке была. Дублируйте по рации...

Вместе с телефонистами и радистами я вступил в темноту черной украинской ночи.

С первым же шагом, который я сделал в сторону от огневой позиции, пришло и чувство большой ответственности, которая с этого момента на меня легла. Под моим началом было двенадцать человек. Я отвечал за них, за успех дела. Ошибусь, поступлю опрометчиво - сразу же поставлю под угрозу жизнь этих восемнадцатилетних ребят, которых сам подбирал в разведку. Разведчики! Одна из самых опасных профессий на войне... "Смотри... За каждого ты в ответе! Все время смотри в оба!" - так я сказал себе тогда.

Мы шли в ночи цепочкой, иногда, осторожно присвечивая фонариком, я проверял по карте маршрут. На одной из остановок я не удержался, показал разведчикам линию на карте.

- Видите крупный пунктир?.. Так вот, это граница между РСФСР и Украиной! Мы как раз стоим на ней.

- Прямо на ней?! - все невольно посмотрели себе под ноги.

- Да! Ну, может в стороне на несколько метров.

- Здорово! А может быть, я стою, товарищ гвардии лейтенант, одной ногой на Украине, а другой в России? - Шилов пошире

расставил ноги и все заулыбались.

- И так может быть. Ну, двинулись дальше! - я сложил карту.

Сначала идти было несложно. Слева все время находились темные отчетливые контуры села Красная Поляна.

Звонко, на все голоса разливались в селе соловьи. Сколько их было? Сотня? Тысяча? Прямо звон какой-то стоял в воздухе от их пения. Ребята тихонько переговаривались, многим такой концерт был впервой и они дивились птичьему мастерству.

- Вот поливают!..

Недалеко от западной окраины Красной Поляны то и дело взлетали ракеты противника. По ракетам даже легче было ориентироваться. Наконец село осталось позади, все слабее доносилось соловьиное пение. Теперь степь обступала кругом, темнота - только высоко в черном небе проносились цепочки трассирующих пуль. Скрипели катушки с разматывающимся проводом. Опустело уже шесть катушек. Значит, прошли около трех километров.

Как-то разом пришло, все усиливаясь, беспокойство: правильно ли идем? Я все чаще поглядывал на светящуюся стрелку компаса. "А вдруг что-нибудь не так? Вдруг забредем прямо к врагу? Кто его знает, может быть, здесь линия фронта не сплошная, и вовсе не так проходит обозначающая передний край синяя линия, которую я перенес с карты Васильева..." Казалось, что ракеты уже взлетают чуть ли не со всех сторон.

Видим, все, что я чувствовал, испытывали и мои солдаты. Они уже почти не переговаривались, теснились ближе друг к другу. Старались ступать совсем неслышно.

Наконец слева начал обозначаться громадный холм. Черный, почти сливающийся с небом.

Ну, вот и вышли! С плеч точно гора свалилась. Приободрились и разведчики. Я решил немного передохнуть.

- Двоим связистам отправиться обратно на огневые, пусть ждут нашего вызова. Примерно через час. На этом месте будет наша промежуточная точка. Оставить одного человека.

Командир отделения связи принялся распределять своих людей. Собрав пустые катушки, отправились обратно на батарею два телефониста. Связист, назначенный на промежуточную точку, воткнул в землю шомпол для заземления, начал подсоединять аппарат.

- Войдешь в связь и сразу же строй окопчик, - сказал я ему.

- Покурить нельзя, товарищ лейтенант? - спросил Рымарь. - Часа два не курили.

Зажигать спички мне показалось слишком опасным.

- Нет, нельзя! - сказал я твердо. - Придем к пехоте, тогда и

накуритесь. А здесь противник близко. Все! Пошли!..

И мы начали взбираться на высоту.

Снова нам никто не встречался. Ни одного солдата, ни подразделения. А ведь должна же здесь быть пехота. пакеты взлетали все ближе. Казалось, прямо из-за гребня, на который мы поднимались. И от близко взлетавших ракет, от автоматных очередей, то и дело звеневших в воздухе, снова пришла тревога. Так прошли метров восемьсот.

- Товарищ лейтенант, почему никого нет? Ответить я не успел. Неожиданно земля под ногами осыпалась и я скатился на дно траншеи, при этом громко лязгнули гранаты, которые я нес в вещмешке за спиной.

- Стой, кто идет?! - негромкий, но резкий и требовательный окрик прозвучал так внезапно, что заставил вздрогнуть, а палец невольно лег на спусковой крючок -автомата.

- Свои!.. Артиллеристы!.. - хрипловато выкрикнул я в ответ.

- Пароль?!.

- Не знаем. Позовите командира...

В темноте помолчали и потом тот же голос разрешил мне подойти одному.

Осторожно пробираясь по траншее, я оказался вскоре перед небольшим окопчиком, в котором сидело двое пулеметчиков, направивших на нас тяжелый "максим". Солдаты настороженно смотрели на меня.

- Нам нужно на КП батальона, - поглядывая на дуло пулемета, сказал я. - Мы - артиллеристы. Только что прибыли на этот участок и будем здесь оборудовать свой НП.

Видимо, сообщение, что прибыла какая-то поддержка, им пришлось по душе.

- К комбату идите прямо по этой траншее... С полкилометра. Только тихо и не сбейтесь влево. Фашисты метрах в двухстах.

От этой вести взволнованней забилось сердце. Почти не дыша, мы двинулись дальше вверх...

Траншея была глубиной меньше метра, да к тому же местами осыпалась. И снова никто не повстречался на пути. "Вот так передний край! - с неприятным изумлением думалось мне. - А если бы мы на тех пулеметчиков не наткнулись? Тогда и прямо к гитлеровцам в гости могли угодить!"

Наконец натолкнулись еще на двух солдат, эти тоже нас подозрительно допросили, прежде чем показать, как пройти к командиру батальона. Все же в конце концов добрались.

Оставив Рымаря с людьми в траншее налаживать связь с батареей, я влез в небольшой, отрытый прямо в стенке блиндажик. Представился двоим находившимся в нем старшим

лейтенантам. Те сначала удивленно, а потом обрадованно заулыбались.

- Прибыли на наш участок. Вот это здорово! Садись, лейтенант. Я - командир батальона Смирнов, - сказал один из сидящих. Молодой, чуть постарше меня, он производил впечатление боевого командира: - А вот тоже артиллерист. Командир нашей полковой батареи. Обстановку мы тебе сейчас выложим.

У обоих на гимнастерках светились ордена Красного Знамени. Так близко эти заветные награды мне довелось увидеть впервые. Невольно посматривая на них, я почтительно присел на земляной выступ. Артиллерист сунул мне в руки кружку с чаем и кусок хлеба с селедкой.

- Сейчас я посмотрю, как там устроились ваши люди.

Комбат выбрался наружу, а вскоре вернулся обратно.

- Все в порядке. Налаживают связь. Остальные закусывают... - Он сел и сразу озабоченно нахмурился. - Так вот, обстановка сложная, а проще сказать дрянь. Противник накапливает силы. Второй день не спим - слушаем шум танков. Вот прямо перед нами в роще. Вчера они и днем, в открытую, по дорогам передвигались. Думаем, что утром атакуют.

Это было так неожиданно, что я чуть не поперхнулся чаем. А как же Харьков, находившийся неподалеку отсюда, освобождение которого, по моим расчетам, было делом самых ближайших дней. Ведь наши войска все последнее время успешно наступали на этом участке. Командир дивизиона сказал ясно. Как же это все так нескладно получилось?!.

- Мы же наступали?! - вырвалось у меня.

- Наступали... - комбат сожалеюще улыбнулся. - Наступали, а теперь вот...

Я молча перенес обстановку с карты комбата, О чем было спрашивать, когда завтра на эту высоту попрут вражеские танки, а мы прошли чуть не весь холм и встретили только несколько солдат. С чуть тлеющей надеждой все-таки спросил:

- Отобьетесь?

Оба командира усмехнулись от такого наивного вопроса.

- Будем стараться! - сказал комбат. - Поддержки маловато. Только что вот батарея полковых пушек да три сорокапятки. Хорошо, что вы подошли. - В глазах Смирнова загорелся огонек. - Слушай, лейтенант! Накройте мне рощу, чтобы загорелась. Она же начинена танками! Вот если бы вы это сделали! Тогда отобьемся, верь мне! Ну?!.

Это было бы здорово - одним залпом сорвать готовящуюся атаку врага. Я привстал, насколько позволял блиндаж.

- Сейчас пойду доложу своим...

Мои разведчики уже обосновались. Радисты и телефонист сидели у аппаратов. Шилов всматривался в скрытую темнотой передовую противника. Сейчас две маленькие ячейки, в которых они находились, были окружены солдатами батальона. Из отрывочных фраз, которые до меня донеслись, я понял, о чем идет речь. Пехотинцы расспрашивают: как стреляет "катюша"?

Все торопливо расступились, пропуская меня к телефонному аппарату.

Васильева мое сообщение явно встревожило.

- Ладно, будем смотреть на рощу. Доложу и дадим по твоему вызову.

Как правило, огонь открывался с разрешения командира полка. Но война есть война и впоследствии не раз бывало, что сложная боевая обстановка, да еще при отсутствии связи обязывала командиров дивизионов и даже батарей действовать решительно, не теряя ни секунды.

- Что, товарищ лейтенант, видно дела серьезные? - сразу же спросил меня Рымарь.

- Даже очень. Тебя кто информировал? Они? - я показал глазами на солдат.

- Ага. Страшновато все же. Танков много. Теперь на нас надеются. Как, поможем, товарищ лейтенант?

Я кивнул.

Солдаты, как видно, только и ждали окончания нашего с Рымарем разговора. Они сразу подвинулись поближе ко мне.

- С прибытием вас, товарищ лейтенант! - раздалось несколько голосов.

- Спасибо! Чего же это вас фашисты-то прижимают?

- Все последнее время мы их били!.. А сейчас они танков понагнали, наперебой, тревожно заговорили солдаты. Я старался разглядеть в темноте их лица.

- Товарищ лейтенант, как бы по ним из "катюш" садануть? - с надеждой спросил один из бойцов.

- Что ж, саданем, если надо.

- Надо!.. Очень надо! Еще как! Вся сила их сейчас здесь. Дать бы им, как следует, и все! "Катюшу", говорят, они страх как боятся! Только почуют, что здесь, и нипочем не сунутся, - перебивая друг друга, говорили солдаты.

- Конечно, товарищ лейтенант! - присоединились к пехотинцам и мои разведчики.

"А может быть, сейчас, не дожидаясь немецкой атаки? - подумал я. - Надо спросить комбата".

- "Катюша" из всех танков и самолетов наипервейшее оружие!

- протиснулся еще один солдат. - Только все издали приходилось любоваться. А теперь вот и с самими хозяевами довелось познакомиться. Очень приятно!

"Вот же вера в силу нашего огня! А я ведь еще и сам не знаю толком, что мы можем?"

Смирнов и артиллерист встретились мне в траншее. Опершись локтями о бруствер, они внимательно вслушивались в звуки, доносившиеся с вражеской стороны.

- Что сказали с огневой? - оба с надеждою повернулись ко мне.

- Дадут залп по нашему вызову. Может быть, прямо сейчас.

- Чуть подождем... Дождемся начала атаки.

- Много у вас залпов? - поинтересовался артиллерист.

- Пока только один. Снаряды возят издалека.

- Жаль. А надо бы пяток. И по роще и вокруг ее. Везде танки.

Светало. Отчетливее стала видна роща. Аккуратные кудрявые деревья. Мне уже казалось, что за каждым из них танки. И вдруг внезапная мысль пришла в голову: "Роща-то?! Ведь на карте она маленькая горошина, метров сто диаметром, а здесь на местности вон какая здоровая, не меньше двух в поперечнике. Роща разрослась, а карта устарела. Васильев же готовил данные по центру рощи, а если она росла в одну сторону, тогда залп накроет только часть цели. Вот она, первая трудность, о которой говорил старик полковник, отстаивая необходимость пристрелки. Однако как же проверить координаты рощи? Спросить у артиллериста? Он не поможет. Если он и стрелял по роще, то данные, конечно, готовил глазомерно, не заглядывая в карту... Как же проверить?" Я поспешно развернул карту и начал искать вблизи рощи предметы, которые можно бы заметить и на местности. Есть! Рядом с рощей - МТФ. Молочнотоварная ферма. Она, наверное, никуда не делась! Я спросил рядом стоящего комбата.

- Есть такая. Да вон она виднеется, - он показал строение у самой опушки рощи.

Я прикинул расположение фермы и рощи на карте и на местности. "Все правильно!"

По траншее торопливо пробирались два солдата. Один из них, завидев меня, сказал другому: "Лейтенант от "катюш". И оба, проходя мимо, почтительно поздоровались: "Здравия желаем!"

- Очень надеемся на ваш залп, - проговорил подошедший комбат Смирнов. Сам видишь, силенок мало, а фашистов много. Он нырнул в землянку, откуда ему протягивали телефонную трубку.

В батальоне приготовления к отражению атаки, видимо, закончились. В траншее стрелки и пулеметчики заняли свои

позиции. Неподалеку от меня командир полковой батареи приказывал своим огневым:

- Подтащить ящики со снарядами прямо к орудиям! Всем находиться на своих местах!

Тревожное, напряженное состояние, казалось, охватило всех занимавших оборону на холме.

"Первый бой! - взволнованно думал я. - И к тому же такой ответственный! А где же Смирнов? Чего ждать? Ведь эта роща гудит, как пчелиный улей! Будет ли залп эффективным?.. А я ничего не перепутал?.." Захотелось снова побежать к телефону, проверить еще раз правильность переданных координат. Взгляд мой упал на двух бойцов батальона, стоявших неподалеку. Они выжидающе смотрели в мою сторону. Ждут... Только бы все получилось хорошо! Оправдать доверие этих отважных людей... Где комбат?

Но Смирнова нигде поблизости не было видно. Наверное, где-то на фланге отдавал последние распоряжения. А все стоявшие в траншее бойцы, как бы оцепенев, смотрели вперед на рощу.

"А вдруг ничего и не будет?!. Вдруг все опасения перед ожидаемым ударом немцев преувеличены, те и не собираются наступать? Пройдет еще час-два, и все войдет в свое обычное русло и не будет этого страха, что вражеские танки через какие-то минуты пойдут на высоту, все сомнут, передавят..." Но грозный гул моторов говорил о другом: будут наступать и скоро.

Время тянулось мучительно долго...

Взлетели ракеты на стороне противника, и сразу на позиции батальона обрушился шквал огня. Фашисты начали артподготовку.

Я бросился к телефону:

- Шестой, шестой!.. Началась артподготовка!

- Слушаю, слушаю! - кричал в трубку Васильев. - Мы готовы!

Тут же раздался голос комдива Кондрашова.

- Васильев и Баранов, оба по роще! Я понял: по роще ударят обе батареи одновременно. Дивизионный залп.

Пригибаясь, подбежал с автоматом Смирнов:

- Что же ваши?! Вражеские танки уже показались на опушке!

- Давайте, давайте! - закричал я в трубку. - Огонь!..

- Огонь! - прозвучал по линии голос Кондрашова.

- Огонь!.. Огонь!.. - повторили за ним Васильев и Баранов.

Секунды - и далеко позади, над нашими огневыми, расцветилось небо, взлетели и раскололи небосклон хвостатые огненные стрелы. С гулом пройдя над высотой, они замолотили по роще. Яркий ослепительный блеск множества разрывов!.. Пламя!.. Почти мгновенно роща превратилась в пылающий

костер.

- Ура-а-а! - разнеслось над высотой. И хотя гремели выстрелы и кругом рвались мины, этот торжествующий крик был хорошо слышен.

Несмотря на напряженность момента, гордость за свое замечательное оружие заставила меня тоже радостно закричать.

Но что это?! Из горящей рощи показались танки. Один, два, три... Фигурки автоматчиков. Что это? Неужели атака? Нет. Просто чудом уцелевшие спешили подальше от огня.

Сразу ударили и наши батареи. Полковые сорокапятки. Глухо и часто застучали батальонные минометы.

Видно не даром носил свой славный орден командир батареи. Загорелся один танк, за ним другой. Заметались и начали падать фашистские солдаты. В течение нескольких минут и с ними было покончено. Увидев, что атака сорвана, прекратили огонь вражеские минометы.

Подошел уже без автомата Смирнов. Я живо повернулся к нему.

- Молодцы! - Смирнов протянул мне руку - Нас вы выручили здорово! А вот там, чувствую, плохо! - он показывал в сторону Красной Поляны.

Отсюда, с высоты, местность просматривалась отлично. Я поспешно повернулся в сторону Красной Поляны. Опять танки! Стреляя из пушек и пулеметов, они уже достигли западной окраины села. Как черные букашки, сновали автоматчики. Во все стороны неслись нити трассирующих пуль.

"А ведь там наши! - сразу испугался я. - На юго-восточной стороне села огневые батареи, а в самой Красной Поляне Будкин на НП дивизиона. Как же они?!" - я бросился к связистам.

- Наши передали, - доложил Черепанов, - чтобы мы выходили на прием через полчаса.

- Где телефонисты?

- Побежали вниз на прорыв.

Какое же теперь решение мне нужно было принимать? Телефонистов не было, рация на огневых не работала.

Безоблачное небо. Яркое солнце. Совсем рядом, ближе чем в километре, жаркими языками пламени сверкала пылавшая роща. Бело-серые клубы дыма, перемешиваясь с черными жгутами солярки горевших танков, тянулись высоко в небо. И занималось огромным пожаром село Красная Поляна.

Выскочил командир отделения телефонистов.

- Товарищ лейтенант, связи с огневыми нет! А в Красной Поляне, видно, фашисты!

- Ах, черт! А где остальные ваши?

- Там, на промежуточной.

В траншее появились бойцы батальона с вещевыми мешками, снаряжением и оружием. Они несли ящики с патронами, противотанковые ружья. Два пулеметных расчета проволокли по дну траншеи свои "максимы". Связисты бегом сматывали телефонную линию.

Снова появился Смирнов:

- Лейтенант, снимай, сколько сможешь, свою нитку на Красную Поляну! Больше она вам не понадобится, - мы отходим на Розово!

- Немедленно снимайте линию и отходите на Розово! - приказал я командиру отделения связи. - Там теперь займем НП и будем ожидать вас!

Тот, схватив пустую катушку, начал поспешно сматывать кабель.

Гитлеровцы, как видно, уже занимали Красную Поляну. Чувствовалось, что бой идет далеко в селе, где-то в районе огневых позиций нашей батареи, откуда доносилась неумолчная стрельба и разрывы мин.

Внезапно снова раздался знакомый рев, с огневой Баранова взметнулись в небо стрелы снарядов. "Куда же дала залп пятая батарея?" - я напряженно смотрел вперед.

Волна залпа, пройдя далеко от высоты, взорвалась в Красной Поляне.

"Но ведь там еще могли находиться наши!.. И, наверняка, Мишка! Неужели Будкин вызвал огонь на себя?!" - взволнованно думал я.

Черепанов по-прежнему сидел с развернутой рацией.

- Не вызывали?

Он отрицательно качнул головой.

- Тогда быстрее свертывайся!

В небе появились фашистские бомбардировщики. Они с грозным ревом прошли над высотой, развернулись за Красной Поляной и принялись бомбить Кирсановку, находившуюся километрах в двух восточнее Красной Поляны.

Мы поспешно двинулись за батальоном.

"Что же делается там в батарее, в дивизионе?!"

- Товарищ гвардии младший лейтенант! Ну, товарищ младший лейтенант! Проснитесь же наконец! - сержант Кобзев досадливо тряс за плечо Богаченко. "Ну и здоров же спать!" - повторял про себя Кобзев.

Сон отходил медленно. Женя только недавно прилег. Когда все батарейцы крепко спали, он все еще ходил с дежурным сержантом Кобзевым по огневой позиции, проверяли, нет ли чего

подозрительного в ближайших Домах и сараях, выбрали дополнительный выезд для батареи. А все это не просто было проделать темной ночью.

Да еще потом посидели с Кобзевым на подножке - Женя все привыкал курить поговорили о первых фронтовых впечатлениях, наконец, прикинули, сколько километров до Харькова и Белгорода, еще находящихся в руках врага.

- Вставайте! Васильев вас спрашивал. Наконец Богаченко раскрыл глаза.

- Да! - Богаченко торопливо поднялся. - Где он?

- Там, возле связистов.

- Понял вас! Понял! - командир батареи, по-видимому, говорил по телефону с комдивом Кондрашовым. - Сразу же, как сработаем, отойти к Кирсановке и там ждать боеприпасов... Есть... Есть...

- Значит, так! - Васильев повернулся от аппарата к стоящим рядом Чепку и Богаченко. - Нашим наступлением и не пахнет. Кондрашов вот сообщил, да и наши с НП. С утра ожидается атака противника!

- Вызывайте людей к орудиям!

- Расчеты, к бою! - командир огневого взвода бросился к боевым машинам.

Богаченко - старший на батарее. Волнуясь, он бережно снял футляр буссоли.

- Угломер... - уже кричал Васильев. "Так!" - Богаченко быстро отметился по прицелу первой установки.

- Первому!.. Угломер 42-10 - громко скомандовал он сержанту Меринкову.

Меринков также громко повторил команду, и наводчик первой установки быстро заработал поворотным механизмом.

- Прицел 308! - снова прокричал Васильев, и Богаченко, а за ним командиры орудий повторили эту команду. Направляющие рванулись вверх.

- Первое готово!.. Второе... Третье!.. Четвертое готово! - почти одновременно доложили командиры установок, и тогда Богаченко крикнул Васильеву:

- Батарея готова!..

- Пока пусть расчеты отойдут в сторону, - сказал подошедший к орудиям Васильев. Он взглянул на магнитную стрелку буссоли, на поблескивающие сквозь зелень веток маскировки направляющие. - Все верно, Богаченко. Дальше так: дадим залп и быстрее в Кирсановку, укроемся в каком-нибудь саду. Кто его знает, как лучше. Вот повоюем недельку...

- Да, да! - поспешно согласился Богаченко. - Нас учили, что

необходимо сразу же после залпа менять огневую позицию, так как артиллерия и авиация противника...

- А сейчас будем ждать вызова с НП, - перебил его Васильев и, кивнув, повернул обратно к телефонистам.

Женя прикусил губу; подосадовал: вечно он со своими разговорами не к месту.

Чепок и Женя направились в поле к расчетам.

В батарее никто, кроме Богаченко, не видел, как ведут огонь гвардейские минометы, да и то в училище только на ночных стрельбах. Ослепительное белое пламя, охватив огневую позицию, уносилось затем в небо - на врага.

Так он и рассказывал всем, и Васильев распорядился, чтобы при стрельбе батарейцы отошли подальше от боевых машин, за исключением, конечно, командиров орудий и водителей. Командир орудия ведет огонь из кабины, вращая ручку прибора управления.

Взволнованно дыша, лежа на земле, солдаты издалека опасливо взирали на свое грозное боевое оружие.

Женя опустился рядом с ними на траву.

С рассветом прекратилась автоматная трескотня, пока все было тихо. Первые солнечные лучи мягко освещали огромную степь, сады и мазанки села. От земли веяло теплом.

Далеко вправо, за деревьями Красной Поляны, виднелась желто-зеленая, совсем светлая под лучами солнца, вершина холма. Высота 120.0, где мы находились на своем НП.

Жене захотелось получше рассмотреть эту высоту, но на огневых был только один бинокль, который висел на груди у Васильева. Он взглянул в сторону небольшого кустика, где сидел с телефонистами командир батареи. Тоже далеко от установок. "А ведь ствольникам куда удобнее - они прямо у орудий находятся, а мы вот куда забрались".

Глухие частые хлопки вражеских минометов, хлесткие разрывы на западной окраине Красной Поляны разом прервали покой тихого утра. Мельком Женя заметил, что и высота 120.0 вся окуталась бело-серым облаком разрывов.

"Началось! - его охватило волнение. Он вскочил и кинулся к Васильеву. Наверное, сейчас нужно вызывать людей к орудиям?"

Повскакали и расчеты. Они тоже ждали команды. Васильев, до этого крепко прижимавший к уху телефонную трубку, резко махнул рукой в сторону батареи. Богаченко понял:

- Расчеты, к орудиям!

Сейчас будет залп! Забыв обо всем, перегоняя друг друга, солдаты неслись к огневой.

- Снять колпачки!..

- Готово!..

- Расчеты, в укрытие!..

Все побежали в поле. Тяжело звякнув, упали броневые щитки, предохраняющие смотровые стекла кабин.

Уткнув головы в траву, лежали в поле расчеты. Сейчас. Сейчас...

- Батарея, огонь!

Стремительные струи белого пламени вырвались из сопел снарядов. Одного, второго, третьего... Заметно ускоряя свой бег, снаряды заскользили по направляющим, оставляя за собой огневые трассы, унеслись в небо - карать захватчиков!

Пламя пороховых газов ярко озарило огневую. Вырвавшиеся из сопел газы вырыли позади машин глубокие ямы, подняли над районом огневой громадное облако пыли. Комья земли, падая, замолотили градом по машинам.

Богаченко и солдаты стремглав бросились обратно.

"Значит пламя газов гасится при ударе о землю позади установок, - подумал Женя, - зачем же убегать? Наверное, можно находиться совсем близко - в нескольких метрах".

Пока расчеты бежали к машинам, батарея уже выбралась на дорогу. Размахивали руками командиры орудий: скорее!.. скорее!.. Того и гляди обрушится на огневые артиллерийский шквал или налетят самолеты.

Перекатываясь через крылья машин, хватаясь за фермы, солдаты на ходу взбирались на установки.

В кабине первой машины Васильев, в кабине второй - Чепок, в последней, четвертой, - Богаченко. Батарея рванулась от Красной Поляны в Кирсановку на перезарядку. Скорее!..

Первая машина летела по грейдеру, вздымая облака пыли. Неслись с риском налететь друг на друга, если бы вдруг затормозила одна из них. На ухабах и рытвинах боевые установки тяжело вздрагивали, гремел шанцевый инструмент качались из стороны в сторону вцепившиеся в фермы бойцы Даже находясь в кабине и крепко схватясь за скобу, Богаченко раз за разом ударялся головой о потолок.

Кирсановка!..

Где-то недалеко от деревни гулко била пушечная батарея. Бежали по улице солдаты. За домами мычал скот, раздавалось кудахтанье, слышался растерянный плач и крики жителей.

- Маскируйтесь здесь, под деревьями! - встав на дороге, Васильев указывал место подъезжавшим установкам. - Чепок, организуй, чтобы встретили боеприпасы.

Но снаряды уже были здесь, в деревне. К окраине, где встала батарея, бежал Кондрашов, за ним двигались две машины со

снарядами.

- Заряжаться! - издалека кричал он.

Заряжались прямо на дороге. Забыв про все необходимые меры предосторожности, рвали с машин ящики, резко отбрасывали крышки и хватали, хватали снаряды.

- Занимайте огневую где-нибудь здесь! - Кондрашов торопливо сунул пальцем в карту. - Связь пока по рации! Я буду вас вызывать из штаба дивизии!..

Внезапно с огневых Баранова взлетели снаряды залпа, невысоко прогудели над деревней, ударили по Красной Поляне.

- Почему?! - крикнул Васильев вскочившему в машину Кондрашову.

- Там уже фашисты... Будкин передал!.. Батарея развернулась в указанном районе километрах в четырех от Кирсановки.

- Не далеко ли отошли? - Богаченко вопросительно смотрел на командира батареи, но Васильев только рукой махнул. Надев наушники, он раз за разом начал вызывать "Гвоздику" - позывной нашего "НП".

"Гвоздика"!.. "Гвоздика"!.. Я - "Роза"!.. Я - "Роза"!.. Слышите ли вы меня? Я - "Роза"! Прием" Переключившись на прием, он выжидал с минуту и снова включал микрофон, обращаясь к "Гвоздике".

"Что же там с ними могло случиться? Почему молчат? Неужели и на высоте уже враги?" - переживал за нас Женя. Он вспомнил, как высота 120.0 в самом же начале артподготовки покрылась разрывами мин. А Васильев, найдя наконец "Гвоздику", теперь радостно прижимал обеими руками наушники.

"Они!" - забыв субординацию, Женя чуть не навалился на Васильева, стремясь услышать раздававшийся из эфира голос, но слышно было только Васильеву.

Вот он повторил мои слова:

- В Розово вошла большая колонна противника! Тесным кругом батарейцы обступили рацию. Васильев поспешно склонился над картой, замеряя циркулем расстояние.

- Далековато!.. А отсюда?.. Командиров орудий ко мне!

Все командиры орудий стояли тут же.

- Наши сообщают, что танки фашистские прорвались... Сейчас ударим по Розово вот с этой высотки! - он указал циркулем точку на карте. - Прицел 232. Ориентир - купол церкви. С того места, где мы станем, его должно быть хорошо видно. Впрочем, проверим на месте. Моторы!..

Машины рванулись. Теперь Васильев торопился еще больше, чем при отходе из Красной Поляны. Расстилая за собой длинную пелену пыли, первая установка ушла далеко вперед. Показалась

деревня. Она горела и на нее пикировали "юнкерсы". "Куда же он?! - думал взволнованно Богаченко. - Под бомбы!" Но вот машина свернула с грейдера и, не сбавляя скорости, понеслась по полевой дороге.

Немецкие самолеты кружили почти над головой. "Сейчас нас увидят и тогда..." - думал Женя, судорожно вцепившись в скобу. Машина Васильева свернула в поле и, поднимая скатами сухую рыхлую землю, двинулась напрямик к намеченной под огневую позицию высотке.

Быстрее!.. Боевые машины, уже не заботясь об интервалах, разворачивались фронтом стрельбы на Розово.

По бескрайней, с редкими холмами и балками степи отходила наша пехота. Шли подразделениями, как батальон Смирнова, и отдельными небольшими группами по трое, по двое, по одному. Много было раненых. Они выделялись белеющими повязками. Легкораненые шли сами или опираясь на плечи товарищей, тяжелых несли на носилках. Торопясь догнать батальон Смирнова, двигался и наш взвод. Со мной осталось семь человек. Двое связистов то ли не догнали нас, то ли ушли вперед.

Нелегко разобраться в обстановке, особенно если не имеешь боевого опыта, если ты вообще только начинаешь воевать. Но одно мне было ясно - у противника здесь превосходство в технике, танках, которые он скрытно подтянул на наш участок фронта, и если мы сумели уничтожить часть из них, то другие прорвались справа и слева от высоты 120.0 и вынудили нас отступить. Но ведь тогда должны с минуты на минуту появиться наши резервы, которые остановят и опрокинут атакующего противника.

Видимо, такие же мысли были и у моих солдат.

- Товарищ лейтенант, что же произошло? Я ждал этого вопроса. Ждал и думал, что я должен на него ответить. И неспроста его задал Черепанов, сам грамотный и умный парень, к тому же комсорг. Нужен ясный и обнадеживающий ответ, а его у меня не было.

- Сам видишь. Погоди-ка, наши еще подойдут. Я взглянул с надеждой на восток, откуда, как мне казалось, должны бы уже появиться наши свежие силы, танки, а за мной подняли головы и солдаты. Все оживились.

- Им немного-то и надо! Вон как от высоты пуганули!

- Танками их придавить!

- Полком бы нашим всем, как дать!

- Развернуть рацию, товарищ лейтенант? - Черепанов даже сделал движение, как бы выходя из походной цепочки.

- Немного погодя. Как слышно было, когда ты с высоты

связывался? Забивал кто-нибудь?

- Отлично! И никаких помех не было.

- Ну, немного погодя. Дойдем вот до Розово. Я понял уже свою первую ошибку: перебрали лишнего имущества, часть вполне можно было оставить в машине взвода. Плохо и то, что не было постоянной надежной связи с батареей. Я не знал, куда мне вести свой взвод, где занимать НП. В Розово? А может быть, в Точилино или где-нибудь еще?

Канонада доносилась с обеих сторон, но на нашем участке было тихо. Но вот пришел и наш черед. Загремевшие позади выстрелы заставили всех обернуться. Гребень холма уже заняли враги. Черные фигурки с автоматами и несколько танков, непрерывно стреляя, опускались вслед за нами. Огонь они вели по отдельным бойцам, неведомо как очутившимся между нами и высотой. Сразу же нахлынуло чувство приближающейся опасности. Ведь фашисты двигались быстрее, чем мы. Надо было спешить изо всех сил. Я невольно окинул взглядом степь: куда деваться!..

Мы почти бежали и уже приближались к Розово, когда на деревню стали пикировать "юнкерсы". Семь самолетов, один за другим, с визгом устремлялись вниз, бомбы рушили белые мазанки и сады. Медленно выставляя желто-серое брюхо, "юнкерсы" выходили из пике. После первого же захода деревня запылала.

Несмотря на приближавшуюся сзади опасность, я решил переждать бомбежку, хотя бы дыхание перевести.

Мы повалились в жесткую траву. Нестерпимо жгло солнце. Жаром веяло от неостывшей за ночь земли. Жаром и гарью несло от Розово.

Слабенькая радиостанция 6ПК, казалось, принимала все, кроме "Розы", батареи. В наушниках стоял треск, звучала музыка, чужая речь, морзянка. В горящей деревне ни жителей, ни солдат уже не было. С треском догорали балки строений, рушились объятые пламенем крыши, дымились яблони и вишни.

Задыхаясь от дыма, миновали деревню. Теперь впереди было Точилино. Еще шесть километров.

- Подтянуться и бодрее! - я взял у Ефанова стереотрубу, как когда-то в училище у Богаченко. - Через час должны быть в Точилино!

Высоко в небе появился фашистский разведчик. "Рама" делала большие круги над отходившими войсками.

Отделились и запорхали в лучах солнца листки бумаги. Степь усеяли гитлеровские листовки. Фашисты уговаривали сдаваться в плен советских солдат. Подумав, я немного отстал и поднял один

листок.

"...Командир артдивизиона Яков Джугашвили у нас в плену, маршал Тимошенко погиб..." Как величайшую мерзость отбросил я листок. "Яков Джугашвили? Неужели это про сына товарища Сталина?" - невольно думал я.

Вдавливая в землю листки, мы шли к показавшейся вдалеке деревне Точилино.

Фронт прорван противником. Трудно придумать худшее для воина.

Вгрызться бы врагу в горло, но как?..

Стрельба позади усилилась. Обернувшись, я увидел большую колонну пехоты и танков, входившую в Розово. Несколько маленьких танков разъезжали по степи вокруг села.

"Вот когда нужно стрелять, а связи нет!" - может, еще разок попробовать связаться с дивизионом.

- Черепанов, давай!..

Все устало опустились на землю. Это был очень большой риск. Выйди сейчас колонна из Розово - и мы неминуемо оказались бы в окружении, а то и просто попали под гусеницы танков.

Так мы сидели и смотрели с беспокойством на Розово. Распахнутые вороты гимнастерок, сбившиеся под пилотками мокрые волосы, в черных потеках лица.

Неожиданно "Роза" отозвалась.

- "Гвоздика"! "Гвоздика"!.. Я "Роза"!.. Я - "Роза"!.. Слышите ли вы меня? - наверное, как совсем еще недавно в школе, ровным голосом долбил эфир Васильев. - Прием!.. Прием!..

Я выхватил микрофон:

- В Розово вошла большая группа немцев! Как меня поняли? Я - "Гвоздика"!.. Прием!

- Понял вас!.. Понял! Идите в Точилино! Будем все время на приеме!

Несмотря на близкое соседство врага, обрадованные установившейся связью, мы заторопились в Точилино.

"Сейчас взметнется залп и обрушится на Розово!" - я все поглядывал в сторону, где, по моему мнению, должна была находиться батарея.

Снова в небе появились "юнкерсы". Они вышли на Точилино и закружили над ним. Со стороны Розово стрельба усилилась. Танки уже выползли на восточную окраину деревни.

- Прибавим еще! - мы опять почти бежали. Далеко на грейдере, вправо от Точилино, закружились над дорогой клубы пыли. Неужели танки? Наши танкисты сейчас лобовой атакой опрокинут врага?!

Но машины эти не были танками, слишком уж стремительно приближались, да и контуры их, все отчетливее вырисовывавшиеся в облаках пыли, были совсем непохожи...

Наши!.. Но куда же они?!.

Я выхватил у Ефанова бинокль.

Наши!.. Батарея взлетела на холм и теперь стала очень хорошо видна отовсюду. Расчехленные установки с ходу начали разворачиваться. Вот перед фронтом батареи пробежал Васильев, за ним с болтающейся на боку буссолью Женя Богаченко.

На солнце ярко сверкали стекла и металл боевых машин, а рядом над Точилино кружили "юнкерсы".

Васильев подбежал к третьей установке и яростно замахал кулаком. Видимо, что-то случилось у Гребенникова. Я невольно сжал кулаки.

Наконец командир батареи отбежал в сторону, взмахнул рукой. Блеск огня и клубы пыли на холме, огненные полосы низко над степью, шквал разрывов в Розово. Батарея с открытой огневой позиции ударила по врагу. Еще мгновение - и установки, на ходу опуская направляющие, уже неслись обратно, скрылись за холмами.

Сразу же от группы самолетов, бомбивших Точилино, отделилась пара "юнкерсов" и на бреющем полете пошла за батареей. Вскоре послышались разрывы бомб.

Лучшего момента для нанесения удара по врагу в Розово, чем этот, выбрать было нельзя. Фашистские танки и пехота, сосредоточенные на восточной стороне деревни, были уже все в движении. Какие-то минуты, и колонна растянулась бы по дороге в Точилино, а сейчас...

Лавина снарядов обрушилась в гущу врага. Все скрылось в огне и черном дыме.

Оцепенев от восторга, разведчики стояли и смотрели, как их батарея поразила фашистов. Потом разразились радостными восклицаниями.

Теперь можно было спокойно продолжать путь на Точилино.

- А лихо выскочила батарея, товарищ лейтенант! Не дожидаясь даже, когда "юнкерсы" уйдут.

- Ушли бы "юнкерсы" - ушла бы и колонна из Розово!

- А как с батареей? Вышла из-под удара, или накрыли ее бомбами?

- Товарищ гвардии лейтенант, наши ведь прямой наводкой били?

Кажется простой вопрос задал Шилов, а попробуй ответь в двух словах. Конечно, по Розово можно было стрелять издалека, с закрытой огневой, но Васильев решил действовать наверняка, уж

очень критическим был момент, и в душе я одобрял комбата. И, конечно, эффект большой! Пехота видела, как их "катюши" вышли навстречу наступающему врагу и круто расправились с ним...

- Прямой не прямой, а, вернее, с открытой огневой, - сказал я Шилову. Всегда надо действовать в зависимости от обстановки.

- Ну, а по-настоящему прямой наводкой наши установки могут?

- Думаю, что да. Но это еще надо проверить в бою. Все-таки, несмотря на беспокойство за батарею, разгром немецкой колонны всех нас воодушевил. "Таких несколько ударов, - шел и радостно думал я, - и выпотрошим врага. Вот бы еще наши танки сюда, и вовсе бы фашистам капут".

Но степь была пустынной, и ни наших, ни их войск не было видно. Где-то на флангах глухо гремела канонада и туда, высоко в небе, прошла вереница "юнкерсов".

А на этом участке наступила тишина... Передышка!.. Уже подходя к Точилино, мы заметили оживленное движение возле деревни. И вправо, и влево, насколько мог охватить глаз, копали оборонительные сооружения. Мы остановились, чтобы привести себя в порядок.

Батальон Смирнова нашли быстро, а вот и сам комбат машет рукой:

- Как добрались? Без потерь?

Я долго радостно тряс руку комадира батальона.

- Располагаемся здесь! Старшина по вас соскучился.

Сухая рыхлая земля легко поддавалась ударам лопат. Часа через полтора НП был готов. Сразу же и пообедали с батальонной кухни. Старшина действительно хорошо относился к артиллерии, а к "катюшам" в особенности.

Уставших от жары, изнурительного перехода и бессонной ночи, нас неудержимо клонило в сон. Закончив отрывку траншей и ячеек для стрельбы, прикрыв кто чем головы от палящих лучей солнца, спали солдаты. Спали по всей линии обороны.

Выставив к солнцу босые ноги, легли отдыхать и мои ребята. Предупредив дежурного Шилова, я пошел по траншее в надежде отыскать затерявшихся связистов. Я старательно вглядывался в спящих, лежали они, стараясь спрятать измученные лица от солнца, и, наконец, наткнулся на спящих своих телефонистов. Рядом валялись катушки с кабелем. "Вот счастье-то!" - я начал расталкивать солдат:

- Вставайте, пропащие!

Очнувшись от тяжелого сна, телефонисты радостно заулыбались!

- А мы уж боялись, что и в батарею не попадем!

Их история была простой. Быстро сняв кабель, проложенный до промежуточной точки, они увидели, как в Красную Поляну входили фашисты, и чуть ли не вслед за нами заторопились на восток. По дороге намотали еще катушку кем-то оставленного провода. Не найдя никого в Розово, пошли в Точилино.

У меня полегчало на сердце. Все солдаты, находившиеся со мной, оказались целы и невредимы. Можно было надеяться, что оставшиеся в батарее не пострадали.

Хуже получилось с проводом. Вся линия от промежуточной точки до огневой около двух с половиной километров - оказалась на территории, занятой противником. Правда, я надеялся, что через несколько дней наши части снова перейдут в наступление и мы отыщем свой кабель или смотаем трофейную нитку. Кроме того, под Розово мы потеряли бинокль. Сначала он был у Ефанова, потом у меня, а потом оказалось, что его вообще нет.

Уже подходя к своему НП, неожиданно увидели Богаченко. Он медленно шел вдоль линии обороны, уткнувшись в развернутую карту.

Многое в поступках Жени невольно вызывало улыбку. Ну, например, что он мог сейчас увидеть на карте? А искал-то он, без сомнения, нас. Засмеявшись, я окликнул Женю:

- Ты чего потерял? Женя встрепенулся:

- А!.. Вот ты где наконец! Понимаешь, Васильев дал карту, нарисовал треугольник. Здесь, говорит, НП наших. Вот хожу и прикидываю...

Теперь мы засмеялись оба.

- Давайте, собирайтесь быстрее, - сказал Богаченко, - дивизион перебрасывают.

- Куда? А как же здесь?

- Там, видно, еще хуже... Женя забросал меня вопросами:

- Это что, передний край? А почему стрельбы нет? А где противник?

- Противник там... Вот видишь дым и вершины деревьев? Это Розово, по которому дали залп.

- У-у-у! Как далеко! То-то вы тут загораете! - Богаченко показывал на раздевшихся до пояса бойцов.

- Позагорал бы ты тут часа три назад. Пошли!

Богаченко сообщил радостную весть - батарея не понесла потерь, укрывшись от преследовавших "юнкерсов" в зарослях какой-то балки.

Только когда сели в машину, я почувствовал, как сильно устал. Ломило тело. Глаза слипались.

Очнулся уже в батарее, когда почувствовал, что меня настойчиво тормошат. Увидел полное лицо, капитанские

погоны{думаю, что погоны в начале лета 42го года - просто аберрация памяти или вольность редакторов-корректоров издательства - С.В.} на покатых плечах. И не сразу вспомнил, где я видел этого человека.

Еще когда полк был на формировании, к нам с концертом приезжала какая-то бригада московских артистов. На территорию военного городка гражданских не допускали, артисты были исключением. Тогда я обратил внимание на рябоватого капитана в фуражке с общевойсковым околышем. "Наверное, начальник клуба полка?" - подумал тогда я. С тех пор я ни разу и не встречался с ним.

Теперь он настойчиво напоминал о себе, встряхивая меня за плечо.

- Как, товарищ лейтенант, себя чувствуете? Как люди? Все ли в порядке?

- Все в порядке... Устал очень! Вы уж извините, плохо соображаю, товарищ капитан.

Он с неохотой отошел, и я снова мгновенно заснул.

С рассвета и до сумерек ревело небо от немецких "юнкерсов". По дорогам двигались на восток фашистские танковые колонны. Противник удачно развивал свое так внезапно начатое наступление. В течение нескольких дней, сбивая наши части с наспех занимаемых рубежей, немцы на нескольких участках вышли к реке Оскол.

Наш дивизион понес большие потери в людях. Не вышел со своими разведчиками из Красной Поляны Будкин. При отходе с НП, находившемся в трех километрах севернее высоты 120.0, попали под гусеницы немецких танков и погибли лейтенант Прудников и разведчики пятой батареи Баранова. Таким образом, из подразделений разведки в дивизионе остался целым только мой взвод. Были потери от бомбежек у огневиков.

Сейчас мы понуро шли по большому яблоневому саду, на западной окраине Нового Оскола, где размещались наши батареи. Только что дивизион похоронил еще трех своих боевых товарищей.

Я и раньше понимал, что война не игрушка, но тут столкнулся с ней лицом к лицу. Комаров посмотрел на меня, вздохнул.

- Думаешь, Мишка тоже?..

Сколько я об этом думал?! Мысль, что Мишки уже нет, никогда не будет - не укладывалась в голове. Вспомнилось детство, каким он всегда был надежным, верным другом, сколько раз выручал из беды...

- И ведь никто из его людей не добрался до дивизиона.

- Попали под наш залп?

- Видно фашисты прорвались в район его НП...

- Сюда! - Кондрашов махнул рукой в сторону какой-то яблони, и мы присели рядом на колючие стебли недавно выкошенной травы.

- Что ж... Многовато получается. - Кондрашов расстроенно посмотрел на командиров. - За несколько дней - двадцать четыре человека. Ну, с Прудниковым все ясно, а Будкин-то может быть вышел где-нибудь со своими людьми и нас ищет. - Он с надеждой посмотрел на меня. - Как вы думаете?

Все повернулись в мою сторону.

Я покачал головой:

- Если бы вышел, давно бы отыскал. Может, на себя огонь вызвал.

За короткие дни формирования Мишку полюбили в дивизионе. Училищной важности в нем как не бывало, он был строг, но и обходителен со всеми. И в работе выкладывался до конца.

Тягостную паузу нарушил начальник штаба Бурундуков, крупный угловатый человек с хмурым лицом, прибывший в дивизион перед самым нашим отъездом. Он вскочил и почти закричал:

- Меня интересует одно: почему вы, - он повернулся в мою сторону, - отходя с высоты 120.0, не заглянули в Красную Поляну, не попытались найти там Будкина? А ведь, кажется, друзьями были?

Этот выпад был так неожиданней... Я потрясенно смотрел по сторонам. Ну как мы могли успеть попасть в Красную Поляну, находившуюся совсем в стороне, да и гитлеровцы сразу же ворвались в это село. И кто знал, что Будкин там остался? Мне следовало встать и все обстоятельно объяснить, но я только выкрикнул невпопад:

- Как же я мог?!

А Бурундуков уже разошелся вовсю:

- А кто возместит брошенный вами кабель, потерянный бинокль?

Я и не подозревал, что Бурундукову все уже известно. Сам я почти перестал думать о потере. Не до этого было. К тому же в отступлении мы ни разу не прокладывали телефонной линии, обходясь рацией. Бинокль другое дело... Когда я доложил Васильеву, он выругавшись и помолчав мгновение, отдал мне свой, сказав при этом:

- Кабель и бинокль доставайте, где хотите. На то вы и разведчики, чтобы даже лишнее иметь.

Мне казалось, что тем все и кончится, - и вдруг такое обвинение. Я был ошеломлен и только и смог выговорить:

- Сами найдем, когда наступать будем... Спешили очень...

- Спешили удирать! - Бурундуков выпрямился и обвел всех взглядом. - Вся наша беда, что взводами командуют эти юнцы. Из-за них-то и все потери. - Он сел.

- Что значит удирать?! Что значит юнцы?! - сразу раздалось несколько негодующих голосов.

Я молчал с искаженным от внутренней боли лицом. Струсил и оставил врагу боевое имущество! "Как же все это случилось?" - потрясение думал я.

Васильев, играя желваками, сказал:

- Рано начинаете искать виноватого!

- Все равно придется! - хмуро выбросил в ответ Бурундуков.

Поднял голову наконец Кондрашов:

- Прекратите, товарищ старший лейтенант!.. Под высотой 120.0 и Розово шестая батарея действовала отлично, сорвала атаки немцев. - Его слова явились как бы рязрядкой этого напряженного момента. Сурово сдвинутые брови распрямились. - Ставлю боевую задачу, - продолжал Кондрашов. - Шестой батарее занять наблюдательный пункт в районе деревни Синичкино, что севернее Нового Оскола. Задача - не допустить переправы противника через реку Оскол. Можно действовать. - Кондрашов взглянул на Васильева, и мы - командный состав шестой батареи - встали.

По дороге к Синичкино встретили уходивших из села жителей. Знакомая уже, хватающая за сердце картина. Горе и слезы беженцев, бросивших обжитые места.

Для наблюдения за противоположным берегом Оскола, мостом и самим поселком выбрали вершину одного из многочисленных холмов - метрах в пятистах от Синичкино.

Пока разведчики сооружали наблюдательный пункт, я сидел в стороне и все думал о свалившейся на меня беде, без конца перебирал события первого дня боев.

Я уже говорил, что сам сразу понял свою ошибку - чересчур длинная телефонная линия вдоль восточной окраины Красной

Поляны, через которую, по сути дела, проходил передний край обороны наших частей. Да к тому же эта линия не была прямой. Шли мы ночью и, конечно, отклонялись то вправо, то влево. И этаким-то зигзагом и легла линия кабеля.

Ну, кабель мы еще могли где-нибудь раздобыть, но вот бинокль!..

Разведчики сразу заметили, что я чем-то взволнован. Осторожно подобрался Рымарь:

- На совещании о разведке ничего не говорили? Все им сообщать, конечно, не стоило, но об имуществе предупредить обязательно.

- Кабель и бинокль достать во что бы то ни стало. - Ах, вот оно что! Все поняли: лейтенанту наверняка попало за утраченное имущество.

- Не расстраивайтесь, товарищ лейтенант, - принялись утешать меня ребята. - Достанем. Хоть у фашистов - а вернем.

Но я только головой покачал. Что бы они сказали, узнав об обвинении в трусости...

Пора было отправиться в Синичкино, посмотреть, что там за оборону заняли наши части и ожидается ли наступление противника. Против обыкновения, я взял с собой Рымаря, оставив старшим на НП Черепанова. Рымаря я решил на всякий случай научить самостоятельно устанавливать связь с командирами общевойсковых подразделений, уточнять у них обстановку и задачи. Вторым шел Ефанов. Как-то само собой получилось, что он стал моим ординарцем. Виктор оказался очень добросовестным и исполнительным пареньком, хотя, может быть, чересчур, застенчивым и несколько неловким.

Кругом было тихо, только со стороны Нового Оскола доносилась редкая артиллерийская стрельба. Мне вообще казалось, что на этом участке немцы вряд ли будут наступать, а ударят прямо на город.

Мы спустились с холма к дороге. Движение из поселка уже прекратилось, и мы шагали на видневшиеся в отдалении за зеленью поселка купол колокольни и заводскую трубу.

Внезапная стрельба в деревне заставила нас сразу насторожиться, броситься с дороги в поле. Почему стреляют, да еще из автоматов?! Уже пригнувшись, мы начали осторожно пробираться по невысокой пшенице. Открылось Синичкино. Центральная улица, площадь перед церковью. Но что это?.. В безлюдном поселке хозяйничали фашисты.

Видимо, они только недавно вошли в поселок, обшаривали дома и для острастки выпускали по сторонам автоматные очереди. Солдаты с флягами, ведрами бежали к воротам

спиртозавода.

Но куда же могли деваться наши части? Скорее всего, их не было в поселке. Вдруг на выезде из него показался мотоцикл. Двое медленно ехали по дороге.

Первая встреча лицом к лицу с врагом. Первая возможность уничтожить его своими руками!

Я сразу увидел на боку офицера, сидевшего в коляске, черную кобуру парабеллума, на груди - бинокль. С плеч обоих мотоциклистов свисали на ремнях вороненые автоматы. Мы затаились в пшенице.

"Может быть, попытаться в плен взять? - подумал я. - Выскочить на дорогу и "хенде хох!" А вдруг за ними еще мотоциклисты? Нет! На первый случай обстреляем". Еще мелькнула тщеславная мысль: "А здорово будем выглядеть - я с парабеллумом, Рымарь и Ефанов с трофейными автоматами!.. Да и за бинокль перестанут упрекать..."

Мотоциклисты уже совсем рядом. Гитлеровец за рулем, смеясь, что-то говорил соседу, а тот, развалившись, дымил сигаретой. У обоих засучены рукава. А вот мы волновались. У меня, кажется, даже руки дрожали. Напряжены были и ребята. Я показал Рымарю на немца за рулем. Сам прицелился в сидевшего в коляске. Две длинных очереди, мотоцикл уткнулся в кювет. Бинокль, пистолет, автоматы, теперь документы... Несколько торопливых ударов штыком по мотоциклу, и мы уже опрометью бежали вдаль от дороги.

Впрочем, из поселка никто больше не появлялся. Очевидно, фашисты, занятые грабежом, не расслышали выстрелов.

- Даже ездить на мотоцикле не умеем! А то забрали бы, - подосадовал я, пробираясь в густой пшенице.

Конечно, наше появление на НП было встречено с восторгом. Предоставив Рымарю и Ефанову возможность хвастать трофеями, я припал к биноклю. В отличие от нашего шестикратного, это был большой. Цейсовские линзы, увеличивавшие в десять раз, как стереотруба. Убеждение мое, что противник не будет наступать на этом участке, теперь сильно поколебалось. Где же им еще атаковать, как не здесь, где нет ни одного нашего солдата? Мотоциклисты, конечно, сообщили уже об этом своему командованию. И я не сводил глаз с дороги, петлявшей по тому берегу к переправе.

Так прошло с полчаса.

В небо взлетели ракеты, и сразу же из-за гребня, на дорогу, за которой я наблюдал, выползли первые танки - голова большой колонны.

"Три... пять... десять... еще три танка. Бронетранспортеры и

пехота... Много пехоты! Наверное, полк..." Гитлеровцы спустились к реке и начали по небольшому деревянному мосту перебираться на восточный берег. В окуляры бинокля отчетливо виделись веселые, беззаботные лица солдат. Долетали звуки губной гармошки. Завоеватели вступили в поселок с песнями.

Черепанов, негромко повторяя слова настройки, сидел у рации, остальные лежали рядом со мной, не спуская глаз с поселка.

Танки, вошедшие в Синичкино, растянулись вдоль центральной улицы, а солдаты разбежались грабить и большинство тоже закрутилось возле завода.

- Сейчас получите сполна! Черепанов, "Роза"?

- На приеме!..

Чуть срывающимся от торопливости голосом я передал Васильеву о вошедшем в Синичкино противнике.

- Наблюдайте! - только и сказал Васильев. Взметнувшиеся огненные молнии сзади - море огня впереди, в занятом захватчиками поселке. Сразу же от прямых попаданий забушевало пламя над спиртозаводом. Горели фашистские танки. Уцелевшие машины и солдаты поспешно взбирались обратно на противоположный берег Оскола.

Теперь можно было отдохнуть и перекусить. Шилов, уже завоевавший авторитет искусного кашевара, принялся разводить огонь в ямке, послал Ефанова за водой, кого-то за соломой и дровами.

- Рымарь! - я кое-что вспомнил. - А ты еще чего-то в коляске прихватил?

Ефрейтор, смущенно улыбаясь, замялся:

- Фляжка, товарищ гвардии лейтенант.

- Да!.. А что в ней? Не проверил? Теперь уже улыбались все.

- На пробу - вроде сладкая водка. Ром, что ли...

- Так... Давай, я вылью.

- Товарищ гвардии лейтенант! - равнодушные к выпивке, ребята все-таки наперебой принялись уговаривать меня не губить ценный напиток.

- Давайте лучше Васильеву и Чепку отдадим. Пусть уж они распорядятся.

- Ладно, положи в вещмешок. Может, при случае кого угостим.

Расположившись на плащ-палатке, мы принялись изучать захваченное трофейное оружие. Уже каждый из нас собрал и разобрал автоматы раза по два, когда с КП приказали возвратиться в батарею.

Подробно доложил Васильеву о результатах залпа - тут не

надо было приукрашивать, - и протянул командиру батареи документы убитых врагов.

- Ссадили, значит! - Васильев засмеялся. - Ну и молодцы! Еще лучше, если бы живыми взяли!.. А документы надо в штаб твоему "лучшему другу" передать. Пусть Бурундуков разбирается. Он их приложит к разведдонесению.

- А это что у тебя? - Васильев увидел висящую у меня на боку черную кобуру. - Неужели парабеллум?!

Я небрежно кивнул. В дивизионе было всего несколько револьверов.

- Молодцы! - восхитился Васильев. - Ну что ты скажешь! Разведка так разведка!.. Дай-ка посмотреть.

Он долго вертел в руках тяжелый вороненый парабеллум и, наконец, подбросил его на ладони.

А я, пока Васильев рассматривал пистолет, проклял свое мальчишеское тщеславие, побудившее меня повесить всем на обозрение замечательный трофей. Отважный комбат был отличным хозяином в подразделении, но не забывал при случае и своих интересов. И когда он подбросил парабеллум на ладони, то мне уже было ясно:

заберет.

- Там еще фляжку рому взяли, - поспешно проговорил я. - Только боюсь, не отравлен ли.

- Рому? Что ты говоришь!.. Давай, давай его сюда. Надо разобраться, какой он вредный.

И сразу вернул мне парабеллум.

В это время мы заметили маленькую юркую машину, несущуюся к нашим огневым.

- Командир полка! - Васильев быстро окинул взглядом расположение батареи.

- По кому вы сейчас стреляли?! - гвардии майор Виниченко, весь пропыленный, с потеками пота на почерневшем от солнца лице, выскочил из машины. Всегда суровое, непроницаемое его лицо на этот раз выражало волнение, и оно сразу же передалось мне и Васильеву.

- По немцам в Синичкино, товарищ гвардии майор! - Васильев бросил на меня обеспокоенный взгляд.

"В чем дело? Что произошло?" - пронеслось у меня в голове. После выступления Бурундукова я чувствовал себя не очень уверенно.

- Я спрашиваю, по кому вы сейчас стреляли? В Синичкино находятся наши части!

Как наши части? Мы оба побледнели. Я торопливо перебрал в памяти все случившееся за день. "Как же так? В бинокль, да и

простым глазом все было отчетливо видно. И танки с крестами и немецкие солдаты... Да, а мотоциклисты?! Они-то не случайно в Синичкино попали! Вот же он, парабеллум, и автоматы, и документы немецких солдат, наконец!"

- Мы стреляли по противнику, спустившемуся с того берега в Синичкино, товарищ гвардии майор, - сдерживая волнение, сказал Васильев. - Но почему вы так спрашиваете?

- Как мы могли ошибиться?! Я сам видел, своими глазами, и немцев и танки! - Я говорил сбивчиво, горячо. - Наших, вообще, ни в поселке, ни вокруг нет. А немецкая колонна спустилась по дороге с берега.

- Они же трофеи принесли и документы двух убитых немцев! - вставил Васильев, показывая на мой парабеллум.

Видимо, все это подействовало на Виниченко.

- Расскажите по порядку! - приказал он мне. Взволнованной скороговоркой я пересказал ему, что мы видели и как действовали в Синичкино.

- М-да, пожалуй, так оно и есть, - наконец сказал командир полка, и у меня отлегло на душе. - Сейчас на Синичкино выходит с боями большая группа наших подразделений. Ваша задача - обеспечить отход этой группы, - Он помолчал немного. - Часть задачи вы уже выполнили, уничтожив колонну в Синичкино... Высылайте поскорее разведку!..

Виниченко уехал, а мы заторопились на НП батареи.

Синичкино полыхало. Светлые, почти невидимые языки пламени неслись высоко в небо, и казалось, что и весь окружающий воздух тоже колеблется и перемещается в разные стороны. Вокруг поселка было безлюдно. Лишь издалека, с той стороны реки, доносились звуки редкой перестрелки.

Разведчики не сводили глаз с того берега. Ведь там, откуда-то из окружения, пробивались наши. Стрельба постепенно приближалась. Наконец на гребне берега, как раз в том же месте, где я в первый раз увидел немецкие танки, показались наши первые бойцы.

Наши!.. Вот уж тут сомнений быть не могло. Как они измотались! Еле шли. Многие в бинтах... "Только зачем же им в Синичкино спускаться? Моста нет, да и в деревню не войдешь - горит", - волновался я.

Солдаты сами заметили полыхающий поселок, остановились, начали совещаться. Вот они свернули с дороги и пошли берегом вниз по течению.

"Правильно! - мысленно одобрил я. - Речка мелкая, только место выбрать поудобнее для переправы. Как похож этот первый на Смирнова - комбата. Неужели его батальон? - Я медленно вел

биноклем вслед за продвигавшимся небольшим отрядом. - Сколько же здесь человек? Чуть побольше полсотни. Неужели все-таки Смирнов?.."

- Рымарь, ведь это Смирнов. Комбат с высоты 120.0. Возьми одного человека и быстрее навстречу им. Может, чем поможем.

Рымарь, лежавший рядом, только кивнул и, дернув за рукав Шилова, помчался с ним к реке, а я продолжал наблюдать.

"Ничего себе обстановочка, - думал я. - Совсем недавно тот берег был наш, потом танки поползли, теперь Смирнов спокойно выходит... Куда же все-таки делась часть, которая на этом участке должна была занимать оборону?.. Что же у нас нет сплошной линии фронта, что ли?.."

- Товарищ гвардии лейтенант, наши! - меня резко дергал сзади Черепанов.

Я обернулся. На полной скорости приближалась наша батарея. Зачем?

Я вскочил, и все мы бросились к дороге. А батарея уже замедлила ход и начала разворачиваться фронтом на... восток!!

Это могло означать только одно, что и сзади враг. Но как он мог там оказаться? Я побежал к Васильеву. Командир батареи кивнул мне, продолжал хлопотать у орудий, сам расставлял буссоль.

- Чепок и Богаченко остались там, у Александровки, - наконец пояснил он мне. - Как только разберутся, что это за гитлеровцы вошли в деревню и сколько их, сразу приедут сюда.

"Гитлеровцы?! Что же это значит, что мы в окружение попали?!" - но вслух спрашивать не стал: неподалеку находились наши солдаты, к чему паниковать? Лишь поинтересовался, откуда вдруг противник.

- Зашли с восточной стороны. Мы как только заметили их бронетранспортеры, так сразу сюда подались... Решим, как действовать дальше. - Васильев уже расставил буссоль и стал отдавать команды расчетам.

Окружение! Возникло чувство, которое никак приятным не назовешь. С нами боевое оружие - гвардейские минометы, ни при каких обстоятельствах они не должны попасть врагу. Неужели, еще не повоевав как следует, придется их подрывать?

Я увидел подходившего с Рымарем комбата Смирнова и бросился к ним. Вот кто подскажет правильное решение. От самой границы воюет, да и толковый он!

- Что, и там фашисты? - сказал вместо приветствия Смирнов, кивая на восток. Командир батальона очень похудел, осунулся и выглядел неважно. Рука его была забинтована. Видно, досталось ему в эти дни. А все-таки мужество в нем так и просвечивало.

- Пойдем к командиру батареи, - предложил я. Над картой, расстеленной на бугорке, склонились Смирнов, Васильев и только что приехавший с Богаченко Чепок. Остальные командиры батальона и батареи плотным кольцом окружили сидящих.

Неподалеку оживленно переговаривались вышедшие из окружения солдаты. Они почтительно поглядывали на "катюши", слушая рассказы огневиков о том, как "она" стреляет. "С чего это они такие веселые? Обстановка вроде бы совсем не подходящая. Рады, что выбрались к своим и теперь надеются на нас".

- В Александровке несколько небольших танков и бронетранспортеров, с десяток грузовиков. Солдаты по селу бегают. Пожалуй, человек двести, не больше. Вот что мы могли увидеть, - коротко доложил Чепок.

- На Воронцовку они собираются наступать? - сразу задал вопрос Васильев, показывая на карте деревню километрах в пяти к востоку от Александровки.

- Машины у них все больше по дворам расставлены.

- А вы не собираетесь занять здесь оборону? - спросил теперь Васильев Смирнова.

- Мы все эти дни находились в арьергарде, - глуховато сказал Смирнов. Свою задачу выполнили и теперь надо соединяться со своими.

- Как, вы считаете, нам нужно действовать, чтобы выбраться отсюда? - прямо поставил вопрос Васильев.

- Я думаю, - медленно начал Смирнов, - подразделение, что вошло в Александровку, взято из резерва или снято с какого-нибудь участка, взамен уничтоженной здесь ударной группы... - Он помолчал, потом взглянул почему-то на меня. - Опасаясь нашего налета, они ввели отряд в районе, где им уже удалось осуществить прорыв... Как нам выбраться из западни? Предлагаю самый простой вариант. Вы даете залп по Александровке, берете нас на машины, и мы врываемся в деревню. Ну дальше - дорога на Воронцовку.

Кажется, этот план сразу понравился всем. Смелый, дерзкий и действительно простой.

- Есть уточнения, - сказал Васильев. - Боевыми машинами мы рисковать не можем и потому в Александровке не задержимся. Постреляем с ходу - и прямо к Воронцовке. Теперь, товарищ старший лейтенант, человека по три ваших посадим на боевые, только уж давайте таких, чтобы, в случае чего, защищали бы машины до последнего!

Смирнов кивнул, а Васильев продолжал:

- Чепок, ты ответственный за подрыв машин. Если какую-либо подобьют, что делать - знаешь. В колонне поедешь замыкающим.

- Ясно! - политрук наклонил голову.

- Теперь давайте уточним вопросы взаимодействия...

Через час все было готово.

Расчеты и часть солдат батальона лежали в пшенице недалеко от установок в ожидании залпа. Им уже случалось ходить в атаку на броне танков. И теперь они нетерпеливо высматривали себе места на установках. Солдаты тревожно улыбались, перебрасывались редкими словами. Другая часть батальона разместилась на транспортных машинах поверх ящиков со снарядами. С ними будет сам Смирнов. И, наконец, десять солдат сидело в машине разведки. Мне выпало ехать головным. Все машины, за исключением боевых, выстроились на дороге.

Было тихо, вдали догорало Синичкино. Через минуту вспыхнет Александровка.

- Ну, все... По местам. - Васильев пошел к установкам. Повернулся к ним лицом...

Сейчас рванутся первые снаряды и сразу вперед!.. За моим "фордом" - более тихоходные грузовики, и как раз боевые машины нас у Александровки догонят. Село совсем небольшое. Залп его полностью накроет, большинство захватчиков будет уничтожено... но все может случиться. Хорошо ли поняли бойцы?.. Сначала только гранаты! А потом уже стрелять. И чем ближе к тому концу села, тем интенсивнее... Эх, жаль, автоматов мало! Всего пять на взвод, да и то два из них трофейные. Правда, у бойцов Смирнова еще два автомата и ручной пулемет. Зато гранат четыре ящика, а это кое-что значит... Так, примерно, думал я перед началом этого прорыва. Автомат лежал у меня на коленях, под рукой две гранаты.

Яркий блеск!.. Резкое шипенье выброшенных соплами газов, и небольшая колонна рванулась вперед.

С каждой секундой все ближе запятая врагом Александровка. Я оглянулся назад. Боевые машины уже шли за нами. Мой "форд" взлетел на последний пригорок, и перед нами открылось село. Уже не такое, как было, когда тут стояла батарея. Разрушенное залпом, объятое разгорающимся пожаром... На околице курился легким, чуть заметным дымком большой стог сена. А вот и низкие, у самой земли, черные витки дыма. Ага! Горят, дымят фашистские танки. Трудно только их сосчитать на большой скорости, с какой мы мчались по селу. Дымящиеся воронки. И чем ближе к центру деревни, тем их больше... Первые гитлеровцы. Прямо на дороге и вдоль нее. Распластанные, скрючившиеся трупы.

Машина подпрыгнула раз, второй. А живых что-то не видно.

Но вот в кузове затрещали автоматы... Наконец и я их заметил, темно-зеленых солдат, торопливо бежавших далеко по огородам. Послал очередь в ту сторону...

В Воронцовке были наши. Повыскочив из окопов, они торопливо бежали к дороге. Изумленно смотрели: "катюши"?! Почему они появились со стороны немцев?..

В Воронцовке же расстались с батальоном Смирнова.

- Еще встретимся, - сказал я ему с надеждой.

- Обязательно. Крайнее место встречи - Берлин! - ответил он мне, улыбаясь.

Глубокая ночь, а светло почти как днем. Горел город и прилегавшие к нему деревни. Давно развеялись мои надежды, что бои под Красной Поляной носили местный характер. Оккупанты овладели Новым Осколом и вышли к Острогожску. Широкий разъезженный перекресток, где я решил занять НП, возвышался над окружающей местностью. Мне казалось, что именно сюда и нацелит свой удар противник с целью обойти город. Тогда-то мы их и накроем.

Мы уже отогнали машину подальше от дороги, когда прямо на нас выскочила машина командира полка.

- Немедленно отправляйтесь в город Коротояк! - еще издали закричал майор Виниченко. - Разыщите там мост и любыми средствами обеспечьте переправу полка через Дон. Все машины полка, которые встретите по дороге, от моего имени поворачивайте за собой!

- А боевые машины?

- В первую очередь! Понадобится стрелять - достанем и с того берега! - не дожидаясь ответа, он зашагал к машине.

"Войска оставляют правый берег!" - понял я.

Машина разведки понеслась к Коротояку. Еще далеко от города я отметил, что к Дону двигались в непрерывном потоке машины, повозки, люди. По кромке дороги тянулись жители, уходившие от врага на восток. Женщины и дети. Старики. По степи гнали овец и коров. Все спешили к переправе. На подходах к городу окапывались артиллерийские батареи.

Мы резко затормозили. Эта встреча врезалась в мою память навсегда. По краю дороги сухонькая старушка вела за ручку девочку лет трех. Они, очевидно, только недавно вышли из дома. Выглядели чистенькими, только что умывшимися, и дорожная пыль еще не успела осесть на их одежду. У старушки в руке была котомка. До того они выглядели безмятежными, как бы и не осознающими, что вокруг творится, что поразили меня в самое сердце. Мы довезли их до Коротояка. Как-то им пришлось потом? Старушка сказала, что будут добираться в Пермь, к одной из ее

дочерей.

К городу мы привели около двадцати транспортных машин полка, встреченных по дороге. Опасаясь попасть в пробку, я, не доезжая до города, отвел свою колонну в сторону от дороги. Мы побежали с Ефановым к переправе. К ней отовсюду тянулся нескончаемый поток транспорта. И чем ближе к переправе, тем плотнее были забиты все улицы и проулки. Наконец мы выбрались к Дону. Переправы не было. Час назад немецким самолетам удалось сбросить бомбу прямо на мост, и теперь он был облеплен восстанавливающими его саперами.

Стоял невыразимый грохот. Вражеские самолеты непрерывно бомбили переправу. Стреляли зенитки и пулеметы. Ревели моторы автомашин и тягачей. Кричали люди.

Как я понял, движение скоро возобновится, но надолго ли?

В центре моста, пренебрегая опасностью, стояла группа старших офицеров и генералов. Выделялся высокий генерал-лейтенант с забинтованной головой. Генерал отдавал какие-то распоряжения.

Необходимо было определить, где же можно было пробиться к переправе. Протискиваясь между машинами, искали путь. Наконец наткнулись на старую колею, проходившую по берегу. Пробежав вверх по течению, я убедился, что с места, где сейчас стояли наши машины, проехать к берегу можно.

Мы кинулись обратно за город.

За это время к нам успели подойти транспортные машины и несколько батарей, среди которых, к своей радости, я заметил и свою. Мне махали Васильев и Чепок, но я выполнял приказ командира полка, дорога была каждая секунда.

Еле двигаясь, переваливаясь на ухабах, машины шли к переправе. Когда до нее осталось метров сто, я пошел навстречу подполковнику, который командовал переправой. Тот яростно смотрел на внезапно появившуюся колонну автомобилей, которая могла застопорить все движение через мост, - нарушить с таким трудом установленный порядок.

Упреждая его, я показал на передние машины с ящиками.

Длинные невысокие ящики со снарядами для гвардейских минометов на фронте знали все.

- Это что? - подполковник оторопело уставился на ящики. - Снаряды для "катюш"?!

- Вы же видите!..

- Выводите колонну! - показав мне кулак, подполковник побежал перекрывать движение.

Полк быстро переправился через Дон. Осталась только батарея Баранова, безнадежно застрявшая в общем потоке. Она

последней стреляла по окраине Острогожска, которую заняли захватчики, это и было причиной задержки.

Баранов и Комаров бросились к Дону. Впереди невысокий, юркий Баранов, за ним громоздкий Комаров, - они торопливо протискивались среди суетившихся людей. Выбравшись к переправе, они только и увидели, как через мост проскочили последние машины полка.

Комаров подбежал к экипажу поврежденной "тридцатьчетверки", тоже стоявшей в потоке недалеко от батареи. Отчаявшись, он был готов на все.

- Жиманем, братцы! - Комаров показал на небольшой проулок между домами. Танк, пожалуй, и мог там пройти, порушив часть строений.

Мучившиеся от безысходности танкисты побежали за Иваном. Но и дальше за домами, тесно прижавшись друг к другу, стояли повозки. Оставалось только ждать.

По-прежнему вражеские самолеты висели над переправой. Цель противника была ясна: уничтожить, опрокинуть в Дон оставшиеся на правом берегу части нашей отходящей армии. И хотя многие самолеты догорали на обоих берегах реки, фашистские бомбардировщики, волна за волною, шли на переправу.

Усилилась канонада и в степи. В городе начали рваться вражеские мины. Во многих местах вспыхнули пожары. Наконец прямым попаданием стервятникам опять удалось разрушить мост.

Почти все подразделения и техника уже перебрались через Дон, мост не восстанавливали, действовали только паромы и лодки. Осталась на правом берегу и батарея Баранова.

Были сняты прицелы, приборы управления огнем и другие важные устройства и части. Их перевезли на лодке. Специально хранившиеся на машинах ящики с толом подготовили для подрыва. И вот первая установка въехала на мост, дошла до его разрушенной части и остановилась. Комаров поджег шнур и вместе с водителем и командиром машины отбежал назад в укрытие. Сильный взрыв потряс остатки моста. Следующая, предназначенная к уничтожению машина столкнула первую в Дон. Четвертую установку сбросили вручную.

Тяжело плеснув волной. Дон принял последнюю "катюшу".

Комаров и солдаты усадили потрясенного гибелью орудий Баранова в лодку.

В это время, гордые благодарностью командира полка за успешную переправу, мы с батареей отъехали на километр выше моста и там расположились.

Несколько дней, пока стабилизировалась линия фронта, полк

еще действовал на разных участках. Но именно в эти дни на нас и свалилась еще одна беда.

Приехав на огневые, я застал там весь командный состав дивизиона, офицеры взволнованно рассматривали шасси боевых машин. Васильев лежал под рамой, руки у него были перепачканные.

Встревожившись, я спросил у Комарова в чем дело.

- Рамы полопались.

- Только в дивизионе?

- Во всем полку...

Оказалось, что большинство установок не пригодны для дальнейших боевых действий. Рамы американских "шевроле" не выдержали нагрузок.

Таким образом, полк оказался полностью без материальной части. В ожидании решения командования дивизионы были отведены в район станицы Ново-Анненской, в тыл фронта.

Чтобы не терять времени даром, были составлены расписания боевой и политической подготовки, начались занятия. Я гордился своими разведчиками, во время боев они хорошо освоили свои приборы и оружие, стали разбираться в карте и местности.

Погода стояла жаркая, небо безоблачное. За зеленой рощей, в которой расположился полк, протекал Бузулук - привольная степная река, прозрачная и светлая, богатая рыбой. В свободное время полковые любители рыбалки просиживали на берегу часами. Не обходилось и без запрещенных приемов. Нет-нет да и вздымался высоченный столб воды от взрыва толовой шашки или противотанковой гранаты.

Ни я, ни Комаров рыбаками себя не считали. За всю свою жизнь довелось мне рыбачить всего несколько раз, да и то с бреднем. А тут не устоял перед соблазном.

- Пошли попробуем!

- Может, Богаченко еще прихватим?

- Обойдемся! Начнет ахать да предосторожности разводить.

Через несколько минут мы уже выходили из расположения дивизиона с ведром, в котором лежало несколько противотанковых гранат.

Раздевшись, я по всем правилам метнул гранату. Оба залегли на берегу, ожидая разрыва. Высокий столб воды, глухой грохот и... громкие стоны в зарослях у самого берега.

Перед остолбеневшими "рыбаками" из кустов вылез Женя Богаченко, прижимая руку к окровавленной щеке.

Ранение оказалось пустяковым, да и Женя был не такой человек, чтобы поднимать шум, но урок был хорош.

- Через месяц и заметно-то не будет! - каким-то необычно

мягким тоном доказывал Комаров Жене.

- Что ты, Иван! - возражал Женя. - Осколочные шрамы всегда очень заметны

Кажется, он был даже не прочь иметь небольшой шрам на щеке.

А на следующий день меня разыскал посыльный из штаба:

- Уполномоченный особого отдела капитан Чупиков вызывает вас к себе.

Я стоял, раздумывая: "Чупиков?.. Это кто? Незнакомая фамилия. Ну, сейчас будет!.. Ранение военнослужащего, расход боевых гранат, то да се..." Неприятно пораженный и встревоженный, я торопливо направился в штаб.

Старший уполномоченный особого отдела встретил меня сугубо официально. Это был тот самый толстяк капитан, что разбудил меня после Красной Поляны. Вот тебе и завклубом...

Чупиков задавал вопросы, на которые я должен был отвечать. И вопросы и ответы записывал на отдельных листах бумаги.

Вопрос первый: сколько телефонного кабеля было оставлено вами под Красной Поляной?

- Кабель у нас весь в наличии, даже лишнего - катушка есть.

- Это вы где-то в стрелковой части достали. Я вас спрашиваю о том кабеле, который был вами брошен в районе Красной Поляны, - смотря мне прямо в лицо, как-то вкрадчиво сказал Чупиков.

- ...пять катушек...

- Также поступили сведения, - сказал дальше Чупиков, - об утере бинокля, взамен которого вы представили трофейный.

Тут я сразу понял, кто ему все эти сведения предоставил. Бурундуков, неизвестно за что ополчившийся на меня. Но где же было взять отечественный, раз утеряли...

- Трофейный - цейсовский, десятикратный, - только и нашелся я что сказать.

Затем он спросил, почему я по прибытии на высоту 120.0 не установил связь с находившимся в Красной Поляне гвардии лейтенантом Будкиным, - начальником разведки дивизиона, и почему покинул высоту, не попытавшись оказать помощь Будкину?

Здесь Чупиков расспрашивал особенно тщательно. У меня даже сложилось впечатление, что он вообще удивлен, как это мы остались целы, когда другие разведчики погибли.

Вопросов было очень много и все они с неопровержимой силой доказывали, что я действовал под Красной Поляной нерешительно, да и вообще оказался просто трусом и плохим командиром.

В заключение старший уполномоченный предложил подписать материал.

Не имел я никогда дела с подобными вещами и расписался на каждом листе в отдельности.

Вышел я от уполномоченного совершенно подавленный. Понуро добрел до берега Бузулука.

Разом рухнули, провалились все мечты. Ведь героем мечтал стать. Комсомолец - и трус! Как же теперь людям в глаза смотреть? Что же теперь будет?.. Из гвардии откомандируют?.. И как все нелепо получилось! Как нужно было действовать? Ссутулясь, я сидел на высоком берегу Бузулука и смотрел на воду, игравшую солнечными бликами.

Здесь и разыскал меня Иван Комаров. Он присел рядом. Долго молчал, а потом сказал, что недавно побывал у уполномоченного. По делу о потоплении машин. Только, кажется, в качестве свидетеля. С кем я мог поделиться бедой, как не с Комаровым? Я рассказал ему обо всем, в чем меня обвиняли.

- Ну, это точно дело рук Бурундукова! - убежденно сказал Иван. - Вот же гад! Испугался, как бы ему не попало, и давай валить на других.

Совсем неожиданно Комаров спросил:

"Ну Будкину помочь, я понимаю, ты никак не мог. А кабель? Неужели нельзя было смотать?"

Даже он засомневался.

Немного погодя появился Богаченко. Присел рядом, но так и не заговорил, в конце концов поднялся и ушел. А вскоре подошел Чепок. Он лишь заглянул нам в лица и принялся расхаживать по берегу. Потом, обронив не очень твердо: "Все будет хорошо!" - тоже ушел.

Ночь спустилась, а мы все сидели на берегу...

Все эти дни я не находил себе покоя. Мысль, что не сегодня - завтра придется мне расстаться и со своими разведчиками, и с полком, угнетала страшно. Не по себе было и ребятам из-за того, что все так получилось.

И вот, кажется, эта минута настала. Меня вызвали к командиру полка.

Нетвердыми шагами я направился к штабу.

- Старшим уполномоченным особого отдела оформлен материал на откомандирование вас из гвардии, - Виниченко скользнул глазами по лежавшей на столе серо-голубой папке личного дела. - Правильность следствия подтверждают ваши подписи...

И вдруг я впервые увидел, что командир полка может улыбаться.

- Под Красной Поляной и Синичкино ваша батарея сорвала наступательные действия немцев, уничтожив при этом их значительные силы. В этом и ваша прямая заслуга. Кроме того, я лично очень высоко ценю ваши решительные действия при переправе полка у Коротояка... Значит, поставим на этом крест, - он положил руку на папку. - Я даже не собираюсь отзывать оформленный на вас наградной материал. Есть что-нибудь ко мне?

- Спасибо! - сам не свой я вышел из кабинета. В тот же день был подписан приказ о назначении меня начальником разведки дивизиона. Иван Комаров принял батарею Баранова, переведенного во второй дивизион начальником штаба.

Глава четвертая. Под Ржевом

После всего пережитого за это короткое время я снова дома. Юрка и мать с приходом весны выглядели куда лучше. Посвежели и повеселели. С радостью смотрели они на меня, живого и невредимого.

Хотя и немножко, но все-таки я привез гостинцев. Все, что успел скопить, когда узнал о предстоящем возвращении полка в Москву. Сухари, несколько пачек пшенного концентрата, печенье, масло из офицерского доппайка и три банки чудом уцелевших крабов. Все это, вместе взятое, выглядело очень солидно.

Юрка не сводил глаз с моей новенькой, сияющей эмалью "Красной Звезды". Брат-орденоносец. Юрка не выпускал из рук мою орденскую книжку и, в который уже раз перечислял орденские привилегии, которыми теперь я буду пользоваться. Особенно его восхищал бесплатный проезд в трамваях. "Эх, мне бы так!" - без конца говорил он, хотя, насколько мне было известно, он никогда не брал билета. Все его сверстники из Замоскворечья предпочитали устраиваться на подножках.

Сходили с Юркой в кино. Администратор кинотеатра "Заря", посмотрев в окошечко на орден, без звука протянула два билета. После сеанса побродили по Пятницкой, но так никого и не встретили из знакомых ребят.

Ночевал я дома.

На этот раз полк разместили на окраине Москвы, в Щукино. Приехав, в дивизион к подъему, я уже застал всех в лихорадочных сборах. Поступил приказ. Полк срочно выступает на поддержку наступления наших войск под Ржевом. Уже сегодня нужно было прибыть в район боевых действий.

Рано утром командиры дивизионов вместе с водителями боевых машин выехали за новыми установками.

Какие же они теперь будут, боевые машины? А вдруг опять на

"шевроле"?

Наконец колонна медленно въехала во двор школы, где расквартировался полк.

"Студебеккеры"!..

А сколько ведущих осей?

Оказалось, что все три ведущие. Ну, это было неплохо. Вернее, то что надо. О "студебеккерах" говорили много хорошего.

Радостные огневики начали торопливо обживать машины. Перетаскивать свои карабины и немудреный скарб.

Для танкистов родной дом - это танк. Для гвардейского минометчика "катюша".

В ней он, удобно устроившись под брезентом возле рамы, находится на марше, под машиной спит на коротких привалах, ее обслуживает в бою. Увязнет установка в труднопроходимой топи, надежные руки и плечи огневиков ее вытянут.

Мои разведчики давно уже все устроились в своей машине.

- Иди, иди! Ты теперь не наш! - Васильев сердито махнул рукой. Долго он еще не мог мне простить, что я, переходя на место Будкина, прихватил с собой и часть своих людей. С Будкиным погибло все его подразделение, а своих-то все-таки я готовил. Поэтому я только улыбнулся Васильеву.

Похаживая вдоль колонны боевых машин, новый командир батареи Иван Комаров спокойно руководил сборами своего подразделения.

- Здорово, комбат!

Комаров радостно хлопнул меня по плечу своей оглоблей.

- Все хорошо, что хорошо кончается!

- А Кондрашов и другие уехали?

- Да... В отдел кадров.

Гвардии старший лейтенант Бурундуков, прохаживавшийся возле штабной машины, широким движением руки подозвал меня к себе. Начальник разведки является и помощником начальника штаба дивизиона. Я заспешил к нему.

- Главное требование... - подняв вверх указательный палец, сказал Бурундуков, - при любых обстоятельствах разведсводка должна быть утром на моем столе. Понял?

Я кивнул.

- Хорошо будешь работать - можешь всегда рассчитывать на мою поддержку. Понял?

- И если бинокль потеряем или кабель?

- Но, но... Кто старое вспомянет!.. - Он поморщился и, махнув рукой, полез в кабину. - Давай, командуй...

Из дверей школы вышел гвардии майор Виниченко. Он подал знак выезжать.

Под Ржев полк направлялся очень срочно и, видно, на короткий срок, потому что выступали только боевые подразделения. Тылы оставались в Москве.

Вытягиваясь по Щукинской улице, полк направился к Волоколамскому шоссе.

Миновали разрушенный Волоколамск и дальше уже двигались по лесным грунтовым дорогам. Недавно прошли дожди, и дорога была сильно размыта, на каждом шагу ямы с водой, вспученные корневища, поэтому колонна продвигалась очень медленно. Начавшийся у Волоколамска лес тянулся не обрываясь. К ночи полк остановился на привал, разместив машины вокруг большой лесной поляны.

Потом мы увидели двигавшуюся с запада колонну гвардейских минометов собратьев по оружию. Очевидно, полк прибыл на смену этой части. Боевые машины вышедшего из боев полка были сильно потрепаны. Иссеченные осколками фермы и направляющие, разбитые смотровые стекла, помятые капоты без слов свидетельствовали, что полк побывал в основательных переделках.

Кое-кто соскочил с машин, наши тут как тут, закурили, завязался накоротке разговор.

Скоро лес кончится. Начнется равнина. Так кое-где рощицы и балки, а то все голо и ровно. Волга, Вазуза, Зубов, Ржев. Где-то в этих местах самые бои.

Наши войска форсировали Волгу, захватили большой плацдарм. Возьмут ли Ржев? Трудно сказать. Враги люто сопротивляются. В воздухе все время "юнкерсы". Правда, и наших немало летает, особенно штурмовиков и истребителей, но "юнкерсов" и "мессершмиттов" все-таки пока еще больше. И бомбы мощные. Воронки такие, что в любую войдет боевая машина и видно не будет. В основном от бомбардировок и пострадал их полк. "Давайте быстрее!.. Вас там очень ждут!" - говорили солдаты.

Меня тревожило одно: не получится ли так, что вот приедем наступать, а фашисты сами попрут, как под Осколом. Я спросил об этом какого-то лейтенанта. Тот подумал и сказал: нет. Слишком у нас здесь большие силы. По крайней мере сейчас.

"Ничего, на месте разберемся!" - подбадривал я себя, направляясь к месту ночлега.

Солдаты уже нарубили еловых веток и застелили их плащ-палатками. От моросящего дождя натянули тент. Получив в руки котелок с ужином, я совсем успокоился:

"Отдохнем сегодня нормально!"

Еловые ветки приятно пружинили. Пахло влажной хвоей.

- Рымарь!.. Выставить пост и отдыхать!..

На рассвете полк двинулся дальше. Командир полка уже поставил задачи перед дивизионами, указал части, которые они должны поддерживать.

- Бои здесь очень напряженные, местность за Волгой открытая, противник стянул большие силы и очень много авиации. Поэтому решающее значение имеют маневр и маскировка, иначе достанется нам, как и тому полку, что вы видели, заключил гвардии майор Виниченко.

Весь день гремела канонада, весь день висели в воздухе самолеты и шли воздушные бои.

Рассредоточившись побатарейно, полк вышел на огневые позиции.

Переправившись через Волгу, еще не широкую в этих местах, мы зашагали на свой новый НП.

Стемнело. В черной заволжской степи никаких ориентиров, а неугасавшие немецкие ракеты озаряли впереди бескрайнюю равнину и многочисленные темные силуэты горелых танков.

Как ни осторожно мы шли, ноги все время спотыкались о трупы вражеских солдат, полузасыпанных землей. Сначала мы включали карманный фонарик и взглядывали на убитых, потом перестали.

А вот я споткнулся о что-то твердое. Нагнулся с фонариком - остатки фундамента. Развернул карту. Деревня Зубки, от которой не осталось даже печей. Обычно они всегда торчат после пожарищ. А здесь и артиллерия и авиация так поработали, что смели все до основания.

"Как же тогда на местности ориентироваться, если все заметные предметы уничтожены? - вдруг пришло мне в голову. - Не определишь точно координаты стрельбы. Особенно если по глубине вражеской обороны и, как всегда, залп потребуется очень быстро". Эта тревожная мысль завладела мной полностью. Сразу вспомнился полковник-артиллерист из училища, говоривший как раз о таких случаях. На такой равнине гаубица для пристрелки куда бы как пригодилась. На Юго-Западном было просто. Куда ни глянь - везде ориентиры. Деревни, перекрестки и развилки дорог, высотки, обозначенные на карте. Ни разу при определении координат не возникало у меня серьезных затруднений. А здесь все выступающие предметы сметены. Маленькие высотки трудно отличать на местности. Перекрестки и развилки дорог могли сохраниться. "Во всяком случае, сразу же с утра необходимо будет как следует заняться ориентированием!"

Мы шли в ночи, и не было видно ни зги. Внезапно в стороне вспыхнула спичка. Кто-то, осторожно пригнувшись в воронке,

прикурил. Я заспешил на мелькнувший огонек.

Но еще раньше туда подоспел подполковник с двумя автоматчиками. Он с ходу принялся яростно выговаривать двум оцепеневшим от страха солдатам из похоронной команды.

- Вы кто такие будете? - повернулся ко мне подполковник.

- Артиллеристы... Ищем КП действующего здесь полка.

- Я начальник особого отдела дивизии. Почему идете не по ходу сообщения? Покажите ваши документы! Я протянул удостоверение.

- До КП дойдете вот по этому ходу сообщения, - подполковник показал в темноту и снова повернулся к воронке. Но солдат там уже не было. Воспользовавшись тем, что подполковник и его автоматчики отвлеклись разговором с нами, они выскочили из воронки и скрылись в ночи.

Начальник штаба полка - молодой, очень утомленный на вид капитан, быстро ввел меня в курс боевых действий.

- Противник все время контратакует. И сегодня, если ворвемся в их траншею, нужно ждать контратаки. Ваша задача в том и состоит, чтобы ее сорвать. Готовьте огонь точно по второй траншее. Блиндаж занимайте рядом, там накат поврежден, так через отверстие высунете стереотрубу. - Капитан свернул папиросу.

- Когда, товарищ капитан, возьмем Ржев? - я начал переносить обстановку с карты капитана, а на ней в углу уже начинались пригороды Ржева.

- Трудно сказать... Немцы стянули большие силы и укрепили оборону, а у нас потери значительные...

Трупный запах, устойчиво стоявший над полем боя, здесь, в полуразрушенном блиндаже, был вообще непереносимым. Разведчики поспешно выволокли убитых врагов наружу, набросали свежей земли, но дышать все равно было тяжко.

Черное небо начало сереть. Стала слабее не умолкавшая всю ночь трескотня автоматов. Я развернул карту.

"Что же из ориентиров, имеющихся на карте, можно отыскать на местности?.. Так... Во-первых, деревня Зобовка. Ее нужно было бы увидеть во что бы то ни стало. Очень важный ориентир! Расположена как раз напротив нашего НП, километрах в двух за передним краем немцев. Дальше вот эту высотку с отметкой 22.0. Она, наверное, совсем неприметна, но ее огибает полевая дорога, которую можно увидеть... Потом болотце. У него трава должна быть позеленее. Это ветряная мельница. Тоже могут быть заметны какие-нибудь останки..."

С быстро пришедшим рассветом я присел на корточки перед стереотрубой.

Сожженная деревня выделялась на поле боя темным пятном.

Я навел перекрестие стереотрубы на чудом уцелевший обугленный столб с южной стороны пепелища.

- Посмотрите все! Южная окраина деревни Зобовки. Ориентир No 1.

С большим трудом удалось подобрать еще несколько ориентиров. Конечно, в этом особом случае их координаты было бы лучше всего проверить пристрелкой.

- Ну, Шилов, давай теперь ты!

Покрасневший от гордости, Петя присел за стереотрубу.

Не ошибся тогда Василь Рымарь, выбрав Шилова в разведчики. На вид совсем юный, с детскими припухшими губами, шаливший при каждом удобном случае, - то спрячет у кого-либо пилотку, то сунет кому-нибудь за ворот жука, покрывавшийся ярким румянцем при любом замечании, самый любознательный из всех, Петя обладал особыми, необычайно для нас важными способностями. Оказалось, что он прекрасно разбирается на любой местности. Он сразу и натвердо запоминал, где стоит необычное разлапистое дерево, где полусгнивший пенек, а где просто повисла надломленная ветка. Учинив ему самые хитрые проверки, ребята, наконец, твердо уверовали в его наблюдательность. Вот и в этом случае я очень надеялся, что Петя отыщет что-нибудь приметное.

Шилов долго не отрывал глаз от окуляров.

- Вот посмотрите, товарищ гвардии лейтенант, - наконец сказал он.

В том месте, куда он навел перекрестие трубы, виднелась горка вывернутой земли.

- А вот еще! - Шилов перевел трубу чуть в сторону. Тоже свежая земля...

- И еще...

- Так это что же?! - я начал сам водить окулярами. Не было никакого сомнения. Только недавно отрытая траншея!

- Ведь это же отсечная позиция между первой и второй траншеями. Это же очень важно. Отсюда фашисты могут контратаковать! Ну и Шилов!

А я уже думал о том, что на карте начальника штаба этой траншеи не было. Значит, необходимо ему об этом незамедлительно сказать, да и в дивизион передать, чтобы на всякий случай подготовили по ней огонь.

Очередной день боев за Ржев начался оглушительной пальбой из сотен орудийных стволов. И наши, и гитлеровцы открыли огонь почти одновременно. Снаряды и мины стали рваться в расположении нашего НП. Все вокруг заволокло сизой пеленой.

Сидевший у телефонного аппарата связист быстро передал трубку своему напарнику и выскочил из блиндажа.

Это означало только одно - где-то разрывом перебит кабель. Но с нами были еще радисты. Черепанов, крепко прижав к уху трубку рации, напряженно повторял в микрофон цифры настройки. Притулившийся возле него Ефанов утвердительно кивнул на мой вопросительный взгляд. Я заторопился на КП полка.

Помимо начальника штаба полка, которого я уже знал, и командира полка, пожилого, с красным обветренным лицом и седым ежиком волос полковника, здесь же находились начальники служб, представители поддерживающих родов войск, связисты... В перекрытом двумя накатами бревен и слоем земли блиндаже грохот разрывов был не так слышен, как в нашей разрушенной землянке. Здесь все-таки можно было спокойно разговаривать. Но в тот момент, собственно, говорил только один командир полка, остальные слушали, готовые сделать все, чтобы обеспечить успех проводимого боя.

...Начальник штаба махнул мне рукой, указав место рядом с собой.

- Готовы к открытию огня?

Я только кивнул в ответ. Перед капитаном лежала карта, на которой отсечная позиция не была нанесена.

- Атакуем позиции противника в шесть тридцать, - сказал начальник штаба.

Я достал из сумки синий карандаш и провел легонько ровную линию на карте капитана. Так, как мы ее видели на местности. От первой ко второй траншее метров на пятьсот южнее направления главного удара полка.

Капитан удивленно поднял брови.

- Мы ее сегодня обнаружили, - сказал я ему. Схватив карту, капитан торопливо пересел к командиру полка.

- Подготовьте залп и по этой траншее! - сказал он, вернувшись.

Сейчас на КП царили особые минуты. Командир полка ждал команды от командира дивизии о начале атаки.

Все было в точности так, как я мечтал, думая о фронте. Испытанные в боях военачальники ведут сражение с опытным и сильным врагом и выигрывают. А с ними нахожусь и я, необходимый очень человек. "Поднимутся батальоны полка и, проскочив узкую нейтральную полосу, ворвутся в первую траншею. Гитлеровцы начнут заполнять отсечную позицию. В этот момент и нужен наш залп", - сидел и рассчитывал я.

Все не спускали глаз с седого полковника.

Сквозь грохот артподготовки послышался характерный гул гвардейских минометов (видимо, другого дивизиона), и тут же полковник взмахнул рукой и крикнул в телефонную трубку: "Вперед!"

Стрелковые батальоны начали атаку.

Текли секунды. Начала переносить огонь артиллерия. Зазвучал зуммер. Полковник послушал.

- Огонь по отсечной! - резко выкрикнул он, повернувшись ко мне.

Я выметнулся из блиндажа в траншею. Проскочил короткие метры до своей землянки, но вскочить в нее не успел. Внезапный разрыв швырнул меня на дно траншеи. Мгновения забытья и сразу в ушах зашумело. Уже совсем бессознательно я нырнул в проход землянки.

- Огонь по отсечной!..

Черепанов и связист повторили, а я, еще не опомнившись от контузии, прильнул к стереотрубе. Стоявшее все время густое облако пыли и дыма немного рассеялось. Вот она, отсечная позиция, и солдаты, выбирающиеся для контратаки. Первый разрыв, второй... вздыбили громадную серо-желтую тучу.

- Передадите на огневые, что очень хорошо, - крикнул я, выбегая, - скосили врага.

Бой развертывался удачно. Это сразу было видно по лицам командира и начальника штаба. Выслушав кого-то по телефону, полковник встал и подошел ко мне. Он начал что-то говорить, потирая ладони, но я ничего не мог расслышать. Я понимал, что командир полка благодарит нас за удачный залп, но слова не доходили. Гул, стоявший в голове, рассеивался очень медленно. Все находившиеся в блиндаже оживленно разговаривали, а я еле-еле различал их голоса.

Вдруг я спохватился, что у меня исчезла плащ-палатка. С самого вечера она была у меня на плечах и вдруг пропала. "Неужели сорвало и разнесло в клочья?!. Где же разорвалась мина?.. Наверное, у самого края траншеи, наверху, если осколками и взрывной волной могло сорвать плащ-палатку со спины!" Меня даже передернуло. И раньше не раз бывало, что пули и осколки пролетали совсем рядом, чуть ли не задевали, а вот чтобы снаряд или мина - еще не бывало. Гул, стоявший у меня в голове, почти прошел, но правая часть затылка была как деревянная. Я поднес свои старенькие кировские часы к левому уху. Тиканье секундной стрелки слышалось отчетливо. К правому уху - ничего! Снова то к левому уху, то к правому. И печальный вывод: "Значит, я теперь правым ухом не слышу!"

- Перемещаемся в первую траншею противника! - объявил

полковник.

Огневой вал перекатился далеко вперед, а над нашими боевыми порядками снова нависли "юнкерсы". Бомбы начали сотрясать землю. Осторожно пропуская мимо себя многочисленных раненых, все двинулись по ходам сообщения на новый КП.

Снова разваленная небольшая землянка. Еще час назад в ней были живые враги. И первая находка! Эсэсовский кинжал с фашистской свастикой на ножнах и рукоятке. Если эту свастику отковырнуть, то нож вполне сгодится в хозяйстве. Например, открывать консервные банки.

Пятнистая желто-зеленая плащ-палатка.

- Товарищ гвардии лейтенант, взамен вашей сойдет?

- На кой она мне! Только еще не хватало ходить с таким трофеем!

Немецкий котелок с крышкой... Тоже может пригодиться. Он хотя менее вместительный, чем наш, но зато плоский и крышка хорошо прилегает. А вот это все - круглые в виде высоких ребристых банок противогазы, каски, немецкую шинель, фашистские журналы и газеты - все за дверь.

А на поле боя бушевал огненный шквал. Вся громадная равнина была покрыта разрывами. Ждали, когда хоть немного стихнет огонь, многочисленные раненые, находившиеся в траншеях. Бесстрашные телефонисты и связные тоже передвигались только короткими рывками. Неожиданно раздался глуховатый голос Чепка:

- Действительно, нелегко вас отыскать. Усмехнувшись при виде наших удивленных лиц, политрук присел у стенки блиндажа, переводя дыхание.

- Как же вы все-таки пробрались? - невольно вырвалось у меня.

- Надо было - вот и пробрался. Сами просили проведывать вас во время боев, - совсем просто ответил Чепок.

Он пробыл у нас весь день. Освоившись, немного понаблюдал в стереотрубу, объяснил важность боев на нашем участке и, наконец, принялся вместе с ребятами писать боевой листок. Его Чепок решил взять с собой в батарею для огневиков. Пообещав наведывать нас, гвардии политрук отправился на огневую с наступлением темноты и даже проводить себя не разрешил.

Еще несколько дней наши части прорывались к Ржеву, но в этом наступлении город так и не удалось взять. Слишком уж противник сопротивлялся, выполняя личный приказ Гитлера - удержать Ржев во что бы то ни стало. Наш полк получил приказ вернуться в Москву. Командование отметило, что гвардейские

минометы действовали отлично, поэтому настроение у всех было приподнятое.

Глава пятая. Демянский "котел"

В школу на Щукинской возвратились, как в родной дом. Весело разнесли пожитки по бывшим учебным классам.

В ближайшие дни полк полностью укомплектовался людьми и всем необходимым и снова ждал приказа.

И вот опять погрузка в эшелоны и опять мысль: куда?

После, как видно, обязательных долгих маневров по Московским железнодорожным путям, состав вышел па Октябрьскую дорогу и по ней, все набирая скорость, пошел на север.

Утром выяснилось, что прибыли на станцию Осташков. Немного погодя, последовала команда выгружаться.

Итак, Северо-Западный фронт!

В 1941 году оккупанты сумели добиться некоторых успехов на Северо-Западном направлении. Заняли города: Холм, Торопец, Старую Руссу, Демьянск. Серией контрударов наступление врага было приостановлено, но эти города остались у противника.

Особенно опасен был Демьянский выступ. Глубоко врезавшийся в расположение наших войск, он таил в себе много неприятного. Все попытки уничтожить "котел", предпринимавшиеся в 1942 году нашими войсками, закончились безрезультатно. 12 отборных фашистских дивизий, оборонявших Демьянский плацдарм (так он назывался), держались. Гитлеровцы находились как бы в тисках, но тиски эти нашим частям никак не удавалось сжать. После очередных боев осенью 1942 года наступила тишина. Короткая, настороженная и тревожная.

Северо-запад труден по-своему. Там, правда, почти не бывает лютых морозов и непереносимой жары. Климат мягкий и влажный. Но кругом леса и болота. Влага - круглый год. Ступишь в сторону от тропы - и провалишься по пояс. Бездорожье. Все обеспечение войск под Демьянском осуществлялось по одному поперечно выложенному бревенчатому настилу. Машину на нем рвало, кидало из стороны в сторону, плохо увязанный груз болтался внутри кузова, с ним перекатывались и люди. И так всю дорогу от Осташкова до линии фронта.

А были люди, которые на этой дороге находились все время, - интенданты, шоферы, солдаты. Осипшие от крика, почерневшие от стужи и ветра, заросшие бородами, - они выкладывались до конца, чтобы обеспечить фронт всем необходимым.

И как это было нелегко!..

Среди шоферов ходил слух, будто появляется на дороге в

местах "пробок" сердитый генерал с палкой и круто расправляется с каждым, по чьей вине происходит хоть малейшая задержка. Так боялись сердитого генерала, что, бывало, застрянет машина, и шофер опрометью в кусты - еле его потом докличешься. По этой-то дороге и двигался наш гвардейский минометный полк.

Двигался изнуряюще долго. Скорость машин составляла всего 5-7 километров в час. Наконец прибыли в район сосредоточения. Это был очень ответственный участок. На его левом фланге в районе Рамушево проходила горловина Демьянского выступа шириной всего 10 километров. Если бы с юга или севера удалось прорвать горловину, то противник оказался бы в полном окружении.

Здесь проходили самые отчаянные бои, здесь были сосредоточены основные силы, как наших войск, так и вражеских.

Ко времени прибытия полка на этом участке было тихо. Только что закончились очень тяжелые бои под Рамушевом, снова были отражены все попытки наших войск перерубить горловину.

Из района сосредоточения выдвигаться на огневые позиции было совсем трудно. Все больше на руках и плечах. Есть такая команда в тылу и на фронте: "Раз, два... Взяли!.. Еще раз... Взяли!.." - вот она, да срубленные молоденькие елки и сосенки, обильно покрывшие колею дороги, и вывозили боевые машины на огневые позиции. Наконец установки нацелили свои направляющие на плацдарм.

Теперь оставалось выбрать и оборудовать НП дивизиона, установить надежные прямые связи со стрелковыми подразделениями.

Провели предварительную рекогносцировку, полазили по соснам, и, наконец, облюбовали высокое дерево, с которого открывался широкий обзор местности, занятой противником.

За сутки полностью устроились. На вершине сосны оборудовали удобную площадку для наблюдателя, сколотили лестницу, а под сосной отрыли обширный блиндаж.

Установили прямую связь с КП батальона оборонявшейся здесь уральской стрелковой бригады. Командир батальона, не задумываясь, приказал подать нитку на наш НП, да и близко было - метров пятьсот.

Когда войска переходят к обороне, то главным, преобладающим видом разведки является тщательное наблюдение за противником. Ведущую роль здесь играют артиллеристы. Пехота наблюдает за передним краем противника, артиллеристы на глубину своих задач. Так дивизионные артиллеристы следят за действиями противника на его первой позиции, корпусные пушкари выискивают вражеские батареи в

районах огневых позиций.. Гвардейских минометчиков естественно больше всего интересуют скопления живой силы и техники врага. Это самые желанные для них цели: одним залпом нанести ощутимый урон врагу. Такие цели часто возникают, когда противник находится в движении - наступает или отступает.

В случае же, когда обе стороны заняли жесткую оборону и не ведут активных действий, цель надо упорно искать.

В первый же день мы отправились с Шиловым знакомиться с соседями-артиллеристами. Идти было недалеко - метров пятьсот-шестьсот. Уже в районе НП наткнулись на солдатскую баню. Из ржавого, продырявленного, кое-как свернутого в трубу листа железа рвались в небо снопы искр, вихрились обильные клубы дыма. Перед баней носилось человек пять голых артиллеристов. Они плескали друг в друга холодной водой из ведра, толкались, хохоча, одним словом, получали удовольствие.

Мы залюбовались непривычным для москвичей зрелищем.

Дальше к НП нас повели звуки гармошки. В этом древнем старорусском лесу это было неожиданно и удивительно. Гармонист был мастером своего дела. Разудалая мелодия искрилась набором самых разных музыкальных трелей и завитушек, и от них наши лица разом посветлели, заулыбались, шаги участились.

На мой вопрос о командире встречный солдат показал на землянку, откуда неслись звуки гармонии. Я влез в дверь, как и у нас, завешенную плащ-палаткой.

Артиллерийская фуражка прикрывала только небольшую часть громадного смолистого чуба, принадлежавшего лейтенанту-гармонисту. Мельком взглянув на меня, он продолжал так же увлеченно играть и только через несколько минут, растянув до отказа, а потом сжав мехи своей гармошки, он бережно отставил ее в сторону, и мы познакомились.

- Это что же, опять бои будут? - сразу посерьезнело открытое лицо лейтенанта. - Ведь только-только закончились! Да... Зря вас не пришлют!..

Я заметил, что лейтенант внимательно взглянул на мой орден. У него был такой же, только совершенно новенький, а у меня уже чуть поцарапанный под Ржевом. Значит, я стал орденоносцем несколько раньше моего нового знакомого. Для нас в те времена это имело значение.

В этот момент из-за дверной плащ-палатки показалось смущенно взволнованное лицо Ефанова.

- Футболисты! - выпалил радостно Виктор. - Фашисты в футбол играют!.. Я его не совсем понял.

- Верно! - воскликнул лейтенант. - Вот кто их проучит! Сейчас я тебе покажу это место! - и он рассказал мне о без сомнения интересной для нас цели.

Есть северо-восточнее деревни Залучье небольшая лужайка. Каждый день на ней в футбол играют. Начнут по ним лупить минометчики, они мяч забирают и в щели. А потом снова за свое. Нагловатый враг. Дивизия "Мертвая голова".

- Грозное название...

- Вот и надо проверить эту голову на живучесть залпом "катюш"! - весело вскричал лейтенант. Он опять схватил свою гармонь и, заиграв, пропел: "...выходила на берег Катюша!"

Заверив гармониста, что гитлеровцам недолго удастся безнаказанно играть, мы отправились к себе.

Всю дорогу обратно Ефанов возбужденно говорил о футболистах. Рад был и я. Надо сказать, что почти все мои разведчики уже имели каждый на своем счету по нескольку выявленных крупных целей. А Виктору Ефанову как-то не везло в этом, хотя, пожалуй, он был чуть ли не самым усидчивым и внимательным наблюдателем.

И вот теперь фашистские футболисты будут считаться его целью. Но предстояло еще обстоятельно все изучить и накрыть "стадион", когда там побольше соберется врагов.

Очень трудно наблюдать с высоких деревьев в ветреную погоду. Порывы ветра качали тонкую вершину сосны во все стороны, когда мы с Виктором забрались на площадку и начали наблюдение за футболистами эсэсовского соединения. С непривычки сразу закружились головы и пришлось слезть, потом снова залезть. Постепенно привыкли. Установили, что "спортсмены" выходят играть часов в 6 - 7 вечера и собирается их на лужайке иногда очень порядочно - больше сотни.

Доложили по команде, и командир полка разрешил произвести залп. Постепенно в журнале наблюдений появились такие записи:

"18 часов 15 минут. Квадрат 32 - 12. Из-за крайних домов деревни вышли на поляну, что северо-восточнее Залучья, пять человек с мячом. Играли в одни ворота до 19 часов 20 минут".

Во второй день запись повторилась, но тут уже разведчики не вытерпели и приписали: "выделялись двое игроков: один высокий брюнет, другой среднего роста - рыжий. Чувствуется, что классные игроки".

На третий день записи в журнале стали еще интереснее:

"17 часов 50 минут. Квадрат 32 - 12. Все из-за тех же крайних домов Залучья одна за другой вышли несколько групп немецких солдат. Всего пятьдесят четыре человека.

17 часов 55 минут. Квадрат 32 - 13. Из рощи, где расположена минометная батарея, к лужайке у Залучья вдоль опушки леса прошли мелкими группами по 2 3 человека 19 человек".

Очевидно, должна была состояться очередная футбольная встреча между подразделениями фашистской дивизии. Запись в журнале продолжалась:

"Игра началась в 18 часов 10 минут. Закончилась в 20.00 часов". Не принимавшие участия в игре сидели вдоль лужайки и болели за свои команды. Выиграли хозяева поля 4:1. По два гола забили черный и рыжий".

Можно было бы и стрелять в этот день, но решили мы подождать следующей такой встречи, усыпить бдительность футболистов.

В один из дней уже по голосу дежурного наблюдателя я понял, что у фашистов опять соревнование.

- Скорее сюда, товарищ лейтенант! - кричал с дерева Ефанов.

Я торопливо заперебирал руками и ногами по узенькой, сколоченной из тонких сосенок лесенке.

Да, надо было стрелять. Все больше и больше солдат вылезало из ходов сообщений и блиндажей. Они неторопливо рассаживались вокруг лужайки, закуривали, о чем-то болтали... Пришли и минометчики из рощи. Только в этот день они были зрителями, а играло какое-то другое подразделение.

Началась игра. Снова выделялись черный и рыжий. Мастера!

А под сосной стояла вся разведка.

- Товарищ гвардии лейтенант! - все время доносилось снизу. - А черный и рыжий играют?

- Играют!..

- Забили они чего-нибудь?

- Черный один гол забил...

Пора было кончать эту забаву. Я взял телефонную трубку и вызвал Комарова. Телефон-то вообще установили на сосне сначала просто так, для пущей важности, а вот вдруг он и пригодился.

- Ну? Что ты говоришь? - обрадовался Иван. - Вылезли прохвосты. И сколько же их? Много?

- Да не меньше сотни.

- Зер гут! - От радости он выкрикнул единственные немецкие слова, которые еще помнил после школы. - Давай! Надо пробить штрафной! Ведь это они явно в офсайд забрались.

- Ты готов?

- Конечно!

- Сейчас доложу начальству... Не клади трубку. Я еще глянул на "стадион". Что ж, поиграли и хватит.

- Огонь!..

Первый снаряд разорвался прямо в центре "стадиона", за ним второй, третий... Повскакали зрители, кинулись было вместе с игроками к траншеям, но было поздно. Десятки разрывов взметнулись над лужайкой и смели гитлеровцев.

"Огневой налет "футбол" - так написал в очередном донесении гвардии старший лейтенант Бурундуков. Больше гитлеровцы на лужайку играть не выходили. То ли потому, что она была вся в воронках, то ли не находилось больше охотников, и напрасно разведчики наводили стереотрубу на это место. Там никто не появлялся.

Очень покойно нам жилось на этом НП. Может быть, гитлеровцы считали, что в этом районе войск немного, и потому почти его не обстреливали. Утром поднимались на физзарядку, умывались, раздевшись до пояса, в маленькой холодной речушке Робье. Завтракали. Правда, с едой на этом участке было куда хуже, чем на Юго-Западном. Подводила эта единственная бревенчатая дорога. Начали ходить на охоту, подстрелили несколько зайцев.

После гибели Будкина и его людей взвод управления дивизиона укомплектовали заново, но должность одного разведчика еще пустовала. Я несколько раз обращался с просьбами о человеке к Бурундукову - тот отделывался обещаниями. Я почти смирился с этим положением.

Мы только что закончили завтракать, когда в блиндаже появился длинный белесый парень и, чуть шепелявя, представился:

- Новый разведчик, гвардии рядовой Федотов прибыл в ваше распоряжение.

Новый боевой товарищ! Все головы живо повернулись к вошедшему. Видно было, что он волнуется, даже губы и брови как-то подергивались. Внешний вид в порядке:

подшит чистый подворотничок, начищены сапоги.

Все радостно смотрели на новичка.

- Постой-ка!.. Да ведь это старый знакомый! - Рымарь подскочил поближе к прибывшему. - Помните, товарищ гвардии лейтенант, как он тогда подбегал при формировании?

Я тоже его узнал - ухаря в тельняшке.

- Мы же тебе тогда отказали. Чего же ты снова пришел?

Федотов облизал пересохшие губы:

- Я рапорт командиру полка подавал, чтобы к вам в разведку. У вас место есть...

Светлые глаза парня блеснули отвагой, улыбка смягчила лицо.

- И про место узнал! А какое у тебя образование?

- Семь классов...

- Неплохо!.. Какого года рождения? Комсомолец? Оказалось, что одногодок почти всем разведчикам. Родился в 1924 году. С тридцать девятого - комсомолец.

- Рымарь! - приказал я. - Зачислить на все виды довольствия. Через неделю буду принимать у него экзамен на знание дела. Виктор, пошли...

Мы ушли за новостями в стрелковый батальон.

- Значит, фашистов уничтожать собрался? - ребята насмешливо смотрели на новичка. - А на сосне тебе по четыре часа каруселить не приходилось?

Федотов не понял:

- Это как?

- Да сидеть вот на макушке, когда ее мотает во все стороны, и за противником наблюдать.

- Хоть сейчас! - лицо Федотова выражало полную готовность. - Не лазил я по деревьям, что ли!

- Вот скоро смена будет и полезем. - Рымарь оценивающе смотрел на новичка. - Там и учиться будешь. Сам-то ты откуда?

- Из Семенова, Горьковской области.

- Как раз у нас горьковских еще не было. Ответив на все вопросы и значительно осмелев, Федотов подошел к топчану, где сидел Шилов.

- Тебя Петром звать?.. Меня - Николаем. Подвинься, что ли.

Он начал устраиваться и сам перешел к расспросам:

- Куда это ваш лейтенант ушел?

- На передок... В батальон.

- На передовую! Вот бы с ним1

- Чего уж тут хорошего, - все засмеялись и начали объяснять наивному человеку, что на сосне сидеть и то лучше, чем лазить с лейтенантом по траншеям и болотам.

- А почему он этого Виктора взял?

- Потому что он у него ординарец.

- Ординарец, - Федотов с уважением повел головой.

- Ну, пошли! Да телогрейку надень - наверху холодно! - гвардии сержант Рымарь повел Федотова обучать сложному ремеслу разведчика.

А к вечеру, когда мы вернулись из батальона, Федотов уже совсем освоился.

В это время на Северо-Западном фронте активные действия не велись. У нас появилось свободное время, особенно вечерами, когда почти все собирались в блиндаже. Пошли долгие разговоры, песни, байки...

Гильза из-под 76-миллиметрового снаряда, наполненная бензином и солью, чтобы не было вспышки, ровным полусветом озаряла землянку, поблескивали капельки влаги, сочившиеся из непросохших бревен наката, ярким багрянцем отсвечивала раскаленная чугунная печка. Даже от портянок, тесно развешанных вокруг печки, и то исходил свой, ставший привычным, запах фронтового солдатского жилья.

Лежа бок о бок и вытянув босые ноги поближе к теплу, ребята рассказывали и сочиняли, кто во что горазд.

Главным и неутомимым рассказчиком оказался Федотов. Белобрысый паренек быстро подружился с ребятами и с первых дней начал проявлять задатки смелого и находчивого разведчика. Он уже хорошо знал все приборы наблюдательного пункта и по своей воле часами просиживал на сосне, не отрываясь от стереотрубы. Я был им очень доволен.

Были у него и слабости: любил прихвастнуть и вел чересчур обширную переписку с разными незнакомыми девушками. Кроме того, очень жаждал трофеев. Ребята, знай, подсмеивались над ним.

До прихода во взвод Федотов возил снаряды. Уезжая далеко на склады и станции, работники боепитания пропадали там подолгу. Бывало и так, что снаряды долго не поступали с заводов.

- Приехали мы в один городок на Юго-Западном, - начал очередной рассказ Федотов. - Сказали: нет пока - ждите. Комнатку нам отвели чистенькую... А есть там у меня один дружок - Васей звать. Вот в первый день мы и вышли в город к вечеру. Осмотреться, то, да се... Дошли до клуба. Пока мы с ребятами узнавали, какой фильм показывают, Васька уже с гражданками какими-то познакомился. Стоит договаривается, острит чего-то, из кожи лезет. На нас ноль внимания. Ушли мы тогда от него... И вот начал он каждый день куда-то отпрашиваться. Предупреждали, конечно, его, чтобы вел себя достойно, не зарывался...

Дальше следовало, что в один из дней этот Вася застал у своей хозяйки компанию родственников и знакомых, которые его усадили за стол, начали кричать "горько", в соседней комнате постель готовили, - хотели женить его, значит. А он - бежать.

- Так вот!.. Васька от кобеля - ногой, и к калитке, а та на замке, продолжал Федотов. - Перевалился Вася через забор и в лужу упал. До самого дома, где мы стояли, без оглядки бежал.

- В которой шинели к нам Федотов пришел, вся пола была разорвана! восторженно закричал Петя Шилов.

Все опять принялись хохотать.

"Ишь, какой веселый! Очень хорошо, что он к нам пришел. -

лежал и довольно думал я. - С таким не пропадешь и настроение у ребят от таких баек улучшается... Постой!.. Это он мне такими рассказами всех с толку собьет! Приедем куда-нибудь, и начнут все так же бегать... Э-э! Так дело не пойдет." Но какую тут провести воспитательную работу, я не знал. Был бы на моем месте Чепок - другое дело!

Все-таки я сел на топчане и принял серьезный вид. Выставил вперед руку, как Чепок.

- Это что же, если мы куда-нибудь приедем, то ты, Василь, тоже начнешь по заборам лазить? - я начал с командира отделения, как самого солидного.

- Что вы, товарищ лейтенант! - Рымарь даже испугался.

- У него Маша есть. На телефоне работает... Он только ее признает! - хором закричали разведчики.

- Значит ты, Юра?

Но Черепанов только высокомерно усмехнулся.

- Тогда, вы? - за Шилова и Ефанова я был совершенно уверен. Они-то не пойдут. И действительно, и Петя и Виктор смущенно замахали руками.

- Да ну их!..

- Вот видишь, если ты у нас гуляка, - с удовлетворением сказал я Федотову, - исправляйся!..

А на другой день состоящий при штабе пожилой солдат Степан Иванович Кашкин принес на НП целую пачку писем. Вручая Федотову добрую половину из них, он не удержался от замечания:

- Только важное место занимают! Добро бы от родителей, жены, деток. А то все, поди, от девок! - старик сердито сунул письма в руки Федотову.

- Ишь, какой! - отпарировал Николай. - Родителей, деток... Много ты любишь, наверное, этих деток. Небось им от тебя в деревне житья не было!

- Да я!.. - старик даже говорить не мог от негодования. - Да у меня четверо сынов и все в армии! Чтоб я когда хоть одного ребятенка пальцем тронул!..

- Так уж не тронул?

- Да провалиться мне на этом месте!

- Вались, дед! Сад был у тебя?

- А как же!.. У нас у каждого хозяина наипервейшие сады. Зря что ли сам Мичурин Иван Владимирович из наших местов.

Федотов коварно прищурился:

- Т-ак!.. А когда к ночи к тебе в сад ребятишки за яблоками наведывались, ты их, наверное, специально поджидал с корзиной наилучших яблок? Ешьте, мол, детки дорогие, да помните дядю

Степана...

Сразу поверженный Степан Иваныч растерянно замолчал. Да и что было говорить? Разве о том скажешь, что действительно поджидал он мальчишек, как лютую саранчу, с хворостиной, а то и крапивой в руках, что скакал за ними по плетням и грядкам, не раз растягиваясь на земле, и все для того, чтобы похлеще вытянуть какого-нибудь сорванца. Да разве такое обскажешь?..

Степан Иваныч торопливо схватил противогазовую сумку, в которой носил письма, и, даже не покурив, засобирался на выход.

Видя, что противник повержен, Федотов смеялся от души:

- А яблоки, дядя Степан, испокон веков таскали, - закричал он вслед старику, - таскали и будут таскать, даже при коммунизме!

- Да уж если такие, как ты... - пробормотал Степан Иваныч и, смущенно откозырнув, поспешно вышел.

Прекратили на время работу и наши радисты. Вся связь с огневыми позициями осуществлялась по телефону. И комсорг наш Юра Черепанов, всегда выручавший нас со связью на Юго-Западном, теперь занялся совсем другим делом.

Если в напряженные дни боев на Дону и под Ржевом и думать было нечего о сколько-нибудь художественном оформлении документов разведки, то здесь, под Демьянском, времени было достаточно.

Начали, конечно, со схемы ориентиров. Ее выполнили в красках и повесили на стенке блиндажа. За короткое время каждый из разведчиков знал все ориентиры твердо на память.

На ватманском листе, с большим трудом добытом в штабе, оформили разведывательную схему. К ней специальную легенду: что за цель, кем и когда выявлена, и, наконец, принялись за панораму местности. Сначала Черепанов набросал карандашом отдельные участки обороны противника. Их склеили вместе в длинную полосу, и вот уже на ней зазеленели леса, рощицы и поляны, извивалась голубая Робья, тянулись желтые и коричневые нити дорог и тропинок. Это была самая трудоемкая часть работы. Теперь оставалось нанести расположение подразделений немцев и их оборонительных сооружений. Ярко выделяющиеся артиллерийские и минометные батареи, пулеметные гнезда и доты, длинные зигзаги проволочных заграждений, черные горошины противотанковых полей, передвигающиеся по дорогам танки, грузовики и повозки, отдельные солдаты и подразделения наглядно представили всю систему обороны противника.

- Все!.. - разведчики без устали любовались на панораму. - Ну, а что выявим новое - будем пририсовывать.

Новые цели вскрывались часто. Правда, не все они были

важными и значительными.

Однажды Федотов, ввалившись в блиндаж, с торжеством протянул журнал разведки.

Последняя запись в журнале гласила:

"Квадрат 32 - 10. 10 часов 30 минут. Отдельный блиндаж. Из блиндажа вылезли две фашистские мамзели и направились в кусты. Побыв там минут 10, вернулись обратно".

- И это все? - скрыв усмешку, я вернул журнал.

- Как все? - взвился Федотов. - Товарищ гвардии лейтенант, это же не какие-нибудь танки, которые чуть не каждый день разъезжают! А потом не ко всем они попадут, а только к заслуженным "фрицам"! Давай, Юра, рисуй их на свои схемы.

Блиндаж разразился хохотом, а этого только и добивался Федотов.

С первых дней нашего пребывания под Демьянском в разведке началась систематическая учеба. Даже пришлось составить расписание занятий. Снова изучали приборы, личное оружие. В лесу ходили по азимуту. И, конечно, занимались строевой, и даже тропинку протоптали, так отрабатывали действия бойца в строю и вне строя, с оружием и без. Регулярно приходил проводить занятия Чепок. Политзанятия полюбили, его всегда ждали. А мне он, как всегда кратко и чуть суховато, сказал, отозвав в сторону:

- Пожалуй, подошло время вам вступать в партию. Как вы на это смотрите?

Как я на это смотрел? Лицо у меня запылало, четкого ответа не получилось. И я только проговорил:

- Если вы так считаете... Я конечно...

- Думаю, что пора, - улыбаясь, сказал политрук. - Одну рекомендацию дам я, в другой не откажет Васильев.

Я только счастливо улыбался. Какой же радостный день для меня был.

А вот однажды:

- Здравствуйте, дорогие товарищи разведчики! - нежданно-негаданно из-за плащ-палатки входа показался гвардии капитан Чупиков, за ним протиснулся Бурундуков. Они обошли всех присутствующих с рукопожатием.

Бурундуков являлся моим прямым начальником. С ним приходилось, хотя бы по телефону, иметь дело каждый день. Я даже отметил себе, что он стал гораздо мягче. По крайней мере не причинил за все последнее время ни одной неприятности. Чупикова же я видел после Бузулука впервые. И, конечно, растерялся, если не сказать испугался. Сразу подумалось - что-то не в порядке, проверять будут, расследовать. Нервничая, я стоял

перед ними.

Чупиков и Бурундуков попросили показать им документацию, которую мы завели. Документация, над которой столько сидели, вырисовывая каждый кустик. В журналах тоже у нас был порядок. Все записывалось аккуратно. Даже был составлен график дежурства на сосне, хотя разведчики его не очень-то выполняли, просиживая на вышке до тех пор, пока не уставали. Документацией я гордился.

Чупиков все просмотрел очень быстро.

- Сведений о действиях и расположении наших частей нет ни в одном документе, - сказал он. - Ведете их правильно. Расскажите, кто тут у вас соседи? Я все обстоятельно рассказал и показал. А Бурундуков ходил по блиндажу и все внимательно рассматривал. Долго он стоял и перед панорамой. А я следил за выражением его лица, заметил, как он вдруг нахмурился, потрогав штабной ватман. Наконец все же усмехнулся:

- Не могли уж прямо у меня попросить? Долго листал он и журнал разведки. На одной из страниц рука его остановилась и он начал внимательно вчитываться. "Что там еще такое?!" - я поспешно заглянул через плечо Бурундукова. Так и есть!.. Журнал был раскрыт на странице с федотовскими мамзелями. Я уже ждал разноса за несерьезность, но Бурундуков и на этот раз только усмехнулся и захлопнул журнал.

- На фашистов посмотрим? - он деловито взглянул на Чупикова.

- Обязательно!

Погода стояла ветреная, вершину раскачивало во все стороны и непривычных к этому людей могло бы запросто укачать. Мы дополнительно набросили веревки на соседние деревья.

Перед уходом капитан Чупиков провел беседу со всеми разведчиками о бдительности. Для беспечных ребят это было очень полезно.

Я долго прохаживался по тропе, поглядывая вслед удалившимся начальникам. Вздохнул облегченно. Что ни говори, а краснополянское дело нанесло мне ощутимую рану и она еще не зарубцевалась.

Неутомимый в своей жажде отличиться, Николай Федотов все же добился своего. Километрах в пяти за передним краем он высмотрел просеку, на которой эсэсовцы проводили утреннюю физзарядку.

Перекрестие стереотрубы замерло на этом участке.

Движение здесь было непрестанным. Отдельные солдаты в течение всего дня ходили по просеке, пересекали ее в разных местах. Прошло строем несколько подразделений. Было ясно, что

в этом районе сосредоточены какие-то резервы.

Итак, нужная цель была выявлена!

Но это было далеко еще не все. Координаты. Как определить их? Снова, если бы была гаубица полковника? На этот раз - нет! Чтобы не спугнуть врага, в этот район нельзя было посылать ни снаряда.

По законам артиллерийской науки координаты цели можно определить сопряженным наблюдением не менее чем с двух наблюдательных пунктов. Линии наблюдения лягут на планшет, а точка их пересечения и даст точное расположение цели. Вот тогда уже можно готовить исходные данные для стрельбы, вносить необходимые поправки на температуру воздуха, направление ветра и стрелять. Стрелять надежно и точно.

Разбившись на пары, разведчики весь день провели на соседних НП. К вечеру собрались у себя в блиндаже. Результат дневных поисков был одинаков: нужный участок просеки ни с одной другой точки не просматривался.

Что же необходимо было предпринять, для того чтобы засечь это место? Я сидел и мучительно размышлял. Даже на Западном фронте таких трудных случаев у нас не было. В конце концов все-таки отыскивались какие-то заметные предметы на местности, и не было случая, чтобы промахнулись. Я взглянул на озабоченно следивших за мной ребят:

- Ну, кто что посоветует?

В блиндаже вся разведка была налицо. И даже трудно было сказать, что у нас происходило. То ли служебное совещание, то ли комсомольское собрание. Ведь все присутствующие являлись комсомольцами, а рядом со мной сидел комсорг Юра Черепанов.

Федотов давно уже ерзал на топчане. Он сразу вскочил и заговорил, шепелявя от волнения:

- Это как же так?.. Такая цель! Тогда разрешите, товарищ гвардии лейтенант, я сейчас же к пехотным разведчикам сбегаю! Они все время за передний край ходят и наверняка знают, что это за просека. А может, они завтра пойдут, и мне с ними?..

Все было понятно. Конечно, Федотову очень хотелось, чтобы выявленная им цель была уничтожена. И вообще расспросить разведчиков из общевойсковых подразделений было бы неплохо. Но координат этого места они все-таки знать не могли, потому что на этом участке за передний край еще никому не удалось проникнуть.

- Может быть, договориться с артиллеристами, чтобы они в этот район несколько снарядов бросили? - предложил Рымарь.

И тут я только покачал головой. Помимо того, что не стоило рисковать и настораживать противника, была и вторая причина:

артиллеристы, как всегда в обороне, сидели на строжайшем лимите и у них самих половина реперов (ориентиров) наверняка не была пристреляна.

- Возможно, в штабе полка есть аэрофотоснимок? - сделал следующее предложение Черепанов.

Данными аэрофотосъемки нам еще не приходилось пользоваться, но если такие имелись, то, конечно, могли помочь разобраться и отыскать просеку. Я позвонил в штаб полка, но снимков у них не оказалось, сказали только, что скоро должны быть.

- Товарищ гвардии лейтенант, - дошла очередь до Шилова. Он встал и, как всегда, покраснел. - Мы сегодня только с наблюдательных пунктов смотрели, а вот в той стороне - километрах в пяти, - он показал назад и вправо от линии фронта, - высокие сосны на бугре. Может быть, оттуда? Только там наблюдательных пунктов нет.

"Очень далеко от просеки, - подумал я, - но попробовать стоит". Так мы и решили.

С выбранной нами сосны мы увидели желанную просеку. Для верности подождали начала физзарядки. Все в порядке. В этот же день топографы провели привязку нашего второго НП. Координаты были определены точно. Оставалось только доложить командованию.

Сразу на НП появилось много народу. Командир полка сам поднялся на вышку понаблюдать. Он убедился, что разведка гвардейского минометного полка даром времени не теряла. Так и объявил во всеуслышанье, спустившись вниз.

Решение было единодушным: резервы противника накрыть огнем полка гвардейских минометов.

На следующий день фашистские солдаты, как всегда, заполнили просеку и приступили к выполнению физических упражнений. Последний раз в жизни.

Командир полка гвардии подполковник Виниченко подал сверху с сосны команду: "огонь!" Полковой залп на много километров потряс окрестности.

Громадный огненный смерч забушевал на просеке. Сразу же дым, пламя. Резервные части оборонявшейся здесь дивизии были уничтожены. Уже спустя несколько дней, когда прекратился пожар, это место стало заметно отовсюду. Черная опаленная земля и вокруг - обуглившиеся деревья.

В начале января стало ясно: примириться с существованием Демьянского выступа нельзя. Плацдарм, как гнойник, сидел в теле Северо-Западного и Волховского фронтов, мешая осуществлению других важных операций, отгораживая

осажденный Ленинград.

Войска снова стали сосредоточиваться вокруг демьянской группировки противника. Сквозь непролазные заснеженные топи и болота, непроходимые леса поползли "катюши", танки, пушки, боеприпасы. Лесными чащами шли стрелковые дивизии. Сосредоточение войск проходило долго и трудно.

Наконец белое безмолвие старорусских лесов взорвалось ревом "катюш". Они, как всегда, открыли артподготовку. Главный удар наносился, как и прежде, под Рамушевым. Как и прежде, противник отчаянно сопротивлялся. И все-таки фашистское командование поняло, что плацдарм им не удержать. К концу февраля 1943 года он был ликвидирован.

Надо сказать, что за то время, что мы находились на фронте, в нашем дивизионе сменилось уже много офицеров. Под Красной Поляной в первый же день, как я уже писал, погибли Будкин и Прудников. После завершения боевых действий на Юго-Западном фронте были откомандированы из полка Кондрашов и еще несколько офицеров. Перед самым Новым годом при разрыве фашистской бомбы оторвало ноги моему товарищу по училищу Илье Сорокину - командиру одного из огневых взводов.

Незадолго до наступления на плацдарм, на одной из рекогносцировок, Федотов, Ефанов и я пробирались по узкой траншее переднего края. Впереди на нейтральной полосе прутья лозняка сильно затрудняли видимость, и мы подбирали место, откуда было бы можно получше рассмотреть первую позицию противника. Прошли уже немало, но хорошего сектора для наблюдения не находилось. Никто не стрелял, и я решил выбраться из траншеи. Залез на бруствер и выпрямился во весь рост. Теперь оборона противника была видна хорошо. Я принялся сличать линию переднего края на местности с картой... Свистнуло несколько пуль. Словно палкой ударило ниже колена, швырнуло обратно в траншею...

Глава шестая. В глубоком тылу

Думаю, что не испорчу своего повествования о боевых действиях дивизиона, если посвящу главу рассказу о своем пребывании в тылу. Ведь только самые удачливые из тех, кто воевал на переднем краю, не были ни разу ранены.

Федотов и Ефанов на лодке-волокуше перетащили меня через заснеженную Ловать, сдали медсестре в ближайшем медицинском пункте. Через несколько минут эта же сестра вышла и объявила ребятам, что ранение мое тяжелое и лечиться буду в тыловых госпиталях. Может, через полгода и вернусь обратно в полк.

На санях с лошадкой в медсанбат, оттуда на открытом

грузовике по той самой единственной бревенчатой дороге - в полевой госпиталь. Грузовичок подрыгивал на каждой выбоине, тяжелыми стонами и проклятьями отзывались на эти прыжки раненые. В полевом госпитале мне несколько повезло. Оттуда тяжелораненых отправляли в Вышний Волочек самолетом. Я никак не входил в боковой отсек "Красного мстителя" - так называли маленький У-2. Наконец санитары, до боли согнув голову, втиснули носилки.

Холодная струйка воздуха, врывавшаяся через дырочку в фюзеляже, неприятно жгла шею, но в отсеке нельзя было и пошевелиться. Я терпел и, проклиная свою неосторожность, прощался с Северо-Западным фронтом. Утешало только одно - все врачи заверяли, что разбитая большая берцовая кость левой ноги быстро срастется, и я снова вернусь в строй.

Санитарный поезд из Вышнего Волочка шел через Москву, но оставляли в ней только самых тяжелых раненых, а я чувствовал себя сносно. Родной город! Когда начали выносить из вагона раненых, я попробовал упросить медперсонал, чтобы прихватили и меня. Пустое дело! Отделываясь какими-то словами, они проходили мимо полки, на которой я лежал. Им было не до меня. Тогда подхватив руками больную ногу, чтобы не зашибить ее еще больше, я свалился с нижней полки, на которой лежал, и пополз к выходу. Неожиданно пришла удача, и в санитарной машине нашлось место и для меня. Когда носилки вносили в двери госпиталя, я успел заметить вывеску: "4-й Московский городской родильный дом".

Почти четыре месяца провел я в стенах родильного дома, превращенного в хирургический госпиталь. Не знаю, что за учреждение сейчас в этом здании у Никитских ворот, рядом с кинотеатром повторного фильма. Надеюсь, опять роддом.

В мае, наконец, предстал перед окружной медицинской комиссией. Очень волновался, так как недавно узнал, что с ногой у меня далеко не все в порядке. Внешне рана зажила и выглядела очень хорошо, но в самом центре ее находилась маленькая незаметная дырочка, из которой нет-нет, да и выходили белые блестящие косточки.

Эта-то маленькая дырочка и грозила мне большими неприятностями.

Когда я вошел в помещение, где заседала комиссия, ее члены уже рассматривали на свет мои рентгеновские снимки. Операционная сестра быстро сняла повязку с ноги. Отверстие в центре шва все-таки было заметно. Мне предложили пройтись. Хромоту тоже, несмотря на все старания, не удавалось скрыть.

- Да... Чистейший хронический остеомиэлит! - произнес кто-

то из членов комиссии. - Ограниченно годен второй степени.

- Ограниченно годен... А как же?..

- В вашей ноге идет еще процесс. - Хирург встал, взял тонкий стальной стержень и ткнул им в мою рану. Стержень без всякой боли вошел в ногу сантиметра на четыре.

- Это называется свищ. Косточки свои видели?

- Может, еще операцию? - с надеждой спросил я. Говорили, что еще одна операция может помочь.

- Пока не нужно. Возможно, через несколько месяцев...

Со справкой, в которой говорилось, что меня можно использовать на воинской службе только во фронтовом тылу, вышел я из госпиталя.

На другой день я был в отделе кадров гвардейских минометных частей. Доложив о прибытии сидевшему за столом подполковнику, я увидел на его столе голубовато-серую папку личного дела с наклеенной на ней беленькой полоской бумаги, на которой стояла моя фамилия.

Подполковник раскрыл верхнюю корочку и начал читать личное дело. Перелистнув несколько страниц, его рука замерла. Ровным голосом вслух он зачитал характеристику, составленную капитаном Чупиковым.

Я был потрясен.

- Командир полка сказал мне, - едва смог я выговорить, - что прикажет уничтожить все это дело.

- Может быть, он и хотел уничтожить, - оказал подполковник, - но сами видите... Вы, надеюсь, согласны, что такая аттестация никак не может украсить офицера гвардии?

Я молчал. Ну как можно было ожидать, что этот материал, на котором поставили решительный крест, снова выплывет. И где! В отделе кадров!

- Ну что?.. - подполковник чего-то от меня ждал.

- Ничего не могу ответить!

Ну что я мог сказать? Не описывать же всю ту страшно тяжелую и сложную обстановку, которая тогда сложилась на Юго-Западном фронте.

- Хорошо, - и подполковник вдруг улыбнулся, - тут дальше есть две характеристики, в которых достаточно сказано о проявленных вами впоследствии хороших боевых качествах. Но на фронт я вас послать все равно не могу как ограниченно годного.

Перед подполковником лежали справки из госпиталя.

- Нога должна скоро зажить, - заторопился я вставить. - Да и воюют же другие. Вот по радио вчера передавали...

- Ну это по радио... - подполковник с минуту подумал. - Как у

вас насчет почерка и вообще аккуратности? Я не промедлил даже и секунды:

- Все время учителя ругались, что грязь и ничего не разберешь.

- Тогда будете работать в промышленности по обеспечению фронта вооружением, - решил кадровики показал на дверь. - Пока обождите, с вами побеседуют.

И вот с предписанием: убыть в распоряжение полковника Кашелотова - я подъезжал к своему новому месту службы.

Еще за несколько километров до городка начался сплошной березовый лес, а когда, наконец, состав вынырнул из березового коридора, сразу открылся город, тоже окруженный белым забором берез.

И справа и слева от железной дороги потянулись покрытые сажей черные цеха. В приоткрытые окна вагона вошел стальной лязг и грохот. Запахло гарью заводских труб. По правде сказать, чувствовал я себя неважно. С чертежами никогда дела не имел, со станками, токарными, слесарными, фрезерными - тоже. Одно меня очень привлекало в новой работе. Где еще можно изучить боевую машину, все ее тонкости, как не на заводе? Изучить все особенности, чтобы стрелять точнее.

Разыскать полковника Кашелотова, к которому у меня было предписание, оказалось легко. Военпредов на заводе знали все. Нужно было подняться на второй этаж и пройти мимо двери с надписью "директор" к следующей.

Инженер-полковник Антон Иванович Кашелотов оказался человеком лет сорока пяти. Светлый шатен. Среднего роста, с обозначившимся под кителем брюшком. Он, стоя, выслушал мой доклад.

- Мы, военпреды, - отрывисто заговорил полковник, - несем особую ответственность за качество изделий, которые принимаем от промышленности для фронта. Никакие рекламации для нас недопустимы. Поэтому и от завода мы обязаны требовать только изделия, строго соответствующие техническим условиям, стандартам и чертежам. Никаких отклонений быть не может.

- Ясно...

- С другой стороны, мы должны принять как можно больше техники, чтобы полностью оснастить армию. Следовательно, военный приемщик должен быть разносторонним специалистом своего дела, твердым и настойчивым в своих действиях.

Я растерянно молчал.

- Я понимаю, - сказал, наконец, Кашелотов, - что вам нужно привыкать и привыкать, учиться и учиться. Так принимайтесь же за это с самого начала.

Мне он поручал, хотя и самый простой, как он сказал, но в то же время и очень ответственный участок комплектации и выпуска готовых изделий.

Полковник позвонил и вызвал человека по фамилии Коробков.

- Алексей Михайлович, - обратился Кашелотов к вошедшему пожилому, с когда-то красивым, а сейчас усталым, морщинистым лицом, человеку. - Введи товарища в курс дела.

За несколько часов мы с Коробковым обошли закопченные, дышащие огнем печей и изложниц кузнечный и литейный цеха, прошли большой корпус, заставленный различными металлообрабатывающими станками, грохочущий, многозвучный прессовый цех и, наконец, дошли до спеццехов.

- Вот и наш цех! - гордо показал вперед Алексей Михайлович.

Я увидел перед собой большое железобетонное здание, далеко протянувшееся в глубину территории завода. Потемневшие от времени стены, окруженные горами лома, высокие въездные ворота.

- Здесь мы и сидим и днем, и ночью, - сказал Алексей Михайлович. - Бывает, что и Антон Иванович по неделе отсюда не выходит, а теперь, значит, и вы будете. - Подходя к цеху, он заметно подтянулся, и вид у него стал далеко не стариковский.

Охранник, стоявший у дверей, тщательно проверил пропуска, и Алексей Михайлович торжественно ввел меня в здание цеха.

В литературе уже не раз упоминалось о заводе "Компрессор", как об основном предприятии, на котором собирались гвардейские минометы. Но и помимо него был целый ряд предприятий, производивших ремонт боевых машин, изготовлявших как отдельные детали, так и целые узлы и сборки. Причем большинство из этих предприятий до войны выпускало самую мирную продукцию - сварочные горелки и кухонные примусы, мерники для химической промышленности и молочные бидоны.

Вот почему во всех цехах, которые мы прошли с Коробковым, пока еще мало что напоминало о гвардейских минометах. Поэтому я с особым волнением протиснулся в маленькую дверь, ожидая увидеть контуры знакомых конструкций.

- Пескоструйка! - произнес Алексей Михайлович, входя в небольшое помещение у самого входа.

В этой изолированной производственной комнате бушевал песчаный смерч. Рабочий в плотной брезентовой одежде и маске на лице сильнейшей струёй песка обрабатывал какие-то ржавые куски металла, и они прямо на глазах светлели, приобретали характерный металлический блеск. Песок был на полу, на стенах

и потолке, в воздухе. Ну и работенка!.. А рабочий, не прерываясь, все сбивал и сбивал окалину.

- Травилка!

И здесь тоже осуществлялась очистка металла от ржавчины. Только уже совсем по-другому. Воздух помещения был густо насыщен парами влаги, которые поднимались из больших цементных ванн. Мы вошли как раз в тот момент, когда работавшие здесь женщина и худощавый паренек, одетые в резиновые сапоги и фартуки, опускали в одну из ванн большой лист стали.

Чем-то и женщина и ее подручный - совсем еще юный паренек - напомнили мне мать и Юрку. Но если мать и днем и ночью шила у себя дома, то брат ведь тоже трудился на заводе и, наверное, цех мало чем отличался от этого. Как-то ему приходится...

Но вот, пройдя по коридору, Коробков толкнул еще одну дверь.

Пришли! Мы находились в основном производственном помещении цеха. Сразу у входа стоял большой и очень длинный станок, обрабатывавший вполне знакомую мне деталь - направляющую. Ее ли мне было не узнать!

- Продольно-строгальный! - почтительно назвал мне станок Коробков. - Еле разыскали такой крупный.

Сразу же за станком гулко стучали несколько выстроенных в ряд прессов. Рядом, со звоном кромсали металл гильотинные ножницы. А чуть дальше сразу из нескольких мест взметались громадные снопы искр. Они неслись с пола во все стороны и, казалось, пронизывали всех рядом находившихся людей и даже оборудование. С опаской двигался я вслед за Коробковым.

Миновав несколько участков, где с помощью лебедок и вручную собирались установки, мы вышли к участку комплектации. Готовые боевые машины "БМ-13"!.. Вот их-то я знал хорошо.

Как раз неподалеку от нас стояли три установки. Свежая краска на кабинах и фермах у них была почему-то ободрана.

Возле боевых машин группа людей о чем-то ожесточенно спорила. Среди них выделялись две женщины в синеньких халатиках. Как и у окружавших, у них были раскрасневшиеся сердитые лица. Одна из них, лет тридцати пяти, с красивым лицом что-то пыталась доказать возмущенно наседавшим на нее рабочим. Вторая, стоявшая чуть позади, была еще совсем юной - девочка лет восемнадцати, зеленоглазая, с причудливо изогнутыми бровями, с иссиня-черной косой, собранной на затылке в узел. В руках она держала скребок с налипшей на нем

краской. Один из пареньков, а их было большинство в группе, крутился вокруг девушки, пытаясь вырвать у нее скребок. Она сердито отмахивалась от него.

Рабочих возглавлял огромный человек. Потрясая над головой громадными руками, он громко кричал на женщин. Перемазанные краской ребятишки, стоявшие рядом с ним, тоже что-то выкрикивали и размахивали руками.

- Начальник цеха Юдин Алексей Иванович, - назвал Коробков. - Мальчишки намазали кое-как, а переделывать не хочется, да и времени совсем нет, вот он и кричит. А это наш техник Хавлова Александра Ивановна, а с ней старший контролер ОТК Таня Лозовая. Таня недавно у нас - из Донбасса эвакуированная.

Начальнику цеха показали на меня и Коробкова, и он медленно повернулся.

- Добро пожаловать! - глаза начальника приветливо засветились. - Слышали, слышали, что заслуженного человека, фронтовика к нам ставят. Добро пожаловать! - Он протянул мне свою огромную промасленную руку. - Перекур!..

Все направились в самый угол корпуса, где стояли маленькие скамеечки и большая железная бочка для окурков.

Я поспешно вытащил полученную еще в госпитале пачку "Беломора" и протянул ее начальнику.

- Беломор!.. - Алексей Иванович бережно выковырял своими пальцами папиросу, к пачке потянулись десятки рук.

- Приятно, очень приятно! - снова заговорил Юдин, - ну как там на фронте наша продукция?

- Хороша!

Наверное, все присутствующие ждали от меня похвалы качеству боевых машин. Разгоряченные недавним спором хмурые лица разом заулыбались. Засмеялась юная Таня.

- Что я говорил! - торжествующе загремел Юдин. - Давали, даем и будем давать только отличную боевую технику, которая никогда не подведет!

Чувствовалось, что эти, вообще-то совершенно справедливые слова он привык повторять часто.

- А то найдут какое-нибудь пятнышко и носятся с ним, как нечистый со своей торбой! - Юдин сверху оглядел всех. - Ну скажите, товарищ гвардии лейтенант?

Может быть, в этом случае я высказался и резковато, но мне уж очень захотелось проявить себя заправским военпредом.

- Если к нам и придет какое-либо вооружение с малейшими дефектами, то мы немедленно стараемся их устранить. У нас бывали случаи, когда из-за таких дефектов не сходили снаряды с направляющих. А относительно окраски, то, как только выходим

из боев, немедленно все подновляем и не допускаем малейшего скола краски.

Все это я проговорил твердым и серьезным тоном. Алексей Иванович, видимо, совсем не ожидал такого ответа. Лицо его стало багровым. Помедлив, он гневно швырнул папироску в бочку, вскочил и тяжелыми шагами двинулся к установкам. Вслед за ним заторопились и рабочие.

- Товарищ гвардии лейтенант, - донеслось через минуту от машин, - уж вы там, пожалуйста, не задерживайте людей!

Женщины засмеялись и заторопились к рабочим.

- Здорово он рассвирепел на меня, Алексей Михайлович?

- Да что вы! - Коробков тихонько хохотнул. - Сейчас отойдет, сам явится.

Дверь в кабинет полковника оказалась не заперта. На столе валялась фуражка Кашелотова. Очевидно, несмотря на раннее время он уже находился здесь. В кабинет торопливо вошли Кашелотов и Юдин. В руках у Юдина был узел от "БМ-13". Он положил его на стол, и я сразу заметил, что корпус у этого узла разбитый. От самой середины во все стороны расходились тоненькие трещины.

- Видите, товарищ лейтенант, - полковник Кашелотов грустно вздохнул, придется вам сразу окунуться в работу с головой. До сих пор нам эти узлы поставляли вполне нормальными, а вот в последней партии все время выходят из строя корпуса. В паспортах завода-поставщика мы ничего не нашли. Это специальный узел, и он принят военпредом. Придется вам выехать и на месте разобраться. Разобраться и, что сейчас самое главное, привезти от них не меньше полсотни таких вот, только исправных узлов.

- Да, да! - быстро пробасил Юдин. - Не меньше полсотни. - И он как-то виновато посмотрел на меня.

"Смогу ли я самостоятельно действовать там, на заводе? Разбираться с чертежами, учесть требования?"

Вскоре, получив консультацию в цехе у Юдина и Коробкова и просмотрев дефектные корпуса, я пошел разыскивать машину, на которой нужно было отправляться на завод-поставщик.

У выхода из цеха мне встретилась Таня Лозовая, и я снова отметил, что она очень красивая, только еще совсем девчонка.

- Таня, поедем со мной! - полушутя сказал я.

- Пусть посылают. Думаете, не справлюсь?

- Да я сам беру тебя! - Это получилось у меня очень важно, и Таня как-то странно на меня взглянула.

Старенький, весь обшарпанный "газик" явно не внушал доверия. Но шофер - он же экспедитор - Валентин Негодяев

твердо заверил:

- Завтра утром будем на заводе.

На следующий день усталые и голодные в шесть часов утра мы подъехали к базару, расположенному рядом с городским вокзалом.

- Хлеба купи, Валентин, и еще чего посытнее. Сала бы хорошо! напутствовал я экспедитора.

Я остался у машины. Ярко светило утреннее солнышко. Из базарной толчеи доносился аппетитный запах ржаных пирогов с картошкой и творогом. Неожиданно сбоку раздался голос:

- Комендантский патруль. Предъявите ваши документы.

Я невольно вздрогнул и обернулся. Передо мной стоял молоденький техник-лейтенант с двумя солдатами. На рукавах красные повязки. С патрулями мне еще не приходилось сталкиваться. Сейчас молоденький лейтенант, - он мне сразу чем-то напомнил Женю Богаченко, - протягивал руку, требуя документы.

- Да я же с машиной, - сказал я. - Вот она. Мы приехали в город по срочному делу. Я же на базар и не ходил. - До меня уже дошло, что требование документов связано с базаром.

- Товарищ лейтенант, еще раз повторяю: ваши документы? Порядок для всех один - военнослужащим на базаре появляться не положено. - При этом лицо этого маленького лейтенанта было бесстрастным и непреклонным.

Рука моя медленно потянулась за удостоверением. "Что же делать, лихорадочно думал я. - Ведь этот чижик ни за что не отстанет!"

- Следуйте за мной! - лейтенант положил мои документы к себе в карман.

- Да подождите хоть, когда мой шофер придет! - вырвалось у меня с отчаяния.

- Следуйте за мной! - еще более строго повторил блюститель гарнизонного порядка, а его два солдата подвинулись ко мне.

"Что же делать?! Ведь если отказаться идти, еще хуже будет. Пожалуй, солдаты начнут за руки хватать. Эх, дал бы я тебе сейчас леща!" - с остервенением подумал я в адрес ретивого лейтенанта.

К счастью, из ворот рынка выбежал Негодяев. Увидев меня в таком почетном окружении, он растерянно прижал к груди краюшку хлеба. Я беспомощно развел руками, показав кивком на лейтенанта. Жалкий же у меня, наверное, был вид. Тяжело опираясь на палку, я потащился впереди солдат. Так прошли мы через центр города. По дороге патруль задержал еще трех офицеров. Сзади нашей группы медленно двигался Негодяев.

- Поехали хоть на машине, - предложил я, но лейтенант только отрицательно мотнул головой. Ему, видно, очень нравилось, не слеша, в яркое летнее утро идти по городу. Прохожие обращали внимание. Встречные военнослужащие испуганно отдавали честь и рубили строевым шагом. Присоединяться к такой компании у них охоты не было. А я шел и проклинал тот день, когда меня угораздило выставиться над траншеей за Ловатью. И теперь, когда все мои товарищи воевали уже под Старой Руссой, я шел, как безмозглый баран, под конвоем патрулей... Заживет ли когда моя злополучная рана? И еще, конечно, думал, что у меня такое ответственное поручение, а я его так неудачно начал выполнять.

Наконец подошли к воротам дома, где помещалась гарнизонная комендатура.

После серьезного внушения комендант - плотный полковник - проговорил:

- Четыре часа строевой или, кто не может, сутки гауптвахты. Вы будете старшим. - Полковник ткнул пальцем в пожилого капитана. - Без перерывов четыре часа.

Ходили старательно, безостановочно. Я и еще один хромой на левом фланге. Сделали было попытку свернуть за угол - сразу же раздался окрик. За нами следили.

- А я ведь знал, что здесь такие порядки, - сказал один из офицеров, - и все-таки вот попался!

- А меня уже второй раз, - поддержал пожилой интендант. - И оба раза за неряшливый вид. А откуда этот вид возьмется, если все время на попутных машинах?

Офицер действительно выглядел помятым, видимо, добирался до города на машине с сеном. И мне, несмотря на тягость положения, вдруг стало смешно: вот уж в компанию попал!

Неожиданно полковник выехал на машине за ворота. Походив немного, мы завернули за угол и закурили - никто не беспокоил.

- Пойду в разведку! - объявил я своим товарищам по несчастью.

- Счастье ваше! - сказал мне дежурный помощник коменданта. - Полковник уехал на весь день. Так что позанимайтесь еще часок и приходите за документами. - Он взглянул еще раз на меня и мою палку.

- Вы можете идти сейчас. Больше не попадайтесь. - Старший лейтенант вытащил из стола и вернул мне удостоверение личности.

"Черта с два меня занесет еще сюда!" - думал я, торопливо

отмеряя шаги к воротам.

- Через полчаса идите за документами! - крикнул я остальным офицерам.

За воротами меня ждал Негодяев, а метрах в ста стоял и газик.

- Поехали! - я поспешно плюхнулся на сиденье. - Ну и история! Столько времени потеряли.

"Газик" торопливо помчался от опасного места. Наконец добрались мы до завода. Я быстро разыскал военпреда.

- Не может быть! - молодой инженер-капитан был явно потрясен моим сообщением о непригодных уздах.

Он куда-то вышел и через минуту вернулся с пачкой бумаг. Порывшись в них, он извлек один яркий лист, на котором были надписи на английском и русском языках, и углубился в его изучение.

- Вот! - наконец сказал он, подавая мне сертификат о качестве металла. Возможно, здесь и загвоздка! На эту партию мы использовали импортный металл.

- Но ведь качество металла должно соответствовать принятым общим требованиям?

- Должно, - со вздохом согласился инженер-капитан.

- Можете ли вы дать нам сегодня пятьдесят новых узлов?

Капитан покачал головой:

- Пройдемте к директору.

Директор завода не стал долго разбираться:

- Сами заварили - сами и расхлебаем. Не подводили мы еще фронтовиков! Подсчитать весь задел. Чего не хватает - немедленно запустить в производство! Завтра поедешь, - сказал он, обращаясь ко мне.

Мы с капитаном отправились проверять исполнение приказа директора. Немного повеселевший инженер-капитан стал теперь мне доказывать, что всякое, мол, бывает. Для убедительности, он начал со времен Петра Первого.

- Великий государь вдруг обнаружил, что у солдатских мундиров на складах внезапно куда-то пропали все оловянные пуговицы. "Повесить всех виновников интендантов!" - распорядился царь. А потом уже, когда интендантов повесили, ученые разобрались, что пуговицы съела особая разновидность коррозии. Я слушал с интересом:

- Неужели и с узлами так?

- Все может быть. Тем более что металл импортный, поступил издалека! неопределенно ответил инженер-капитан.

- Наверное, вам не нужно было соглашаться на этот заказ, - осторожно сказал я.

- Да кто же об этом спрашивал! - горячо воскликнул инженер-капитан. Время военное. Обязали, да и все! А вообще ведь это штамповочный завод. Вот их главная продукция! - Он показал мне на груду металлолома, в которой валялись помятые котелки, какие-то рамки и различные хвостовики от мин, в том числе от нашего снаряда.

На следующий день в десять часов вечера инженер-капитан подписал последний экземпляр паспорта. Вместе погрузили узлы. Негодяев со стартера завел мотор. Можно было все-таки считать, что это первое задание завода я выполнил успешно.

- Ну, встреться ты мне где-нибудь, - все же вспомнил я техника-лейтенанта, когда мы проезжали мимо городского базара.

Поставив, как выразился Валентин Негодяев, мировой рекорд езды на газике в ночных условиях, на следующее утро мы вернулись на завод.

Торопливо распахнув дверь в кабинет Кашелотова, я остановился на пороге, а через мгновение затворил ее, отступив назад: кабинет был полон людей, за столом сидел человек в синем гражданском костюме, а возле него два генерала.

Я разобрал только одну фразу, которую жестко и требовательно произнес человек в синем костюме:

- Будут к сроку два полка гвардейских минометов или нет?!

Меня все же заметили. В коридор выскочил Кашелотов, за ним Юдин. Кашелотов взволнованно схватил меня за руку:

- Привез?!

- Да!.. Пятьдесят узлов.

Кашелотов торопливо вернулся назад в кабинет, а Юдин, громко топая, побежал по коридору. В цех, конечно.

Через несколько минут кабинет освободился. Кашелотов, засунув руки в карманы брюк, задумчиво прохаживался из угла в угол.

- Вы очень хорошо обернулись, - сказал он, когда я сел за свой стол. Понимаешь, очень нужно сейчас вооружение под Курск. Там, как видно, назревает что-то серьезное. - Он снова заходил по кабинету.

- Товарищ полковник, - я не сдержал любопытства, - а кто это сидел за вашим столом?

- Это? Секретарь обкома...

Походив еще немного по кабинету, Кашелотов сказал, указывая на стол:

- Ну, а теперь беритесь за свои непосредственные обязанности. Вызовите Коробкова и Хавлову и заберите от них все дела. А они пусть постоянно находятся в цехе. Я тоже пошел туда.

Я остался один в кабинете. "Очень нужно сейчас вооружение под Курск", сказал полковник.

В кабинете висела карта, и я подошел к ней. Тоже выступ, как и Демьянский, только обращен в сторону немцев и гораздо больше. У немцев и Белгород и Орел. Уж не пытаются ли они окружить наши войска, как мы их под Демьянском? - пришло мне в голову. В цехах шла напряженная горячая работа, а мне приходилось сидеть в кабинете. И насколько нужно это мое сидение, я тоже еще не знал. Я стоял и думал, как бы выбраться туда в цех, и хоть чем-нибудь помочь людям. Я решил все-таки позвонить Коробкову и хотя бы узнать, как там у них дела.

Но телефон зазвонил сам. Кашелотов сказал мне, чтобы я шел в цех.

Еще только пройдя общую проходную завода, я увидел, что вместе со мной к цеху направляется много людей. В рабочих халатах, костюмах, ватниках и обычной одежде они спешили к цеховой двери со всех сторон.

Вахтер, так строго проверявший в первый день мой пропуск, теперь, только улыбаясь, козырнул. Первым, кого я увидел в цехе, был Кашелотов. Он стоял недалеко от входа, возле четырех полностью изготовленных машин "БМ-13", держа в руках пачку документов. Вокруг установок возилось несколько человек, Таня Лозовая вкладывала ключи в ящики для запасных инструментов.

Кашелотов, взглянув на меня, махнул рукой в сторону цеха: подключайся, мол. В цехе отчетливо выделялись два потока. Один - основной, занимался сборкой новых боевых установок, в другом демонтировали с уже собранных машин фермы и направляющие и заменяли старые неисправные узлы на новые, привезенные нами с волжского завода. Это был наиболее оживленный участок, почти все операции делали вручную.

- Новый военпред? - человек в спецовке, сдернув рукавицу, торопливо сунул мне руку. - Помоги-ка мне эту штуку перетащить...

Два дня я безвылазно проработал в цехе, а на третий...

- От отчетности никуда не денешься, - Кашелотов, наблюдавший, как я увлеченно работал, все-таки отправил меня обратно в кабинет.

Много дней и вечеров пришлось мне провести за разбором и заполнением всяких форм. Кашелотов же как бы и не замечал моих затруднений. Окунув меня в бумажный ворох, он появлялся в кабинете только для самых неотложных дел: просмотра почты, подписания документов, на совещания.

На Курской дуге уже шли бои: там требовались гвардейские минометы и завод давал их непрерывно. Крутились приводные

ремни станков, стучали молоты и прессы. Ревели паровозы. Из заводских ворот днем и ночью выходили боевые машины.

Когда в кабинете никого не бывало, я быстро сбрасывал сапог и, смотав бинт, подолгу смотрел на рану. Если косточек и крови не было видно, то веселел. Однажды за этим занятием застал меня Кашелотов. Он осторожно издалека глянул на ногу:

- Болит?..

- Да, нет! Не болит, но и не заживает. - Меня как-то неожиданно вдруг прорвало: - Отпустите меня на фронт, товарищ полковник, если нога заживет?

- На фронт? - Кашелотов удивленно посмотрел на меня и засмеялся. - Ну, уж об этом ты и не думай. На фронт тебе врачи дорогу заказали. Я это знаю совершенно точно.

По-видимому, Антон Иванович был совершенно убежден, что сидеть мне вот так в его кабинете очень долго, по крайней мере до конца войны.

- Тебе когда звание получать?

- Наверное, в конце года.

- Вот и получай. А воевать? Ты свое отвоевал и с честью! Слышал, что нам план уже увеличивают?

Я слышал эту очень серьезную новость. Захотелось поскорее в цех, поделиться ею с Коробковым и Хавловой. Натянул сапог и подал полковнику папку с бумагами.

- Разрешите, я на завод схожу.

- Давай, давай! Приходи к вечеру, купаться съездим. - Как видно, Антон Иванович почувствовал всю жестокость своих слов и хотел их как-то сгладить.

На участке комплектации, как всегда, суетилась Таня. Я направился к ней. Хотя Таня окончила техникум и немножко больше, чем я, работала на заводе, для меня она все равно была девчонкой, и я относился к ней полушутя.

- Танечка, привет!

- Здравствуйте! - мне показалось, она не очень охотно подала свою ладошку.

Вчера я видел ее в кино с двумя парнями, кажется, оба с нашего завода.

- Ну, как жизнь молодая, как вчерашнее кино?

- А вы тоже были? Что-то я вас не заметила.

- Где уж там, ты ведь была так занята этими, из конструкторского, что ли.

- Ну это как раз случайно.

- Так оно и бывает... Раз случайность, два случайность, - больше я не знал о чем говорить и, приняв озабоченный вид.спросил:

- Коробкова не видела?

- Где-то здесь. - Таня повернулась уходить. Кажется, она не очень-то благоговела перед лейтенантскими погонами.

- А Александра Ивановна?

- И Александра Ивановна здесь! - Таня была уже далеко.

"Что это она так? Пошла и даже не обернулась? А если, - вдруг кольнула догадка, - она меня за бездельника считает? Что толку терять понапрасну время с человеком, разгуливающим с никчемной бумажкой в руках?" Взгляд упал на стоявшую неподалеку, полностью изготовленную и принятую боевую машину. Я подошел к ней и сел на подножку. Такую же в точности подножку, как и те, на которых так часто приходилось сиживать с боевыми товарищами.

Вот тебе и на! А я-то думал, что нужен на заводе, пользу приношу... Как бы не так! Девчонка-контролер и то спиной повернулась. Я вскочил и торопливо начал осматривать механизмы установки. Выгнал до предела вверх направляющие. Пощелкал рукоятками замков. Прокрутил в обе стороны поворотный механизм. Все нормально. Как-нибудь и без меня проверили! Нет! Все это не то! Может быть, пойти и высказать все Кашелотову? Пусть направляет в цех, хотя бы к Коробкову помощником...

С Алексеем Михайловичем я чувствовал себя наиболее просто. Вот и сейчас, увидев меня, он торопливо отложил в сторону одно из контрольных приспособлений и направился в мою сторону.

Мы пошли к бочке покурить.

- Ты что такой... - старик пытливо взглянул на меня и помедлил, подыскивая нужное слово, - сумрачный? Уж не на фронтах ли чего?

- На фронтах, Алексей Михайлович, все в порядке и будет теперь всегда в порядке... Понимаешь, я о себе вот думаю. Кажется мне, что я не тем, чем надо, занимаюсь.

- Это как же не тем, чем надо? - удивился Коробков.

- Женщине на моем месте надо работать, а не строевому офицеру.

- А-а-а! Кто про что, а ты... - Коробков тихонько засмеялся. - На своем ты месте и лучше искать нечего, раз врачи на фронт не пускают. И при оружии, с которым воевал, состоишь, и народу нашему пришелся...

Мне стало полегче, но все-таки сказал:

- На фронте я все равно буду. Алексей Михайлович, а вот сейчас что обо мне люди скажут? Наверняка многие считают: такой молодой и здоровый - и в тылу!

- Глупые люди! - Коробков старался меня успокоить. - А то, может быть, и сами с изъяном. Есть у нас и такие.

"Нет, все-таки про эту заносчивую девчонку надо спросить", - подумал я и сказал:

- Что у вас Татьяна эта, из ОТК больно важно держится?

- Таня? А что она? - встревожился Коробков.

- Да вот спросил ее: не видела ли кого из вас, даже не ответила толком.

- А-а... Все они молодые такие! - старик сокрушенно махнул рукой. - Воли много взяли. Вот я скажу ей при случае.

- Нет, - сказал я, - пожалуйста, ничего не говори, - и, смутившись под его пристальным взглядом, добавил: - Давно хотел спросить вас - у боевых машин направляющие ведь строго параллельны?

Коробков изумленно посмотрел на меня:

- Таня их строго проверяет, а потом я своим специальным шаблоном. Все в полном соответствии с чертежами...

- Так... Это я по фронтовым соображениям интересуюсь. На вот, ведомость контрольных размеров, а я обратно в контору... Уж эти мне бумажки!

К концу 1943 года и без того напряженный план был увеличен. Рядом с основным корпусом возводилось новое здание, оно еще не было готово. Тогда решили осваивать корпус, не дожидаясь завершения строительных работ.

Вернувшись с совещания, Кашелотов распорядился:

- Дополнительно людей нам сейчас не получить. На первых порах поставим на новое место Коробкова с его мерками и шаблонами, и вам бы надо почаще там бывать.

Я отправился на завод.

Коробкова я отыскал в одном из углов цеха. Сидя на ящике, он проверял только что привезенные от поставщика запорные замки и по одному выдавал рабочим. То. ждали их третий день и нетерпеливо подгоняли старика.

- Да что ты его щупаешь, Михалыч! Он вроде железный!..

- Хорош замок, хоть мильены твои запирать!.. Алексей Михайлович был невозмутим:

- Ставили уже раз, вот так-то, не проверив, а потом назад выбивали...

Наконец он закончил отбраковку. Кликнув Хавлову, мы прошли в маленькую комнатку военпредов, почти до отказа заполненную чертежами и мерительным инструментом.

- Что делать будем? Часть работ переносится в новый корпус, а людей дополнительно не дадут. - Я тревожно смотрел на опытных работников военной приемки. Расспросив меня подробно, они устало улыбнулись. Помолчав, первой высказалась Хавлова.

- Тяжело было в 41-м, - начала она, - ведь совсем из цеха не выходили. Теперь уже так трудно не будет. Я думаю, справимся...

- Главное, чтобы качество не ухудшилось! - добавил Коробков, сразу закивавший на слова Хавловой.

- Вот когда вы в первый раз к нам на завод пришли, то видели, как мы заставили рабочих перекрасить плохо окрашенные боевые установки, а ведь в сорок первом мы вообще несколько батарей неокрашенными на фронт отправили. Дали в придачу краски: там, на войне, покрасите!

- В сорок первом, - продолжал за Хавловой Коробков, - мы и не знали, что такое отдых,

Пять основательно помятых и продырявленных машин БМ-13 подъехали к заводским воротам и затормозили. Просигналив несколько раз и убедившись, что гудки нисколько не действуют на вахтера, степенно расхаживавшего у ворот, из кабины первой машины выпрыгнул невысокого роста лейтенант и подбежал к старику.

Вытащив кусок газеты и жестяную банку с махоркой, лейтенант угостил вахтера, закурил сам и приступил к расспросам. Затем, крикнув шоферам, чтобы они съехали с дороги, он торопливо направился к заводоуправлению.

Работавший за своим столом Кашелотов заметил, как дверь в кабинет приоткрылась, кто-то осторожно заглянул и снова притворил дверь. Потом снова заглянул. Это уже мешало.

- Да кто там?

Нерешительно вошел лейтенант, только что прибывший с боевыми машинами.

- Я искал, товарищ полковник... - начал он и запнулся. - Я прибыл с пятью боевыми машинами на ремонт...

- Ну!.. - сказал сурово Кашелотов. Ему не понравилось, что лейтенант чего-то не договаривает. Завод перегружен. Пусть устраиваются, как все, и ждут своей очереди.

- Нам очень они необходимы. Ожидаются тяжелые бои, а батареи в полку не имеют полной огневой мощи, - волнуясь, сказал лейтенант.

И это все Кашелотов уже сотни раз слышал.

- С какого фронта? - Антон Иванович привычно повернулся назад к карте.

- С Северо-Западного... - негромко проговорил лейтенант.

- Э-э... У вас там и делать нечего. Все без перемен. Вот на юго-западе и юге - там наступают! - голос полковника зазвучал бодро. - Значит, вот туда-то и надо в первую очередь.

Он взглянул на лейтенанта, улыбнулся и опустил голову, явно показывая этим, что разговор окончен.

Приезжий, отдав честь, направился к двери.

- Товарищ полковник, у вас лейтенант служит. Не скажете, где его найти?

- Где-то здесь. Кажется, в цехе.

Но я уже обнимал гостя - Женю Богаченко.

- Как я рад! Пойдем... - я потянул его к двери.

- Зачем? Куда? - вдруг проговорил Антон Иванович. - Какие там у вас могут быть секреты? Садитесь вот на диван и беседуйте. Мне тоже интересно послушать о фронтовых делах.

Радостно улыбаясь, мы сели.

- Ой! Да ты с палкой! - Богаченко жалостливо смотрел на меня. - Хромаешь?

Как раз в эти дни рана моя совсем затянулась, на душе было легко.

- Скоро брошу! Я сейчас хожу с палкой, потому что ногу оберегаю. Через недельку переломлю палку и закину.

- И к нам обратно?

Я глазами показал на Кашелотова, давая понять, что при нем на эту тему говорить не стоит.

- Ну, давай, выкладывай новости... Оказалось, что в полку теперь командир новый - гвардии подполковник Кузьменко.

- Неплохой мужик!

- Ну и Виниченко был отличный! - горячо вставил я.

- И этот неплохой. Васильев и Баранов теперь командуют дивизионами.

- И правильно!

- Бурундуков о тебе часто вспоминает.

Мы оба залились смехом, усмехнулся и Кашелотов, который о многом уже был наслышан.

А Женя между тем рассказывал.

Сразу же после ликвидации Демьянского плацдарма полк переместился под Старую Руссу и до сих пор действует там. Только что закончились очень тяжелые и безрезультатные бои, оккупантов из Старой Руссы выбить не удалось. Укрыты несколькими накатами бревен и земли, да и бронеколпаков у них немало, огневые точки выдерживают даже тяжелые снаряды. Снова в воздухе много "юнкерсов". Эти пять установок, которые привез Богаченко, пострадали в последних боях от фашистских бомб.

- Как же их побыстрее восстановить? - задал Женя вопрос, который я уже ждал.

Наступило молчание. Желание во что бы то ни стало помочь полку заполнило меня всего. Поскорее вернуть батарейцам, которые сидят сейчас сложа руки, их боевые машины; Женя, конечно, расскажет всем, что я здесь не просто сижу балластом. И если не могу быть сейчас с ними, то хоть такое нужное дело сделаю. Но понимает ли Богаченко, как это трудно? Ведь завод еле тянет спущенный громадный план. Да еще кругом кричат:

"Все для наступающих фронтов!" Вот если бы Кашелотов захотел!

- Не знаю, - первым заговорил я и взглянул на Антона Ивановича. - Как, товарищ полковник?

Рассказ Богаченко явно поколебал Кашелотова. Он очень живо слушал и теперь задумался.

- Если бы вы хоть успешно наступали, - протянул он, - тогда было б основание отремонтировать их вне очереди, а так... Впрочем, сходите в цех, поговорите с Юдиным, что он скажет. Может быть, по одной машине как-нибудь пропускать?

Мы вскочили и направились к дверям.

- Если ни о чем не договоритесь, то позвоните, - крикнул нам вслед полковник.

Весть о том, что прибыли на ремонт машины из полка, в котором я воевал, уже облетела цех. В кабинет Юдина набилось немало народу. Кое-кто из рабочих, мастера, служащие нашей военной приемки. Все оживленно расспрашивали Богаченко, какие узлы наиболее пострадали, рассуждали о том, что можно отремонтировать, а что необходимо менять. Один Юдин молчал. Сидя за своим столом, наклонив голову, о чем-то думал.

А у меня кровь прилила к лицу: так волновался. Как уговорить Юдина побыстрее начать ремонт? Его право просто отрезать: не могу и так цех перегружен. И все! Мне пришла мысль сыграть на его самолюбии, как начальника цеха. Если наши установки делали здесь, на заводе, то он может и клюнуть. За честь своей марки он горой стоит. Я спросил об этом Богаченко.

- Кажется, здесь получали, - неуверенно ответил Женя, - или в Москве. Васильев тогда за ними ездил.

- Надо узнать. Если нашего завода, то с ним тогда будет легче разговаривать, - я показал взглядом на Юдина.

- Наши, наши, - неожиданно подсказала сидевшая сзади нас Таня. - Я смотрела. Это было уже легче.

- Машины нашего цеха, Алексей Иванович, - закинул я удочку.

- Нашего? Да? Сам понимаешь, какая у нас перегрузка, - медленно и как бы нехотя ответил Юдин. - Да и многих деталей и узлов, наверное, не наберем. Понадобятся и такие, что только-только на план имеем.

Теперь все замолчали и внимательно слушали.

- Это мы быстро разберемся и составим дефектную ведомость, - заговорила Хавлова. - Главное, сейчас решить - беремся их сразу ремонтировать или нет?

- То-то и оно, что решить... - Юдин все тянул. Вот взглянул на Богаченко. - Да вам ведь и не к спеху. На Северо-Западном без перемен.

И он, как Кашелотов! Я хотел было вскочить и рассказать, какой это трудный фронт, но меня опередил Богаченко.

- Эти машины пострадали в очень тяжелых боях! - взволнованно сказал Женя. - А в ближайшие дни активные боевые действия снова возобновятся.

- Надо бы сходить самим и посмотреть машины, - опять уклончиво проговорил Юдин.

- Я уже все осмотрела и записала, - неожиданно вставила Таня. - У двух машин - заменить направляющие, сменить подъемный механизм у одной... - она перечислила основные дефекты.

А я слушал ее, преисполненный чувством благодарности.

Присутствующие оживились, а Юдин все больше хмурился.

- Ну вот видите, - сказал он сразу после Тани. - Где уж тут быстро сделать.

- А сделать надо! - выкрикнул от дверей кто-то из рабочих.

И сразу все горячо заговорили, что нужно отремонтировать и обязательно побыстрее. И что, смотришь, и там под Старой Руссой, где, как рассказывает лейтенант, очень тяжело, тоже в ближайшее время погонят врага.

- Параллельно с плановыми делать! - весомо выбросил Коробков.

И тут я вдруг подумал, что все так единодушны в своем желании помочь полку еще и потому, что понимают, как я сейчас волнуюсь. Чувство громадной признательности охватило меня целиком. Видимо, это выражалось на моем лице, потому что люди, глядя на меня, улыбались.

Посветлел, наконец, и Юдин.

- А сколько у вас здесь людей? - обратился он к Богаченко.

- Семь. Пять водителей, артмастер и я! - быстро ответил Женя.

- У нас такой порядок, что все, кто привозит на ремонт технику, тоже работают!

- Конечно! - Богаченко вскочил. - Мы готовы! Я сейчас же...

Поднялись и остальные. Юдин еще пытался что-то сказать и только рукой махнул. Эти усталые люди решили: "Сделаем!"

- Пойдем, товарищ лейтенант! - бригадир сварщиков Котов, очень худой, с искривленным подергивающимся лицом потянул Богаченко за рукав.

- Куда? - счастливо улыбаясь, Женя шел за ним.

- Поглядим на месте, что латать будем. Выбрался из-за стола и Юдин. Он подошел ко мне и хлопнул по плечу.

- Видишь, а ты переживал!

...Через десять дней из цеха к заводским воротам выехало

пять боевых установок полка. Свежевыкрашенные, они ничем не отличались от новых. Рабочие цеха постарались на славу.

- Спасибо! - твердил Богаченко, пожимая руки рабочим.

- Чего уж там! - сказал за всех Юдин. - Мы сами рады были это сделать. Только фашистов крепче бейте.

- Приезжай скорее! Ждем! - крикнул мне на прощание Богаченко, высунувшись из кабины. Я помахал ему, не в силах вымолвить слова. Уже поднимаясь на второй этаж, я заметил, что опять захромал.

Впервые за военные годы цехком решил устроить в ближайшее воскресенье поход за грибами. Тем более что лес был рядом, обступая завод со всех сторон. Коробков уговорил и меня.

Утром собирались на опушке. Первым, кого я увидел, был Юдин, сидевший на своей "таре" - перевернутом оцинкованном барабане!

- Не вздумайте с ним идти! - зашептал мне Коробков. - Он ходит медленно и по краю, а мы в глубину пойдем.

Подошли и Хавлова с Таней. За ними шли какие-то ребята.

"Без кавалеров никак не может!" - я почувствовал, что досадую, и рассердился на самого себя. Чего я ждал - что она меня пригласит? И тут же разглядел под нотами белый гриб. "Хоть в этом удача". И рванул его вместе с грибницей.

- Подрезать надо, - сказала Таня издалека. Вот ведь какая глазастая. Но от этого замечания я почему-то повеселел.

Мы все дальше углублялись в лес. Из-за вершин уже проглядывало солнце, и березы ярко сверкали белизной. Зайдя в мокрую лощинку, я сразу напал на грибную прорву. Кликнул Алексея Михайловича, и тот сразу оценил находку. Присев на корточки, принялся подряд резать подберезовики и моховики. Здоровенные корзины быстро наполнялись.

- А вас, друзья, далеко слышно! - из кустов вылезли Александра Ивановна Хавлова и Таня. - Ого! Сколько набрали! Мы с вами будем ходить, - твердо решила Хавлова. - И не воображай, пожалуйста, Михалыч.

Так и пошли. Хавлова с Таней поблизости от меня, чуть впереди Коробков. Я обрадовался, что Таня одна, без "эскорта". Время подошло к полудню, когда собрались перекусить. Выбрали место на поляне с маленьким ручейком. Алексей Михайлович с Хавловой уселись готовить, Таня собирала валежник, а меня обязали развести костер.

- Вы наловчились там на фронте, - сказала Александра Ивановна, и я неопределенно качнул головой:

боялся, вдруг не получится, при Тане мне не хотелось попасть впросак. К счастью, Танин валежник был сухой, и огонь сразу

запылал. Вскоре был готов и грибной суп.

Все уселись вокруг кастрюльки, а Коробков вдруг извлек из кармана фляжку.

После укоризненных восклицаний, все дружно выпили. Таня, за которой я следил, - интересно было, как она выпьет, - тоже храбро проглотила свою маленькую порцию и, конечно, сморщилась, замахав руками.

"Так я и знал! Это уж у них в крови. А касторку какую-нибудь выпьет и глазом не моргнет!"

После обеда Коробков и Александра Ивановна принялись обсуждать цеховые дела, а мы с Таней повернули к ручью, густо заросшему высоким кустарником и травой, Под ногами шуршали упругие веточки черники, потом мы вдруг попали в густой непроходимый малинник, смешанный с могучими стеблями крапивы. Я выбрал место, где крапива была пореже, перескочил через ручей и протянул руку Тане. Она легко перепрыгнула, руки не отняла, и дальше мы уже шли рядом, точно по парку гуляли.

Сердце гулко стучало, я старался себя успокоить, и не мог. Как она ко мне относится? Почему всегда немногословна? Почему не принимает моих шуток? Продолговатые, восточного разреза глаза ее были опущены, чуть вздрагивали длинные ресницы... А почему бы нам не подружиться по-настоящему? Помнится, Федотов рассказывал, что девушку нужно целовать с первого свидания, а то больше и не пойдет... Меня даже бросило в жар, руки вспотели. Я осторожно взглянул на Таню, и она отвернула голову, щеки залила краска. Не знаю, как я решился, но только взял Таню за другую руку и притянул к себе...

Таня в своем стареньком ситцевом платьице и такой же косынке, в потертой коричневой лыжной курточке стала для меня самой дорогой. Но слова вдруг пропали, и я рад был, что она заговорила, выручая меня.

- А ты знаешь, я в первый раз в жизни в лесу. - Таня слабо улыбнулась. - У нас в Донбассе не только что берез, вообще никакого леса.

Я горячо подтвердил. Можно было бы, конечно, рассказать Тане о лесах и рощах, сосновых, дубовых и даже ореховых, которые успел повидать. И как мы их жгли залпами, уничтожая захватчиков. Но отчего-то промолчал. Легко мне было, хорошо, в душе все пело, словно в такт птичьим голосам, раздававшимся вокруг.

- А-у-у, - позвала издалека Хавлова.

- Александра Ивановна сразу обо всем догадается. да и Коробков. Он хитрый... - Лицо у Тани по-прежнему было пунцовым.

- Ну и пусть! А ты что, боишься?

- Боюсь...

Хавлова и Коробков ничего не заметили, а может быть, только сделали вид.

Полная моя корзина, казалось, не имеет веса. Я сделал шаг к Таниной, но она поспешно ее подхватила. И мы зашагали назад, к опушке. Таня шла впереди, легкая, стройная. А я с замиранием думал, что вот теперь и у меня есть любимая девушка, родная душа. Уеду на фронт, будет меня ждать, писать письма. Я старался касаться тех берез, мимо которых проходила Таня. Потом незаметно потянул ее за руку, и она послушно отстала.

- Что сегодня вечером делать будешь?

- Спать, - улыбнулась Таня. - Во-первых, мы сильно устали, а во-вторых, надо мысли привести в порядок. У меня прямо голова кругом.

- Может, в кино сходим?

- Какое еще кино?!

- А просто так - по улице.

- Никуда! - отрезала Таня. Она взглянула на меня и вдруг сказала жалобно. - Слушай, давай вести себя так, как будто ничего не было.

- Как ничего?! - Я был так поражен, что не знал. что ей и ответить. - Ведь ходила же ты в кино и с другими ребятами!

- Это совсем другое...

На опушке расстались. Я отправился к себе, в один из частных домов на окраине города, где снимал комнату.

В долгие зимние вечера под Демьянском ребята много говорили о своих будущих суженых. Мечтали о писаных красавицах, которые их встретят, когда они с победой вернутся домой. Я представлял свою невесту непременно высокой, обязательно спортсменкой. Если и не волейболистка, так пловчиха. И конечно блондинка. На худой конец, крашенная перекисью - это было модно.

А все получилось иначе. Ростом Таня невелика. И черная. Спортом никогда не занималась, только в школе чуть-чуть.

Но все равно. Трофейное круглое металлическое зеркальце, валявшееся у меня где попало, прочно перекочевало в карман гимнастерки.

На следующее утро я сидел в кабинете. Все мысли были, конечно, с Таней. "Звякнуть в цех или нет?" - вертелось у меня в голове.

Пришел Кашелотов. Он был в хорошем настроении, и я попробовал расспросить его о первых боевых машинах.

- Товарищ полковник, а разве сначала установки имели

панораму?

- Да, только ее сразу заменили на теперешний прицел.

- А почему? Ведь у нас в училище из-за этого целый сыр-бор разгорелся. Все старые артиллеристы были поражены - артиллерия и вдруг без стволов! Да и прицел этот даже нам, курсантам, казался пустячным.

- А-а!.. Да, это был курьезный случай! Не только там ваши в училище протестовали, да потом все-таки разобрались.

Кашелотов замолчал, но, встретив мой просительный взгляд, усмехнулся.

- Ну, для чего боевой машине панорама, если ее единственное назначение стрельба с закрытых позиций. Конечно, не нужна! Да и сложна она в изготовлении, а время военное... Также и со стволами...

"С панорамой, мне, пожалуй, все ясно. Ну, ну!.. Что же со стволами?" мысленно подгонял я Антона Ивановича.

- Реактивный снаряд - это особый снаряд! Большое достижение нашей науки. А теория разработана самим Циолковским. Ну зачем такому снаряду ствол? Он сходит с направляющей так же точно, как и обычный снаряд вылетает из пушки. А необходимую скорость он набирает сам. Реактивная часть - это же двигатель, который несет снаряд, куда надо...

Особый снаряд!.. Двигатель!.. Я ведь не так понимал. Да и не только я, а и все мы в училище и в полку. Считали, что реактивный снаряд, воспламеняясь, слетает с направляющей за счет мгновенного толчка, а, оказывается, он еще долго разгоняется в полете. Здесь же громадная разница! Артиллерийский снаряд - это, по сути дела, болванка, которую силой пороховых газов надо бросить посильнее, чтобы пролетела подальше. Для этого и нужен длинный мощный ствол. А реактивному снаряду мощный ствол не нужен, потому что он сам набирает скорость.

Мне хотелось еще задать целый ряд вопросов Кашелотову, но весь вид полковника говорил, что ему надоело разъяснять мне эти истины.

- Расскажи-ка лучше, как у вас в училище осуществлялся переход со ствольных систем? Наверное, ваши старые ортодоксы с трудом поддавались? вдруг спросил полковник.

Вспомнив нашего училищного артиллериста, я заулыбался и принялся рассказывать о нем Кашелотову. Он тоже весело смеялся.

- А знаешь, - Антон Иванович сокрушенно покачал головой. - Я ведь, когда сюда с пушечного завода пришел, тоже растерялся: как принимать?! У орудий все подогнано, прошлифовано,

микроны считаешь, а тут все классы точности гораздо ниже, а некоторые размеры Коробков чуть ли не школьной линейкой проверяет... Да... Можно сказать, что гвардейские минометы своими первыми же залпами смели много прочнейших убеждений и традиций! - он задумался.

Я торопливо шагал к цеху. "А вдруг она снова повторит то, что сказала в лесу: "Вести себя так, как будто ничего и не было", - думал я, все прибавляя шагу.

"Здесь!" - мои глаза сразу отыскали на участке Таню. Она что-то рассматривала в ящике с комплектующими деталями. Наверное, она заметила, как я вошел, но усердно продолжала рыться в деталях. "Так и есть - не хочет замечать!" - испуганно подумал я и замедлил шаги. Мы смущенно поздоровались.

- Вот проверяю, - сказала Таня.

Я тоже деловито склонился над ящиком:

- Мы сегодня идем в ДК на "Леди Гамильтон".

- Кто это "мы"?

- Ты и я. Кто же еще? Вот, - я вытащил из кармана гимнастерки два маленьких синеньких билетика.

- Ой! Да там же заводских полно будет.

- Ну и что же?

- Нет! Так демонстративно я не хочу. И так все лицо горит! - Таня быстро опустила руки с билетами в ящик, оторвала там один, а второй сунула мне обратно: - Давай прямо в зале встретимся, а сейчас проходи куда-нибудь. Скажут: чего встали оба над ящиком? Брак, что ли, какой нашли. Ну, иди!

Я засмеялся и отошел.

В клубе, заняв место, я подумал: как там Таня? Наверное, подойдет после третьего звонка и сделает удивленное лицо: "Ах, какая встреча!"

Но Таня просто подошла и села рядом, а когда погас свет и я взял ее за руку, она слегка пожала мне пальцы.

Фильм был английский, о любви знаменитого флотоводца. Один раз я даже смахнул слезу. Таня тоже.

После сеанса мы не спеша пошли по улице, потом сели на скамейке у чужих ворот.

- Слушай, - тихо сказала Таня. - Как ты думаешь, у нас это случайно произошло? Вот встретились в лесу, и все сразу началось? - Видно, это ее тревожило.

- Нет, конечно! - Я был убежден, что Таня мне нравилась давно, только я об этом серьезно не думал, может быть, боялся, что не нравлюсь ей.

- Думаешь, я не знаю, как ты требовал, чтобы меня мастером назначили? А потом, когда в цех приходил, все время вокруг меня

крутился. И пыжился.

- Ничего я не крутился! - Слово "пыжился" мне вообще не понравилось.

- Вот, - торжествуя, сказала Таня. - Все это получилось у нас закономерно. Так и должно было быть! Я не спорил, только молча привлек к себе Таню. Так мы сидели, не замечая времени. Где-то шла война, рядом напряженно трудились люди, а мы ни о чем этом и не думали.

- Я маму только целовала, - доказывала мне Таня. Так, наверное, говорят все девушки.

- Ты что улыбаешься?

- Ничего. Все хорошо, Таня. Расстались мы только утром.

В начале декабря Кашелотов срочно вызвал меня из цеха.

- Вот какое дело, - как всегда с места в карьер начал он. - Оказывается, та история с узлами не закончилась. Вот письмо из Забайкалья, на трех установках полетели корпуса узлов. Придется срочно ехать и обследовать все имеющиеся там машины. Кажется, у них всего два полка.

- Ума не приложу, как это они могли проскочить? - сказал вошедший Юдин, Ту партию мы всю возвратили.

- Надо попутным транспортом отгрузить туда три узла. - Кашелотов зло посмотрел на расстроенное лицо Юдина. - А что, если бы они попали на фронт?

Почти месяц длилась моя поездка, и вот дальневосточный скорый приближался к Москве. Я выполнил задание. Неисправных узлов больше не оказалось. Эти три негодных завод, очевидно, случайно присоединил к другой партии. И хотя командировка была тяжелой, я доволен, так как узнал кое-что интересное. Оказывается, в этом округе на учебных полигонах стреляли только одиночными выстрелами.

- Снарядов не дают! - пожаловались мне офицеры гвардейского минометного полка. - Война!..

Но меня-то как раз и интересовали их результаты.

- А что?.. Проводим пристрелку... Конечно, рассеивание чуть побольше, чем у гаубиц, но вполне возможно пристрелять любую цель. Установка?.. Да смещается после каждого выстрела. Нужно обязательно корректировать - так мне ответили на мои вопросы.

Теперь мне все совсем стало ясно. То, что не сумели отработать в училище в трудные первые военные дни, и то, что некогда было проверить на фронте, сделали наши товарищи в тылу, а мне только оставалось рассказать обо всем в полку. Только одно еще было не ясно:

можно ли стрелять прямой наводкой?.. И это нужно было проверить.

А скорый между тем приближался к родным местам.

Я вез Тане сибирские гостинцы - три малюсеньких, еще никогда не виданных рябчика, пару омулей и горшочек соленых груздей. В Барабинске удалось сторговать небольшой пуховый платок. Вот уж она обрадуется!

Соседи по купе увязывали громадные баулы и чемоданы, а я уже стоял в тамбуре. "Приедет Таня? Телеграмму я дал, но путь до станции неблизкий, да и в цехе наверняка авралят".

Поезд медленно прошел вдоль перрона и разом замер. Я тщетно вглядывался в лица встречающих... Радостное личико Тани показалось из-за ларька. Вот ведь какая - пряталась. Мы бросились навстречу друг другу.

- Думал, не придешь. Далеко. Конец года. План...

- Выполнили! - Таня радостно смеется. - Еще к утру. Юдин многих отпустил и сам ушел. Мы вместе выходили, и я прямо на поезд.

- Я тут привез... - я потряс мешком и рассказал Тане о рябчиках.

Таня всплеснула руками:

- Ешь ананасы, рябчики жуй!.. Попробуем!

Домой ехали пригородным. Таня ни на минуту не умолкала, рассказывала заводские новости.

Завод должен получить переходящее Красное знамя Комитета Обороны... У Коробкова сына вторым орденом наградили и звание капитана присвоили. Старик радуется, ходит и всем письмо показывает.

Внезапно она замолчала. В вагоне никого не было. Вся вспыхнув, она сделала мне знак придвинуться поближе.

- Я весь месяц думала... В общем, я хотела тебе сказать...

Теперь щеки ее пылали огнем. Я все уже понял и боялся пошевелиться.

- Я тоже... давно хотел сказать...

- Но не говорил же!

- Стеснялся... - и торопливо добавил: - Хорошо мне будет на фронте. Думать о тебе, письма получать... Таня, словно не поняв, растерянно взглянула:

- Кто тебя отпустит: ты же тяжелораненый?

- Был. А теперь совсем здоров! - Я весело подергал ногой. - Видишь!

- Но все говорят, что тебе нельзя воевать больше.

- Пока война, Таня, мое место только там! Вот подожду еще немного и подам рапорт. А на медкомиссию постараюсь и не ходить.

Голос Тани задрожал.

- Узнает Кашелотов, он тебе пропишет фронт!

- Не узнает. Я ему скажу в последний момент.

- Я сама ему скажу! - Таня заплакала. Я совсем не ожидал, что Таня так воспримет. И, ожидая, пока она успокоится, я, наверное, впервые за всю войну задумался о нашей судьбе, судьбе людей, на долю которых выпали такие испытания. А уже стольких она унесла. Родителей Тани, Мишку Будкина, Прудникова, Сорокина и многих, многих других... Что же делать? Остаться с Таней, работать на заводе и ждать конца войны?

Однажды утром, придя в кабинет, я увидел на столе письмо. Знакомый размашистый почерк. Комаров!

"...Надеюсь на очень скорую встречу, - писал Иван, - и думаю, что ты меня понимаешь? Во всяком случае, нам эти места порядком надоели".

Я все понял, и сердце мое горячо забилось: полк в ближайшее время прибывает в Москву на доукомплектование - это была главная новость. Значит, надо что-то предпринимать. Другого такого случая могло и не быть. Только бы пройти медкомиссию. А что, если...

На медосмотры положено являться в трусах. Я это знал. "Черта с два! Только в кальсонах!" - Я твердо решил попытаться скрыть свое ранение.

Рентгенолога, ушника, терапевта, глазника и других врачей я обошел очень быстро. Женщина-ушник так громко шептала цифры, что я все прекрасно слышал, несмотря на контузию. Оставался хирург.

- Вот он - самый страшный для меня кабинет! - Я невольно замер у двери. "Говорить о ранении или нет? Нет!" Я вошел в кабинет хирурга.

Просматривая записи в моей медицинской карточке, хирург, усталый немолодой врач, спросил:

- Ранения есть?

- Легкая контузия. Ухо... Хирург взглянул в карточку.

- У ушника вы не жаловались.

- Да и нет ничего.

- Снимите кальсоны.

Повернувшись к врачу спиной, дрожащей рукой я отстегнул пуговицу.

- Одевайтесь...

Мельком я заметил в центре раны аккуратный кружочек крови. Меня била нервная дрожь, пока я одевался.

"А ведь с Таней я поступил нехорошо, жестоко! Встречались, полюбили друг друга, а теперь уезжаю". Я сидел в кабинете, дожидаясь Кашелотова, и думал, как объявлю Тане о своем

скором отъезде. Как объясню, что это у меня не мальчишество, а просто выполняю свой долг. Ведь я же с момента ранения дни и часы считал...

- Годен! - радостно выпалил я, как только Кашелотов вошел в кабинет.

- Правда? - Антон Иванович недоверчиво посмотрел на меня.

Я утвердительно кивнул головой.

- Если годен и рвешься на фронт, удерживать не имею права. Даже могу помочь, если какие препятствия возникнут.

Дверь отворилась и в кабинет влетела Таня. Она сдержанно кивнула Кашелотову и стремительно прошла к моему столу.

- Весь завод говорит, что ты уезжаешь, а я ничего не знаю!

Кашелотов засмеялся и встал, направляясь к дверям:

- Давай, давай его, Таня! Я оправдывался:

- Ты же вчера на комсомольском собрании была до ночи. Я ждал тебя, ждал...

- Когда ты едешь?

- Вот раззвонили! Ты же знаешь, что нескоро. Когда прибудет полк...

Вечером мы вместе вышли из цеха.

- Мы идем сегодня к тебе! - объявила Таня.

- Ко мне? - Я совсем опешил. - Ты же знаешь...

Но Таня только упрямо качнула головой. Жил я на частной квартире, не очень-то удобно. Хозяйка, крупная, дородная женщина, в первый день встретила меня очень гостеприимно. Ввела в комнату, где главное место занимала громадная кровать с перинами и подушками, облаченными в чистейшие наволочки и простыни. В речи хозяйки то и дело проскальзывали намеки о каких-то особых взаимоотношениях между ней и бывшим квартирантом, но я на них и внимания не обратил, хозяйка замкнулась.

Радушие ее длилось всего два дня. Очень быстро она стала мрачной и резкой. Быстро преобразилась и моя комната. Сразу исчезли простыни и наволочки. Потом перины и подушки. А вскоре и мягкая большая кровать. Ее заменила обычная койка, простеленная несколькими досками, жиденький ватный тюфячок и такая же подушка. Но деваться было некуда, и я терпел. Понятно, что вести Таню к себе не хотелось.

- Да, не скажешь, что уютно! - сказала Таня, когда мы пришли. - У тебя, кроме концентрата твоего, есть еще что-нибудь?

- Окорок... Печенья две пачки...

- Так я и думала! Давай их сюда, - забрав хранившиеся за окном продукты, Таня решительно направилась на кухню, а я, затаив дыхание, начал прислушиваться к разговору,

завязавшемуся между женщинами. Голоса звучали вполне мирно.

- Он у тебя сгнил, этот концентрат, вот и хозяйка твоя удивляется тоже, минут через двадцать, внеся кастрюльку в комнату, сказала Таня. - А вообще сойдет.

- Сойдет! - я осторожно заглянул в кастрюльку. В мутной воде плавали комки неразошедшегося концентрата вперемешку с кусками свинины.

- Ну, тогда давай ужинать, - ласково сказала Таня. Она снова вышла на кухню и вернулась с двумя солеными огурцами и мисочкой капусты. А я-то опасался. что хозяйка ее обидит.

Так начался наш медовый месяц, безмятежный и светлый, несмотря на трудное военное время.

Был конец марта, когда я покидал этот, ставший мне дорогим маленький городок. Таня меня проводила только до платформы, нужно было спешить на завод.

- Вот уедешь ты, - сказала она печально, - а у меня сын или дочь родится... И будем думать, где ты там, что с тобой.

- Если девочка родится, назовешь ее Таней.

- Вот уж - две Тани. Зачем? - печально улыбнулась она.

- Ну тогда... Стой! - Я даже вскрикнул. - Катюшей! Как хорошо.

Таня даже засмеялась.

- И будут все Катькой звать!

- Все!.. Я сказал...

Глава седьмая. Карельский перешеек

А-а!.. Прибыл, друг милый! Вот уж, как я рад!

такими теплыми словами встретил меня Васильев. Отшвырнув ногой табуретку, он протянул мне руки. - Садись, рассказывай!

От Васильева скрывать было нечего, и я рассказал все как есть.

- Так!.. - протянул он, когда я закончил. - А как же все-таки нога твоя? Говоришь, здоров, а из ноги осколок прет! Ты, может быть, поступаешь опрометчиво. У тебя была хорошая почетная работа...

- Хочу воевать, - так и вырвалось у меня. - А нога... Со временем пройдет - буду оберегать.

- Он ведь женился! - не совсем кстати, со смехом вставил Комаров.

Васильев сразу весело вскинул глаза:

- Женился? Силен! Есть фотография? Я достал только вчера полученную от фотографа карточку Тани.

- Красивая! - Васильев подальше отставил от себя

фотографию. - И бедовая, наверное?

- Есть немножко. Палец, во всяком случае, в рот не клади.

Все засмеялись.

- Значит, воевать хочешь... У командира полка был? - лицо Васильева стало серьезным.

- Нет! Я прямо к Ивану и с ним - к вам.

- Это ты правильно сделал. Командир полка тебя не знает. - Васильев помолчал мгновение. - А нас знает. Правильно, Кузьмич?

Комаров улыбнулся и кивнул.

- Значит, и идти тебе к Ивану Захаровичу вместе с нами и нам даже вперед зайти.

Васильев встал, оправляя ремень.

Распахнулась дверь, и в помещение ворвался Женя Богаченко.

И какой же он стал, этот Женя! Широкий, в новой шинели, сплошь опоясанный ремнями и в довершение грозного вида, - свисающая кобура маузера. Загорелый, возмужавший. Остались прежними только носик и тонкий торопливый голосок, который сразу же зазвенел:

- А мне-то сказали, что кто-то высокий приехал и как будто ты. Мы обнялись.

- Нам с тобой нужно немедленно поговорить!

- Потом, потом, Богаченко, - Васильев шутливо махнул рукой. - Сейчас мы сходим к командиру полка и определимся, потом наговоришься.

Оставив Богаченко, мы направились к штабу полка.

- А может быть, и замполита прихватим? - предложил Васильев, когда мы вошли в помещение штаба. Он отворил какую-то дверь. - Заходите.

- А, прибыл. - Заместитель командира полка подполковник Крюков тепло поздоровался со мной. - У Ивана Захаровича был?

- Не был он еще, товарищ гвардии подполковник. - Васильев выдвинулся вперед. - Есть такое предложение, чтобы нам с вами предварительно поговорить с командиром. Как вы на это смотрите?

- Положительно. - Крюков посмотрел на меня. - Полк офицерским составом укомплектован полностью. Это тебе не сорок второй год. Так что посиди здесь немножко.

Я остался один в кабинете. "Это тебе не сорок второй год!" - сказал замполит. Это проглядывало во всем. И в спокойной уверенности Васильева и Крюкова, и в размеренных движениях хлопотавших на территории солдат. Что-то новое, особенное заметил я за эти короткие минуты пребывания в полку. Догадка, что же это новое, пришла уже в ближайшие дни. Раскусили врага!

Научились воевать!

Вошел Комаров.

- К тебе послали, чтобы не скучал. Решают на высшем уровне - кого послать учиться?

Это уже выглядело неприятно. Кому-то из-за меня придется уходить.

- Иван, может, мне завернуть обратно?

- Не валяй дурака! Все равно кого-то хотели послать.

Просунув голову в дверь, Васильев кивнул мне. Я доложил поднявшемуся при моем появлении командиру полка о своем прибытии в часть для прохождения дальнейшей службы.

- Мы с вами не служили, и я вас не знаю. Правда, товарищи, - гвардии подполковник Кузьменко показал на Крюкова и Васильева, - рекомендуют назначить вас командиром батареи. Но батарей у нас сейчас свободных нет. Начальником разведки обратно в ваш дивизион. Согласны?

- Согласен, товарищ гвардии подполковник!

- Тогда приступайте. Приказ будет сегодня, - Кузьменко встал и прошелся по кабинету. Настоящий кадровый военный. Решительные черты лица, короткая прическа, туго затянутый ремень гимнастерки, скупые движения рук. - Люди немного устали после боев. У многих близко семья, родственники, знакомые. Надо их повидать и отдохнуть. - И он посмотрел на радостно заулыбавшихся Васильева и Крюкова. - Мы прибыли в Москву не потому, что нас разбили! Нет! Полк полностью сохранил свою мощь и готов, хоть сейчас, к любому бою.

Уже только по этим словам можно было понять, как гордится Кузьменко своим полком.

- Поэтому за короткий срок, который мы будем находиться здесь, полк укомплектуется до штата и снова на фронт. Думаю, что новые задачи, которые перед нами поставят, окажутся не менее почетными и ответственными, чем те, что мы выполнили... Можете идти, - заключил командир полка.

Так же втроем вернулись обратно в дивизион. Теперь уже и я был полноправным членом этой боевой семьи. Васильев всю дорогу дотошно расспрашивал, а потом начал поддразнивать - как это я вдруг взял и удрал от молодой жены? Отстал он только тогда, когда я дал твердое обещание познакомить всех с Таней.

- Ну, расскажи теперь, чему ты научился в тылу! - сказал Васильев, когда мы все уселись в его кабинете. Сколько я мечтал об этом!

Но тут вошли Чепок с Бурундуковым. Снова радостные восклицания. Если я и надеялся на подобную встречу с Чепком, то, по правде говоря, Бурундуков меня удивил. Он тоже широко

распахнул объятия и всем своим поведением показывал, что очень рад встрече. Заставив показать раненую ногу, он долго сокрушенно качал головой и, наконец, сказал:

- Теперь ты должен быть поумелее. После тебя уже двое побывали на должности начальника разведки - не справились.

Я был ему очень признателен за такие слова.

Наконец мне удалось начать свой рассказ. Сразу вспомнилось, как Будкин ходил на совещание в училище, о сомнениях артиллериста-полковника и других специалистов, о трудных случаях, которые у нас возникали при определении координат и прочем. Всему этому я противопоставил данные о перспективах наших снарядов, о возможностях вести пристрелку, стрелять прямой наводкой.

Все это очень понравилось моим слушателям.

- Интересно! - подвел черту за всех Васильев. - При случае обязательно надо будет все проверить и попробовать.

Все пошли обедать, а я, отказавшись, заспешил к казарме, где разместились разведчики. Слишком уж не терпелось всех повидать.

Еще не доходя до казарм, я услышал стук в окно.

Нахлынувшее при встрече с офицерами чувство, что я вернулся в родной дом, еще больше усилилось. Радостно встретился с ребятами, за исключением нескольких связистов они все были налицо. Рымарь, Федотов, Черепанов, Шилов, Ефанов. Возмужавшие, загоревшие, несмотря на зиму. Все-таки мне очень повезло, что удалось возвратиться на старое место. Разведчики, кажется, тоже были довольны. За этот год орденов и медалей у них поприбавилось, а Федотов уже ходил с орденом Славы.

- Хорош. Ничего не скажешь! - Я был очень рад, что Федотов оправдал надежды. - Да и повзрослел ты здорово! Помню, ординарцем моим стать рвался?

- Пистолет нужен? - быстро осведомился Федотов.

- Неужели есть?!

- Теперь просто. Какой?.. Парабеллум опять или другой?

- Лучше бы "ТТ". Парабеллумами, знаешь, теперь сторожей начали вооружать, - сказал я, и все засмеялись.

- Принести?

- Неси, если можешь. - Вскоре он вернулся, из-за пазухи он вытянул пистолет в новенькой светло-желтой кобуре.

- Заяц трепаться не любит!

Конечно, было чему удивляться.

...На этот раз личному составу жилось на формировке куда привольнее, чем в сорок втором году. И если в то время все увольнения из пределов части предоставлялись только в случаях

крайней необходимости, то сейчас гвардии подполковник Кузьменко разрешил регулярно отпускать людей в Москву, установив только количество и очередность увольняемых.

В воскресенье приехали Таня и жена Богаченко - та самая девушка, которая его когда-то посещала. Вместе походили по окрестностям. Потом наши молодые жены побывали в гостях в дивизионе. Таня познакомилась с моими разведчиками, с Комаровым и Васильевым.

Неожиданно командир полка запретил увольнения. А спустя три дня поступил приказ: на фронт. Поздно ночью отходил от Белорусской-товарной эшелон нашего гвардейского минометного полка. Равномерно постукивали по стыкам рельсов колеса вагонов. Куда на этот раз забросит судьба?

На другой день поезд прибыл на Московский вокзал Ленинграда. Оттуда своим ходом дивизионы двинулись к северной окраине города и дальше - на Карельский перешеек штурмовать линию Маннергейма.

В войсках ходила шутливая поговорка, которую пустили сами бойцы: "Остались три невоюющих армии - шведская, турецкая, да двадцать третья советская!"

И действительно, отразив в самом начале войны все атаки белофиннов, 23-я армия прочно закрепилась на рубежах границы 1939 года. Белофинны засели в мощных оборонительных сооружениях.

С этого и начал свою информацию гвардии капитан Бурундуков.

Всего у противника было три мощных оборонительных полосы и между ними ряд промежуточных позиций. Глубина обороны на Выборгском направлении достигала ста километров. Обороняли Карельский перешеек два армейских корпуса и несколько отдельных частей.

Доложив о состоянии обороны противника, капитан Бурундуков положил на расстеленную на земле плащ-палатку свою карту, испещренную синими знаками, свидетельствовавшими о силе вражеской обороны.

- А это что за неровные круги? - поинтересовался Комаров, перерисовывая их на свою карту.

- УРы - укрепрайоны! - Бурундуков взволнованно задышал. - Так выглядит значительная часть обороны.

- Какие же они, эти УРы? - Глаза Жени Богаченко выражали крайнюю заинтересованность. - Я еще в финскую мечтал здесь сражаться!

- Насражаешься! - Бурундуков с усмешкой взглянул на Женю. - Из стали и железобетона! Вот какие. Даже ходы сообщения

бетонированные! И по всей глубине обороны в большом количестве надолбы, проволочные заграждения, минные поля. Лицо Бурундукова выражало крайнюю тревогу. - Под Старой Руссой, где были дерево-земляные укрепления, и то сколько сил положили, а тут...

- Вот это да!.. - лицо Богаченко приняло испуганно-восторженное выражение. - Линия Маннергейма, в общем!

- Первая линия Маннергейма, за ней вторая, самая мощная, потом третья...

- Еще под Старой Руссой, - сказал Комаров, - мы убедились, что стрелять нашими обычными снарядами М-13 по глубоко зарывшемуся в землю противнику малоэффективно, а здесь - железобетон!

- Стрелять по укреплениям будем только тяжелыми снарядами М-20, - сказал Васильев. - Их уже подвозят. Снаряды М-13 будем применять только в случаях открытых контратак противника или по скоплениям живой силы и техники. Есть вопросы?.. Тогда все!..

Офицеры разошлись по своим подразделениям.

При первом же разрыве снаряда, далеко в стороне, я от неожиданности скакнул в сторону, как заяц. Раньше и внимания бы не обратил. Сказывалось длительное пребывание в тылу.

В район наблюдательного пункта вела широкая наезженная дорога, обозначенная на карте. Поэтому даже ночью двигаться было легко. Сама местность, на которой мы сейчас находились, была холмистой, безлесной. Лес был в нескольких километрах кругом, а холмы... являлись громадными узлами обороны, как с нашей стороны, так и с вражеской. Сейчас мы выдвигались на один из укрепленных холмов, занятый нашими подразделениями.

Достигнув его подножия, я остановил своих людей, и на вершину отправился с Федотовым.

Оборону на этом участке занимала часть, с которой мне еще не приходилось иметь дело, - отдельный батальон укрепрайона.

Вскоре я разыскал блиндаж комбата.

Заспанный подполковник недовольно показал мне на табурет.

- "Катюши"? - переспросил он. - Все равно сюда никого. Ни одного лишнего человека. Располагайтесь наблюдать вместе с другими артиллеристами. Пойдемте, покажу.

Это для меня было ново. До сих пор все общевойсковые командиры старались помещать представителей гвардейских минометов поближе к себе: "Неровен час вдруг противник атакует!"

Подполковник вывел меня по стальному гулкому полу

капонира наружу и показал небольшое возвышение на вершине холма, метрах в ста от места, где мы находились.

- Там есть специальные ячейки для наблюдателей, и можно установить стереотрубу. Блиндаж же для людей отроете внизу. Лес надо подвезти. Рыть только ночью.

Я спросил его об обстановке.

- Без изменений. Утром можете уточнить в штабе. Больше у вас ко мне ничего нет? - подполковник повернулся и пошел по проходу в свое стальное помещение.

- Так!.. Пошли-ка глянем, где теперь нам обосновываться. - Мы направились к месту, указанному командиром батальона. Хотя рассвет только наступал, все же было ясно, что место для наблюдения хорошее. Отсюда открывался отличный обзор всей местности впереди, а бетонированные ячейки обеспечивали достаточное удобство и безопасность для наблюдателей.

- Нормально! - подтвердил Федотов.

- А если здесь и разыграется серьезный бой, то подполковник живо переведет нас в свою стальную коробку.

Мы отправились обратно, к своим.

Днем основательно осмотрелись. Привыкшие к болотным землянкам под Старой Руссой, ребята не переставали восхищаться условиями, в которых находились подразделения укрепленного района.

- Электричество, вода! Умываются из-под крана! Кухня тоже укрытая, а рядом столики - столовая, значит!

Всех перекрыл своей осведомленностью опять же Федотов.

- Отошел я в уголок по малой нужде, - со смехом рассказывал он, - а меня цоп за плечо ихний лейтенант:

"Вы что безобразничаете?!" - И показывает мне в конец хода сообщения. Пошел я туда, а там уборная по всем правилам и даже бумажки на гвоздике висят!

Наличие такого комфорта всех поразило.

- Так воевать можно!

- Ладно там бумажки, - я слушал их разговор. - Вы обратите внимание, какая у них маскировка и особенно с воздуха. Все прикрыто или же дерном, как следует, или же масксетями. Значит, и нам надо строго выполнять их режим.

В отличие от других операций, где наступательные действия обычно начинались с внезапной артиллерийской подготовки, на Карельском перешейке наступлению предшествовала длительная и мощная обработка укреплений врага огнем тяжелых артиллерийских систем. По железобетонной обороне повели огонь крупнокалиберные осадные орудия, которыми фашисты еще недавно обстреливали героический Ленинград.

Один за другим, тяжело шурша, в небе проплывали огромные снаряды и обрушивались на доты противника.

Разрыв, еще разрыв, наконец всплеск искр и огня от удара металла о металл. По склонам холма поспешно побежали солдаты, покидая уничтожаемый опорный пункт.

Одновременно с начавшимся обстрелом, перед разведкой были поставлены задачи по захвату "языков". Сведения о противнике, о нумерации его частей, об их расположении были многомесячной давности, и командованию фронта "язык" был нужен до зарезу. Каждый день общевойсковые разведчики лазили по переднему краю и, наткнувшись на непреодолимые заграждения и бдительность противника, ни с чем возвращались назад. В один из этих напряженных дней достать "языка" взялась соседняя рота. Низом огибая холм, мимо нашего блиндажа прошло одетое в маскировочные костюмы подразделение.

Замысел их был предельно простым и дерзким. В двенадцать часов дня полковые и батальонные минометы открывали массированный огонь по передней траншее противника с расчетом ослепить все его огневые точки, находящиеся вблизи от переднего края. Одновременно шашками и дымовыми минами ставилась дымовая завеса. Под прикрытием огня и дыма бойцы должны были быстро преодолеть нейтральную полосу, ворваться во вражескую траншею и схватить пленных. Но этот замысел был разгадан, и в тот момент, когда наши роты и батареи открыли огонь, нам тоже ответили сильнейшим заградительным огнем. Когда рассеялся дым от завесы, разведчики увидели по всей нейтральной полосе распластанные тела солдат. Несколько раненых тяжело перевалились через бруствер нашей первой траншеи.

Очередная попытка захватить "языка" сорвалась. Лишь к вечеру было произведено еще несколько поисков, и, наконец, один из них увенчался успехом.

С каждым днем боевые действия становились все острее, все более уничтожающим артиллерийский огонь. К методическому обстрелу вражеских позиций присоединились и гвардейские минометы. На вражеские доты понеслись шквалы тяжелых снарядов М-20 и М-31. Они рушили траншеи и ходы сообщений. Разбивали и опрокидывали бронированные колпаки. Войска настойчиво нащупывали слабые места во вражеской обороне, завязывали бои стрелковые части.

Особенно сильные бои развернулись на левом фланге, почти у самого Финского залива. Чувствовалось, что именно там намечается направление нашего главного удара.

За эти дни мы сменили несколько наблюдательных пунктов.

Время близилось к полуночи, когда мы торопливо направились к холму, на котором оборудовали свой первый НП. За день напряженных боев в этом районе удалось занять несколько опорных точек противника, но затем он контратаками восстановил первоначальное положение. Мы понесли тяжелые потери.

Дивизион уже трижды открывал огонь по контратаковавшим врагам, и сейчас мы, оставив свой последний НП, спешно возвращались в батальон. Мы почти бежали в темноте, не обращая внимания ни на разрывы мин, ни на воронки под ногами. Ориентиром служил гребень возвышавшегося перед нами холма.

Когда до КП батальона оставалось уже метров триста, я неловко оступился, и в раненой ноге что-то хрустнуло. Теперь я шел, опираясь на плечи Федотова и Шилова, и на чем свет клял свою больную ногу.

На гребне было тихо. Только что бушевавший огонь разом затих. Не было заметно и движения наших бойцов. Несколько раненых прошли мимо, направляясь в тыл.

Иногда такое затишье предвещает бурю. Мы поднялись на самую вершину к командному пункту.

Командира батальна я увидел на том самом месте, откуда он указывал мне район наблюдательных пунктов. Сейчас подполковник напряженно вслушивался в звуки, доносившиеся со стороны противника.

- Накапливаются для атаки! - односложно сказал он мне. За эти дни подполковник заметно почернел и осунулся.

Теперь это был совсем не тот скучливый, засидевшийся в обороне офицер, каким я увидел его при первой встрече.

- Вы хорошо помогли нам сегодня, - он смотрел вперед, - а теперь от вашего огня я ожидаю еще больше. Атака противника начнется минут через пятнадцать.

- Куда стрелять? - я тоже уставился в темноту.

- Сюда! - подполковник провел рукой прямо перед собой. - Они потеснили батальон и находятся прямо здесь, в лощине.

- Это будет метров сто отсюда?!

- Да, столько и будет...

Меня бросило в жар. Видимо, подполковник не знал, что затевает. Я только понял, в каком тяжелом положении мы очутились. Но мы-то ладно. В конце концов мы все укроемся в стальной конуре командира батальона. Но впереди траншеи огневые точки батальона, как с ними? Ведь чуть не половина снарядов разорвется в нашем расположении, и отвечать за это придется мне. Я сказал все это подполковнику.

- В батальоне почти не осталось людей! - жестко ответил он. - А те, что остались, все находятся в укрытых огневых точках. Противник же будет открыт!

И я решился. Недалеко от нас Черепанов пытался установить связь с дивизионом. Церемониться теперь не приходилось.

- Переходите в помещение подполковника! - крикнул я им и сам повел их за собой.

- Да вы-то где находитесь? - недоуменно переспросил меня Бурундуков, когда я связался с ним, и, объяснив обстановку, сказал, что залп необходим.

- Гостей ожидаем через десять минут! Как меня поняли? Прием! - торопливо проговорил я в микрофон и приготовился выслушать реакцию Бурундукова.

И действительно, забыв о том, что противник может услышать его, Бурундуков закричал в микрофон.

- Не было тебя, и фокусов никаких не было! Я все записал дословно! Возьми оправдательную записку от командира батальона.

- Будет записка, будет! - сказал я, чтобы как-то успокоить Бурундукова. Ведь в какой-то степени он был прав.

Подполковник, а за ним я вышли в траншею.

Ракеты и отдельные очереди изредка прорезали темноту. Батальон всеми своими силами подготовился к отражению атаки. Об этом докладывали командиру офицеры и начальник штаба, поддерживавший по телефону связь с отдаленными точками.

Всех охватило нервное напряжение...

Вражеские минометы ударили разом. С ними одновременно поднялась интенсивная ружейно-пулеметная стрельба. Послышались громкие крики с той стороны.

"Атакуют!" - понял я, волнуясь все больше - и за исход боя, и за залп, который должен сейчас вызвать.

Огоньки автоматных очередей начали вспыхивать и перемещаться во многих местах.

Командир батальона повернулся ко мне и резко взмахнул рукой.

- Огонь! - крикнул я Черепанову, выглядывавшему из-за двери капонира, и сам повернулся туда, на юг, где находились батареи. Увидев взметнувшиеся смерчи, я, схватив подполковника за рукав, бросился в его помещение.

Все, забившись по углам, ждали разрывов. От обрушившегося удара высота задрожала, "Раз, два, три..." - начал я считать разрывы ближайших снарядов. Грохот удара в перекрытие, дробь посыпавшейся с потолка земли, резко вспыхнула и погасла аккумуляторная лампочка, в ушах стоял звон.

- Все в траншею для уничтожения противника! - крикнул, выбегая, подполковник. Схватив лежавшие тут же гранаты, я повторил команду своим людям и выскочил вслед за подполковником.

Командир батальона побежал по траншее, а мы рассредоточились здесь же поблизости.

Крики из лощины внизу не доносились. Стрельба затихла.

Батальон имел много пулеметных точек, в том числе спаренные и строенные пулеметы, и сейчас бил в лощину изо всех видов оружия. Сильный огонь открыли несколько наших батарей.

Но и над высотой стояла стена разрывов. Гулкие хлесткие взрывы мин и снарядов сотрясали траншею.

Я взволнованно ждал результатов боя. То, что противнику нанесли большой урон, было очевидно. Атака их явно захлебнулась. Но какие потери от залпа в батальоне? Я стоял и думал только об этом.

Так прошло несколько минут. Гранаты, лежавшие в карманах, сильно мешали, и я выложил их в небольшое углубление в стенке траншеи. Ветерок донес свежую гарь. Совсем рядом зияла большая воронка и валялся стабилизатор от мины М-13. "Чем же закончится бой? Какие потери в батальоне?" - мучился я.

Минометы били по-прежнему. Но стрельба становилась все слабее и слабее. Прекратил огонь наш пулемет из соседнего дота.

- Отбили! - подтвердил появившийся командир батальона. Он вдруг устало улыбнулся и протянул мне руку: - Спасибо!..

Больше за эту ночь атак не было. К утру к нам подошло подкрепление. А когда совсем рассвело, внизу под холмом стали видны трупы вражеских солдат и было их очень много... Критический момент на этом участке миновал.

Вскоре Васильев передал приказ: сниматься с места. На левом фланге наши части прорвали первую полосу обороны противника, и надо было входить в прорыв.

Я не позабыл об оправдательной записке, которую Бурундуков велел взять у командира батальона. Но не взял.

Сбивая промежуточные рубежи обороны врага, наши войска продолжали наступление. Мы двигались в общем потоке частей первого эшелона.

Местность, по которой тянулась и петляла узкая грунтовая дорога, казалась почти не обжитой. По обеим сторонам дороги темнел лес. Сосны, ели, осинник... Лесные поляны, покрытые густой, ярко-зеленой травой. Несколько небольших лесных озер с застоявшейся зеркальной гладью поверхности. Большие валуны и сине-черные камни.

Встретились и несколько хуторов с далеко разбросанными

друг от друга небольшими почерневшими домиками. Все они пустовали, оставленные жителями.

Редкие по своей красоте места. Где-то здесь неподалеку находились и репинские Пенаты.

Мы вообще были удивлены. Совсем не вязалось слово "карельский" с окружавшей нас местностью. Не было сопок, ни карликовых берез, казалось, обязательных для северной страны. Наоборот, кругом сплошная зелень. И климат здесь, конечно, не мог быть суровым. Скорее мягким и влажным. Сейчас вот летом и искупаться бы вполне было можно в этих красивых, как картинки, озерах.

- Полей мало! - подсказал сельский житель Петя Шилов. Он всматривался в видневшееся в отдалении поле. - Рожью, что ли, засеяли? Вот на Юго-Западном... - Ему очень пришлись по душе воронежские степи.

- Время есть. Свернем в какой-нибудь хутор, - решил я. - Отдохнем немножко и перекусим. - Мы направились к отдаленному домику.

Вошли в дом, обитатели которого поддерживали чистоту и старались, видимо, жить по-городскому. Об этом говорили и большие окна, хорошо освещавшие комнаты, светлые обои и обилие разнообразных предметов, присущих только городскому обиходу.

- Только что ж у них все бумажное да картонное? - сделал первое открытие Василь Рымарь. - Он ходил и трогал занавески, скатерти, различные подставки и полочки. Даже стены комнат были из картона.

Отправившиеся на кухню Федотов и Шилов весело кричали оттуда, они обнаружили сковороду с ломтями почерневшей картошки.

Федотов протянул к моему носу сковороду.

- Отравлено, что ли?! - я невольно отстранился. Затем припомнил, как учил в училище химик - никогда не приближать нос к неизвестным веществам - я осторожно помахал ладонью над сковородой, приближая запах к носу.

- Да вот же, смотрите! - Федотов схватил с плиты стеклянную банку с прозрачным темноватым жиром. - Пушсало!..

- На солидоле жарят! - ужаснулся и вошедший Рымарь. - Дошли!..

Все внимательно осмотрели банку. Может быть, это и не было чистое пушсало, но во всяком случае что-то очень похожее.

- Слышали же, как капитан Чепок на беседе говорил: "Финляндию фашистские заправилы довели до крайней степени разорения и голода", - Петя Шилов старательно выговорил всю

фразу.

- Да!.. - разведчики смотрели друг на друга. Меня одолевал смех. Пока мы шли до этого дома, ребята сделали вывод, что при такой обильной растительности, здесь должно быть много коров и сметанку-то они сейчас разыщут. Сознаюсь, что и я немножко на это надеялся. Пришлось сказать:

- Вынимайте-ка из мешков, любители сметанки свои более съедобные припасы! Скоро пойдем дальше...

Я сидел на поваленном дереве и рассматривал в бинокль громадную высоту один из главнейших опорных пунктов второй полосы обороны противника.

На десятки метров возвышавшаяся над окружающей местностью, опоясанная рядами бетонных траншей и ходов сообщений, с многочисленными железобетонными колпаками-дотами, с рядами колючей проволоки и громадными серыми пирамидами-надолбами, высота невольно привела меня в самое удручающее настроение. Да и не только меня, конечно.

Проходившее рядом с высотой асфальтовое шоссе казалось, по сравнению с громадной горой, тоненькой неприметной ленточкой. Но именно это шоссе, ведущее в глубину вражеской обороны, и охранял могучий опорный пункт.

По дорогам подтягивались мощные орудия, тяжелые гвардейские минометы с трехсотмиллиметровыми снарядами М-31, сокрушившие первую полосу обороны. Но эту - сумеют ли разрушить?

Доты первой полосы теперь казались простыми игрушками по сравнению с этим великаном.

Наверное, подобные же мысли были и у группы танкистов, стоявших позади меня за деревьями и тоже из биноклей рассматривавших высоту. Они обеспокоенно переговаривались.

"Надолбы!" - донеслось до меня.

Надолбы, "зубья дракона" и как их еще только не называют - эти массивные серые пирамиды! "Неужели наши славные "тридцатьчетверки" и самоходки, сосредоточивающиеся неподалеку в лесу, их не пройдут?" - я встал и подвинулся поближе.

- Взберетесь? - выбрав момент, спросил я у крайнего из танкистов. Под комбинезоном у него виднелась Золотая звездочка. "Герой!"

Танкист повернул ко мне нахмуренное лицо и, помолчав, произнес уже слышанное мной слово:

- Надолбы!..

Подтягивались и подтягивались к высоте подразделения пехоты и саперов, артиллерии и танков, и, конечно, боеприпасы.

На опушке, откуда я наблюдал, тесно встали танки и самоходки. Воспользовавшись густым кустарником, ночью, как можно ближе к высоте, окопались стрелковые роты и штурмовые группы.

Мы выбрали свой НП, как всегда, поближе к КП стрелкового полка, действия которого должен был поддерживать дивизион. Впрочем, здесь вокруг обосновалось множество разных командных и наблюдательных пунктов. Предстояло наносить основательный удар.

- Сойдет! - одобрил Васильев вырытый для наблюдения небольшой блиндаж. Против мин вполне надежен, а "юнкерсов", пожалуй, не подпустят. А где КП стрелкового полка?

- Вот рядом. Метров тридцать.

- Ну и отлично! - Васильев посмотрел в сторону КП. - С командиром полка познакомился? Сейчас наметим с тобой огни.

При свете гильзы мы занялись подготовкой огней на период боя.

На рассвете тяжелые снаряды гвардейских минометов, обрушившись на высоту, открыли артподготовку. Это был настоящий артиллерийский штурм. Стреляло несколько сот орудий, и казалось, что и эта железобетонная высота не выдержит, рухнет, рассыплется. Залп за залпом тяжелыми снарядами М-20 производили батареи дивизиона. Танки и самоходки покинули опушку и поползли мимо нас к переднему краю. Прогремел общий залп всех участвовавших в артподготовке гвардейских минометных дивизионов.

- Ура!.. - стрелковые подразделения с танками двинулись в атаку. Батареи перенесли огонь и теперь кромсали верхнюю часть высоты.

Постепенно дым и пыль, плотно прикрывавшие высоту от наблюдения, начали рассеиваться. Сначала чуть заметно, потом все отчетливее, начали проступать контуры высоты.

Штурмующие подразделения сразу преодолели проволочные заграждения и ворвались в первую разрушенную траншею. Там шел упорный бой с контратаковавшим по ходам сообщений противником.

А танки?.. Сейчас они были очень нужны нашей пехоте.

Опасения танкистов оказались не напрасными.

Выстроившись перед надолбами, танки и самоходки яростно стреляли по высоте и не продвигались ни на метр. Две самоходные установки и один танк горели. Несколько "тридцатьчетверок" упорно карабкались на надолбы. Они наваливались корпусами на грани надолб, чуть-чуть приподнимались и раз за разом сваливались обратно.

Бой длился около трех часов. Наши штурмующие

подразделения уже вели бой где-то на середине склона высоты. Шли и шли друг за другом в тыл раненые. Несколько раз прибегал с КП стрелкового полка Васильев, вызывая огонь по беспрерывно контратаковавшим врагам. А танки все еще были у надолб. Вышло из боя и отошло назад еще несколько машин.

Сейчас у надолб ползали саперы. Они подтаскивали к каменным зубьям бревна, мешки с землей, пытаясь соорудить проход для танков.

Наконец одной "тридцатьчетверке" удалось приподняться над надолбами. Не обращая внимания на сразу усилившийся огонь, танк осторожно разворачивался на гранитной гряде. Раз!.. И танк сполз по ту сторону надолб.

За ним следили многие. Раздалось громкое "Ура!" Что есть сил закричал и я.

Танк сразу же ринулся на штурм высоты. А следом за ним торопливо карабкался на надолбы второй танк.

- Прошел! - закричал я вбежавшему Васильеву.

- Прошел? - обрадовался и командир дивизиона. - Давай-ка проложим ему дорожку дальше! - Он подал команду для очередного залпа по высоте.

- Научились! - еще громче закричал я. На граните боролся уже третий танк. Теперь дело должно было пойти значительно лучше.

Первый танк уже почти достиг гребня. Второй был на середине холма. Использовав успех танков, пехота ворвалась еще в один ярус траншей. Друг за другом пошли через надолбы - все в том же месте - остальные "тридцатьчетверки" и самоходки. Непрерывно стреляя, они поднимались все выше и выше. А первый танк уже утюжил огневые точки на самом гребне.

И вдруг случилось неладное.

Танк, первым геройски ворвавшийся на гребень, вспыхнул ярким светом от прямого попадания снаряда. Через мгновение от него повалил густой черный дым. Извиваясь, он поднимался все выше и выше в безоблачное голубое небо.

"Все-таки подбили! А такой герой!" - так, наверное, думали все, наблюдавшие за этим отважным экипажем. А мне еще пришло в голову, что там, может быть, и тот самый танкист, с которым я говорил на опушке. Могло быть, что он. Как же жаль!..

Этот танк много сделал для победы. На гребень вышло сразу несколько машин.

А вот вспыхнуло огненным языком в лучах солнца знамя.

Высота пала! Вторая линия Маннергейма прорвана!

Рядом со мной Васильев торопливо диктовал в микрофон данные для залпа по отходящему противнику.

Противник стремился оборонять каждый рубеж, цеплялся за каждое препятствие. Лесными узкими дорогами и тропами части пробивались к третьей полосе.

"Вуоксинский горб"! Бесконечно длинная, заросшая сосняком высота. Сплошной камень под тонким слоем земли. Говорят, что и в финскую кампанию за нее отчаянно бились. Сразу за высотой - река Вуокса. Очень широкая и глубокая... это и была третья полоса обороны финнов. Потрудиться здесь придется!

Те, кто так рассуждал, были правы. Бои на этом рубеже развернулись исключительно ожесточенные.

Гвардейские минометы засыпали снарядами непокорный "горб", били артиллерия и минометы, и все равно снова, как только наша пехота поднималась вперед, оживали, казалось, сметенные огневые точки врага, строчили с деревьев "кукушки", била с той стороны Вуоксы артиллерия.

И все же подходил последний бой за высоту. Наши батареи уже не стреляли. Было нельзя. Стрелковые подразделения и танки добивали последние разрозненные группы противника, и можно было угодить по своим.

Уже в нескольких местах наши подразделения вышли к берегу, а разрозненные группки противника все еще упорно сопротивлялись, не сдаваясь в плен. Продолжала вести беспорядочный огонь артиллерия с того берега.

Если противник обстреливал район наблюдательного пункта, на вышке невозможно было находиться. Осколки пронизывали все пространство. Я как раз находился на дереве, когда по нашему району открыла огонь вражеская батарея. С дерева слетел, можно сказать, кубарем. Осколками пробило полу шинели, вырвало кусок сукна под мышкой и нанесло ссадину.

В это время солдаты привели пленного.

Что было делать? Отправить сразу в тыл? Я решил хоть что-нибудь узнать от него.

- Шпрехен зи дойч? - эту фразу знали все, когда-либо изучавшие немецкий язык.

Финн отрицательно мотнул головой:

- Суоми...

- Что суоми, нам и так ясно? Ду бист офицер? Пленный утвердительно кивнул головой и сказал что-то по-фински.

- Ага! - все обрадовались. - Кое-что понимает. И какой же у них язык непонятный!

Я вытащил карту и развернул ее перед пленным.

- Где ваш штаб полка? Резервы? Он показал точку на высоте.

- Э-э! Нет! Теперь там ваших нет! Чего мы тут с ним будем валандаться? Передадим-ка его начальству. Я позвонил на

огневые Васильеву.

- Офицер может пригодиться. - По всему чувствовалось, что пленный совсем не интересовал гвардии капитана Васильева. - Слушай-ка! Доложи сам хозяину. Он любит... Вы хоть побеседовали с пленным? - он засмеялся. - В общем, доложи самому...

Гвардии подполковник Кузьменко, горячо радевший о славе полка, встретил сообщение о пленном совсем иначе, чем Васильев.

- Немедленно препроводить ко мне пленного офицера. Пусть герои сами доставят!

- В штаб полка поведете. - Объявил я. смеясь, Шилову и Федотову. - За медали не ручаюсь, а благодарность будет наверняка!

Федотов и Шилов начали собираться.

- Что там на высоте? - крикнул я дежурному наблюдателю Ефанову.

Виктор ответил в тон мне:

- Танки на самый верх взобрались! Сначала ездили и стреляли, а теперь повернулись передками к реке и стоят, опустив пушки.

Это могло означать только одно - третья большая победа за эти короткие, но такие трудные дни!

К реке Вуоксе уже потянулись инженерные части с понтонами и лодками.

К вечеру вместе с Федотовым и Шиловым на НП пришли гвардии подполковники Кузьменко и Крюков, а следом подошел и Васильев.

- Давайте все сюда! - пригласил, садясь на расстеленную плащ-палатку, командир полка, - Вот в чем дело, - начал он, когда все разведчики расселись. - Войска готовятся к форсированию Вуоксы. Дело, прямо скажу, очень серьезное. В наступательных боях таких широких водных преград нам преодолевать не приходилось... Я принял решение с первым эшелоном направить вашу разведку. Вас! Со вторым эшелоном переправятся полковые разведчики, - Иван Захарович сделал небольшую паузу. - Как, справитесь?

- Постараемся?..

- Первым форсирует реку батальон капитана Савельева. Вам надо связаться с ним.

- Возможно, что воинов, которые первыми достигнут того берега, будут представлять к званию Героя Советского Союза, - вставил гвардии подполковник Крюков.

Ребята негромко загалдели. Всем было известно, что иметь в

полку хотя бы одного Героя Советского Союза, - заветная мечта подполковника Кузьменко.

- Я уже послал связистов и огневиков выдолбить и оборудовать НП, - сказал Васильев. - Так что пока можете отдохнуть.

Какой уж там отдых! Дел было много. Следовало побывать у командира батальона и узнать все условия форсирования, достать лодку, получше смазать, а то и обернуть автоматы... Да и не уснешь перед таким боем.

Пожелав нам успеха, командиры ушли.

- Пляшите да повеселей! - Шилов показал мне пачку писем.

Старое фронтовое правило - плясать с получением почты. На радостях я с удовольствием затряс руками и ногами.

- Пять раз! - выкрикнул неумолимый Шилов. "Значит, пять писем!" - я принялся плясать дальше, но выручил Федотов.

- Дай сюда! - он выхватил у Шилова пачку. - Несмышленыш еще!

Получившие письма углубились в чтение, то и дело громогласно объявляя о домашних новостях. Пожалуй, и не было ничего приятней, чем получить весточку от близких.

Главное - и мать, и брат, и Таня были живы и здоровы. Ну и, конечно, в каждом письме: а как я на фронте? Как нога?

Меня очень интересовали заводские новости. Тут тоже было все в порядке. Завод по-прежнему удерживал переходящее Красное знамя Комитета Обороны. Кашелотова и Юдина наградили орденами. Таня передавала мне от них приветы. И, наконец, эти места я перечитал много раз, - у нас с Таней было все нормально. Хорошо она писала о нашей дружбе.

Капитан Савельев совещался с представителями частей и подразделений, которые должны были обеспечивать действия батальона. Капитан, по виду мой ровесник, взглянув на меня, переспросил:

- Целый полк "катюш"?

- Да, целый полк! - подтвердил я. - Если понадобится, будем стрелять с интервалами не больше полминуты.

- Еще как понадобится! - весело сказал Савельев. - Дуйте вообще без интервалов. Хуже не будет!.. Лодку? - он на мгновение задумался. Артиллеристы свои имеют. Да разве вам откажешь? Берите.

Начало артподготовки похоже на внезапный весенний гром, огонь многих дивизионов гвардейских минометов - на тысячи молний, вырвавшихся из-под земли. Так наша артиллерия начала обработку северного берега Вуоксы.

Сразу же южный берег наполнился людьми. Закачались на

воде лодки, понтоны, плоты. Расчеты на руках подтаскивали к берегу полковые пушки и минометы, грузили их на понтоны. По крутой нахоженной с утра Тропинке мы спустились с крутого берега. Внизу нас ждал Ефанов, с ночи охранявший лодку.

Участок, на котором должен был форсировать реку батальон Савельева, был открытый. На флангах подразделения гребли к берегу, густо поросшему лесом, а здесь - голо. "Начнут долбать со всех сторон - только держись!" - сразу подумал я, а сейчас вовсю торопил четырех гребцов плоскодонки.

Начали погружаться на воду крупные понтоны. По ним противник бил прежде всего. Рядом с нами пошло под воду 45-миллиметровое орудие. Плавали в воде бойцы расчета. Появились убитые и раненые и на соседних лодках.

Мы шли пока без повреждений. Рымарь, Федотов и два связиста гребли ровно и сильно, догоняя лодку капитана Савельева. Опершись коленом на нос, смелый комбат вел вперед свой геройский батальон.

Берег яростно огрызался, частили огнем выстрелов малокалиберные пушки. Наконец и нас накрыло, пулеметная очередь прошила борт.

Лодка стала быстро наполняться водой.

- Шилов, Ефанов! Быстро выгребать касками воду! Черепанов, к веслу! - я тоже поспешно схватил весло и сел вместо свалившегося связиста. Снял каску и тяжело раненный связист. Держась одной рукой за борт лодки, другой он медленно работал каской.

"Пожалуй, дотянем, если еще раз не прошьет", - думал я, то и дело оборачиваясь к северному берегу.

Несмотря на мощный артналет и минометные батареи и пулеметные точки оказались неподавленными, и вода Вуоксы повсюду вздымалась от разрывов.

Высоко в небе над головами пронеслись снаряды гвардейских минометов. На мгновение я представил себе, какая сейчас горячка на огневых. Взмыленные расчеты таскают тяжелые снаряды, срывают колпачки. И ревут, ревут установки, вздымая отходящими газами клубы земли.

- Давай! - закричал я громко, чтобы все в лодке слышали. - Своих поддерживаете!

И как бы в подтверждение моих слов, пронесся шквал залпа другого дивизиона. Снаряды рвались на берегу и даже в прибрежной воде. Почти совсем замолчали вражеские пулеметы. Полк обеспечивал беспрепятственную высадку десанта.

А вот капитан Савельев прыгнул с лодки на берег. Взмахнул рукой, бросая гранату. За ним кинулись прямо в воду его

солдаты.

Нам еще оставалось до берега метров тридцать-сорок. В воде уже были ноги, имущество, оружие... "Дотянем или нет?!" - волновался я и, задыхаясь от напряжения, греб, торопя и без того обессилевших ребят:

- Нажми, еще нажми! Наконец лодка ткнулась в берег.

- Вперед! - я подхватил связиста, помогая ему выбраться.

- Убит он! - прокричал Рымарь, склонившись над вторым связистом.

- Выносите на берег!

- Останешься с ними до санитаров! - сказал я Шилову. - Потом найдешь нас.

Мы побежали вслед за уходящим батальоном. И сразу - взрыв. Вскрикнув, упал с раздробленной ногой Виктор Ефанов. Деревянные коробочки, противопехотные мины повсюду валялись в густой траве.

- Доползешь до Шилова, Виктор? - склонившись над Ефановым, я взял его за руку. Скрючившийся Виктор кивнул.

- Вперед!..

Опрокинув противника, батальон продвинулся на несколько сот метров, создав этим условия для высадки второго эшелона.

В этот момент противник, растерявшийся от удара, уже из глубины своей обороны снова открыл ураганный пулеметно-минометный огонь. Мины с раздирающим душу визгом летели к берегу.

"Мы их не видим, - в смятении думал я, - и они нас перебьют, как курят!" Мы лежали на ровном месте, уткнувшись лицами в землю, хотелось слиться с ней, уйти от огня. В короткие мгновенья между разрывами я поднимал голову, стараясь выбрать впереди безопасное место и не находил. Правда, совсем недалеко от нас находился надежный, весь обложенный камнями финский блиндаж, но в нем и вокруг было столько людей, что пробираться туда было бессмысленно.

- Я ранен и остался в строю! - сказал, подползая, Федотов. Он показывал на окровавленную штанину. Я только вымученно улыбнулся.

Кое-как под свист осколков мы выбрались к подразделениям батальона, занявшим мелкую, осыпавшуюся траншею. Стало сразу легче.

- Зарывайтесь поглубже, я поищу комбата, - сказал я Рымарю. - Кого-нибудь со мной!

Пополз Федотов. Оставшиеся быстро замахали саперными лопатками.

- Свою задачу мы выполнили! - встретил меня возбужденный

Савельев, размазывая грязь по лицу. - Теперь дело за вторым эшелоном!

- Куда стрелять?

- Как договорились. Бей без передышки!

Тяжелые бои шли несколько дней. Вцепившись в высоты, окружавшие плацдарм, белофинны, сопротивляясь с невиданным упорством, отражали все атаки наших войск, пытавшихся расширить занятый клочок земли. Артиллерия засыпала снарядами и минами маленький "пятачок" глубиной с километр и шириной километра полтора. Несколько заходов сделала армада "юнкерсов". Громадные воронки, которые она оставила, сразу же использовались для укрытий. Противник и сам пытался переходить в контратаки, но они оказывались бесплодными.

Наша артиллерия сметала поднимавшихся солдат.

В эти дни мы понесли еще одну тяжелую потерю. У стереотрубы был ранен в плечо гвардии сержант Рымарь.

Василь был моим помощником с первых дней формирования. И я на него полагался во всех ответственных делах. Мы сами отвезли его на тот берег и сдали в медсанбат. Поручили фельдшеру дивизиона взять его и Ефанова под контроль. А пока должность командира отделения разведки я решил держать свободной. Может быть, и вернется Рымарь.

На плацдарме все глубже зарывались в землю. И если в первые дни не обходилось без потерь, то теперь по извилистым траншеям и ходам сообщения можно было легко перемещать подразделения с участка на участок.

Несколько дней мы ютились в траншеях батальона. Питались с батальонной кухни, а у них тоже было не густо, - очень трудно было переправляться через Вуоксу. Но в конце концов обзавелись и своим блиндажом. причем вражеским, надежно обшитым и перекрытым несколькими рядами бревен и слоем камней. Он заметно выделялся на местности, но противник по нему не стрелял - знал, что не пробить.

Поглядывая в окуляры выставленной из блиндажа трубы, я думал о том, что все еще хорошо обошлось, могли понести и гораздо большие потери. Жалко было Рымаря, Ефанова и связистов, но столько раз в этих тяжелейших боях жизнь всех висела на волоске.

Постепенно огонь вражеских батарей начал стихать. Наверное, им не хватало снарядов и мин. Но методический обстрел плацдарма велся непрерывно. И обстрел этот был очень изнурителен. Мина за миной с короткими интервалами шлепались по всей площади. Было одно случайное попадание в наш блиндаж, но он выдержал, даже не скрипнув.

Пока на плацдарме шли бои, наши войска левого фланга штурмом овладели Выборгом. Над милитаристской Финляндией нависла угроза скорого и полного разгрома.

5 сентября правительство Финляндии капитулировало.

Наш 70-й гвардейский минометный полк получил наименование "Выборгского".

Через несколько дней прибыли пограничники. Стражи рубежей приняли от войск с таким трудом отвоеванную границу.

На дороге, рядом с расположением дивизиона, установили пограничный столб и шлагбаум. Четким строевым шагом воины-пограничники заняли свои боевые посты.

Полк отвели далеко за Выборг, где и расквартировали в каком-то заброшенном поселке.

Настали обычные, не раз изведанные дни ожидания: когда же придет приказ о выступлении на новый фронт. А пока что подразделения приступили к боевой подготовке.

Вовсю заработала баня. Баня - это особый предмет забот интендантов и медиков. Только в такие дни, когда полк собран воедино и противник далеко, они могут как следует развернуться. Парились подолгу, рассматривали друг у друга боевые шрамы на белых, забывших солнечные лучи телах.

Осенью здесь, вдали от населенных пунктов, было очень уныло. Заглянувший как-то командующий похвалил наш полк и прислал вскоре после своего посещения армейский ансамбль песни и пляски, но большего и он, наверное, сделать не мог.

Гвардии подполковник Кузьменко, который был доволен похвалой командующего, только похаживал по территории и улыбался: "Ждите!"

Ждали.

Приезжие артисты ансамбля только разбередили надежно сидевшую в солдатских сердцах тоску по дому, по женской ласке. В один из таких дней ко мне прибежал возбужденный Иван Комаров.

- Слушай, передай мне в батарею всех твоих связистов!

- То есть как? - это было так неожиданно, что я даже его не понял. И так во взводе управления не хватало специалистов, а тут обученных людей отдать в огневики! Ничего не скажешь - силен Иван Комаров!

- Понимаешь, временно. - Лицо Ивана приняло заговорщицкий вид. Понимаешь, там, во фронте, для пополнения имеются только одни связисты. Вот ты мне и передашь временно всех своих в огневики, а потом, когда придут люди поменяемся. Давай, действуй!

Я совсем не торопился действовать. Больше того,

предложение лучшего друга мне совсем не понравилось.

- Иван, как я могу это сделать? Они ведь почти все в полку с первого дня. А мы с ними мудрить начнем - обидятся наверняка.

Но это же был Комаров.

- Я тебе еще не все сказал. - Он пригнулся к моему уху. - Точно известно, все связисты девчата! Радистки, телефонистки...

Теперь и я опешил,

- Вот оно что... Никогда бы не подумал. Так значит, у нас в полку будут девушки?! Возьмешь трубку, а она: "Мимоза", "Мимоза"!.. Я - "Роза"! Я "Роза"! Здорово. - Я засмеялся. Комаров тоже. Он был уверен, что сумел меня уговорить. Но идти на такую авантюру я, конечно, не мог.

- Слушай, Иван! Ты знаешь, что я для тебя все сделаю, но только не это. Я очень уважаю женщин медиков, снайперов, связисток в армейском тылу, но поднимать снаряды в полцентнера весом, носить за много километров тяжелую рацию с катушками женщины, как правило, не могут. Поэтому их и не назначают к нам в полк. Да и вообще вся эта ваша затея...

Но, кажется, до него не дошло.

- Да кто же их заставит таскать? Собака ты на сене!.. Сам не ест и другим не дает! - разъяренный Иван хлопнул дверью.

...Подошли Октябрьские праздники.

В холодном дощатом домике, все убранство которого состояло из нескольких столов и стульев, организовали совместный офицерский обед. Выпили по полстакана какого-то мутного спирта, привезенного Военторгом. Потом пошли разговоры. Настроение у всех было приподнятое. Неожиданно майор Васильев, отвалившись на спинку стула и закинув руки за шею, мечтательно проговорил:

- Ну что за праздник без танцев? А танцевать без дам... - И вдруг, повернувшись ко мне: - Ты великий разведчик. Чтобы такое дело разведать - ты, конечно, слабоват!

Докатились!.. На фронте, и говорить о каких-то танцах. Да еще с дамами. Скажи Васильев такое в 1942 году, его бы в лучшем случае на смех подняли.

Я вспомнил, как на днях, наведавшись в госпитале к Рымарю и Ефанову, разговорился с медиками. Одна все жаловалась на скуку. Раненые почти не поступали, работы немного... Приглашали на праздники. Что, если их самих пригласить?

- Сорок минут, - сказал я. Васильев не сразу понял, переспросил. Я сказал о госпитале.

- Далеко?

- Километров десять - пятнадцать.

- Дорогой мой! Да это же замечательно! - Васильев

восхищенно засмеялся и бросился к столу. Он считал, что меня надо еще подогреть на дорогу. - Давай езжай, прямо сейчас же!

Ехать со мной вызвался Комаров.

- Ладно, - согласился Васильев, - только не задерживайтесь. Времени у нас не так уж много.

Мы торопливо зашагали к дежурной машине в парк. Смеркалось, когда мы подъехали к госпиталю. - Все-таки запросто могут нас отсюда шибануть! - сказал Иван.

И правда, пожилой солдат у ворот встретил нас весьма недружелюбно:

- Кого еще надо?

- Не видите разве? К начальнику госпиталя как пройти? - мы прорвались мимо грозного стража и зашагали по дороге, ведущей в глубь территории.

- Если к начальнику, то направо! - донеслось сзади.

Теперь меня начали одолевать сомнения.

- Знаешь, я и в лица-то их как следует не помню.

- Как же искать-то их будем?

- Расспросим. Пойдем вот к тому домику с огоньком. Мы подошли к небольшому двухэтажному дому и осторожно заглянули в просвет между занавесками.

Несколько девушек хлопотало в комнате. Одни причесывались у зеркала, другие занимались уборкой.

- Сержанты! - негромко сказал я. Что-что, а госпитальный-то опыт у меня был немалый. - Самый толковый народ в госпитале. Скорее всего, палатные сестры.

- Значит, попали куда надо!

Оказывается, в этих домах великолепная слышимость. Девушки подбежали к окну и раздвинули занавески.

- Кто там? Заходите!

Ободренные, мы направились к входной двери.

- Пока поднимайтесь наверх, сейчас у нас уборка. Девушка повела нас по крутой и узкой деревянной лестнице. Оставила в малюсенькой спальне, а сама убежала.

- Ждите здесь!..

- Ну, девушка - сила! - Иван толкнул меня в бок локтем.

- Вот и ухаживай! Я-то в этом деле теперь нуль.

- А когда ты был не нуль? - Теперь мы говорили почти шепотом, приглушая смех, зажимали рты ладонями.

Заслышав шаги, оба замолчали. Девушка представила нам подружек.

- Валя, Таня...

- Мы приехали к вам познакомиться и пригласить к нам на праздник, если, конечно, можно, - выпалил Иван.

Девушки покачали головами, зашептались между собой.

- Нет! Сразу так мы не можем, - объявила та, что встречала, кудрявая, с веселыми голубыми глазами по имени Валя. - Когда-нибудь потом, может быть. Но если хотите, то приезжайте со своими товарищами.

Мы быстро договорились. Иван пообещал принести патефон.

- Слушай, - сказал я Комарову на обратном пути, - зачем патефон обещал?

- А что?

- У него же, я помню, пружины нет. Иван махнул рукой:

- Он и когда пальцем крутят, хорошо играет.

...Вечер получился на славу. И даже то, что пластинки крутили пальцем, не помешало общему веселью.

В небольшом полуосвещенном от движка зале нас встретила гурьба девчат. Наши поначалу смущались, но понемножку ожили.

Я не собирался танцевать. Присев, я стал беседовать с медсестрой Таней.

В это время в зал вошли две женщины. Одна из них - младший лейтенант медицинской службы, высокая, статная, в облегающем форменном платье, с короной золотых волос, синими глазами и какой-то особенно свежей и яркой кожей лица невольно привлекла всеобщее внимание. Наверное, она привыкла к этому и держалась подчеркнуто строго. Вторая - старший лейтенант лет тридцати с орденом Красной Звезды и медалью "За боевые заслуги" на высокой груди, была миловидна, улыбчива. К ней сразу подлетел Васильев, приглашая танцевать. Они вышли на середину зала и закружились, Васильев что-то говорил и говорил ей, не переставая.

Комаров не отходил от Вали. Худенькая, с развевающимися кудряшками, она выглядела очень трогательно рядом с громадным Комаровым.

"Ишь разошелся!" - довольный за приятеля, я смотрел, как весело танцует Иван. И вдруг заметил, что высокая красавица блондинка, начавшая тоже танцевать, удивленно поглядывает на меня и чему-то улыбается.

"Что это она?!" - я почувствовал себя неловко и отвел глаза.

Веселье разгоралось. Вот на середину зала вышел гвардии майор Васильев и весело прокричал: "Танцы до упаду!.." Блондинка села неподалеку от нас с Таней, но уже не улыбалась, а только взглядывала на меня своими строгими синими глазами.

- Наш комсорг Катя, - сказала Таня.

- Она что, тоже палатная сестра?

- Старшая сестра. А вообще она везде... Я невольно залюбовался точеной фигурой девушки. - А спортом она не

занималась?

- Волейболистка, кажется.

Ненадолго прервались, чтобы провозгласить тост в честь Октябрьской революции и победы, и снова принялись танцевать. В зале загремела любимая песня гвардейских минометчиков - "Катюша".

- Дамы приглашают кавалеров! - вдруг громко скомандовала младший лейтенант Катя и направилась прямо ко мне.

Смутившись, я встал, и мы пошли танцевать. Потом девушки проводили нас далеко по Выборгскому шоссе.

Впереди, бережно поддерживая под руку Валерию Николаевну, шел Васильев. За ними Иван с Валей, последними Катя и я.

Катя преподнесла мне настоящий сюрприз.

Оказывается, она была в Центральном парке на нашем матче в субботу перед войной и сейчас меня сразу узнала.

- Иван, Иван! - я несколько раз принимался звать друга, но он лишь досадливо отмахивался.

- Я тебя на многих играх видела и, когда вошла сегодня в зал... Ты представляешь, как удивилась.

- А Мишку Будкина не помнишь? Среднего роста такой. Он у нас на пятом номере всегда стоял. Шел передо мной...

И осекся, радость мою точно ветром сдуло.

- Если увижу, то, конечно, узнаю.

- Мишку уже не увидишь. Погиб он в первый день, как на фронт прибыли...

- Все-таки замечательная встреча! - сказала Катя. - Знаешь, мы тут, может быть, простоим еще несколько дней. Приходи, если сможешь.

И снова я смутился. "Сказать ей сейчас, что женат? Глупо как-то получится..."

- А девчата говорили, что в обычные дни к вам нельзя? - только и нашелся я.

- Тебе можно...

Наконец все очень тепло распрощались.

- Хозяйство Пакельман! - Васильев указывал на стрелку с крестиком и такой надписью. - Сдается мне, что мы и дальше будем воевать рядом. Так что, если кто встретит эту указку, заезжай обязательно! Так сказать, для поддержания контакта.

Когда же придет приказ о выступлении? Немного повеселев за праздники, мы снова приуныли.

Однажды утром, заглянув в штаб, я наткнулся на Ивана Захаровича.

- Ты что понурый такой? - окликнул он меня. - Сейчас я вас

всех развеселю!

На совещание собрали весь офицерский состав, в сарае, приспособленном под зал заседаний, было тесно. Мы уже догадывались, что командир полка объявит о предстоящем выступлении полка.

Так оно и было. Но куда?

Подполковник Кузьменко бросил в напряженный до предела зал, наверное, давно подготовленную, - чтобы и военную тайну не выдать, и питомцев своих обрадовать, - фразу:

- Едем туда, куда птички зимовать летают!

- Ура-а-а!!!

Лесистый снежный север всем надоел. Хотелось на юг, на простор, и теперь, кажется, мечты сбывались. Командир полка сделал движение рукой:

- Группе квартирьеров сегодня убыть в распоряжение начальника штаба артиллерии. Эшелон штаба отправляется в 20.00. Старшим группы назначаю... - и он назвал мою фамилию.

Снова радостный шум и крики, теперь уже обращенные ко мне.

"Вот повезло, что Иван Захарович на меня наткнулся!" - пронеслось в мыслях. Штаб, возможно, заедет в Москву. Значит, мать, Юрка, а возможно, и Таня...

Командир полка уже отдавал распоряжения:

- Командирам дивизионов и отдельных подразделений завтра в 12.00 представить мне на утверждение планы погрузки в эшелоны.

Глава восьмая. На Запад

Ночью, удобно устроившись на нарах постукивающей по рельсам теплушки, я уже мечтал о предстоящей встрече со своими. Рядом, уткнув головы в вещевые мешки, спали Черепанов и Федотов. Я убедил командира полка, что обойдусь своими людьми.

Утром, когда эшелон остановился на какой-то маленькой станции, я с изумлением узнал, что мы находимся в Белоруссии.

- Как же так? Куда же мы едем? - я недоуменно уставился на железнодорожника.

Тот перечислил Гомель, Овруч и другие станции на пути.

- А Москва?

- Далеко влево остается. Хотя, может быть, в Гомеле повернете.

Но в Гомеле мы не повернули. Эшелон мчался все дальше и дальше, к украинским фронтам, на юг.

"Белоруссия родная, Украина золотая..." - напевали мои

спутники, когда эшелон шел по освобожденным землям страны. Вскоре по вагонам состава разнеслось: едем в Польшу, на Первый Украинский фронт.

Наши обязанности как квартирьеров оказались несложными. Начальник штаба артиллерии армии обвел карандашом на карте одну из многочисленных небольших рощиц и написал в центре: "70-й ГМП". Нам предстояло выехать в этот район, определить на месте, где разместить дивизионы и другие подразделения полка, выбрать надежные подъездные пути, вернуться и доложить начальнику штаба, а затем ехать встречать полк.

Во второй половине декабря мы прибыли в польский город Жешув встречать свои эшелоны.

Пока я узнавал порядки на станции, разведчики бродили в поисках жилья.

- Не дальше пяти минут ходу от станции, - предупредил я их.

Вскоре прибежал Черепанов. - Подыскали! - усмехаясь, доложил он. - У капиталиста какого-то будем жить. Владельца завода. - Черт с ним! А далеко? Рядом. Прямо за углом.

- Что ж, поглядим, как живет паразитический класс. Паразитический класс жил неплохо. Большой двухэтажный дом, комнат из двадцати. За высокой железной оградой небольшой сад. Позади дома сараи и гараж. Сухонькие пожилые хозяин и хозяйка встретили нас с подобострастным доброжелательством. Отвели две светлые комнаты на втором этаже. Мы быстро перезнакомились со всеми обитателями дома. С хозяевами и слугами.

Чувствовали себя на новом месте совсем неплохо, пожалуй, даже уютно. Чуть потрескивали дрова в покрытой белым кафелем голландке, извивались, поднимаясь к потолку, две синенькие струйки папиросного дымка, текла неторопливая и самая заурядная беседа.

- А ничего готовит здешняя кухарка.

- Ничего... У нас, пожалуй, никто так мясо не поджарит. Даже Шилов.

- Так и не удалось с Таней-то повидаться?

- Ничего не попишешь. Не удалось...

- Знать бы, что полк не скоро прибудет, да и махнуть бы вам с Юрой в Москву на пару деньков.

- Ты скажешь...

Помолчали.

- А где это вы праздновали седьмого ноября?

- Так, в одном месте...

- Знаю! - Николка оторвал голову от подушки. - В госпитале, где Рымарь раньше лежал. Не могли уж меня прихватить.

- Не было тебя под рукой. А откуда ты знаешь, куда мы ездили?

- Что я, не разведчик, что ли! - Федотов хитро заулыбался. - Говорят, там у вас землячка мировая объявилась? Такая статная да красивая...

Чего-чего, а этого я не ожидал. Раз уж Федотов таким тоном заговорил, то и другие тоже невесть чего могут болтать.

- Понимаешь, - сказал я, словно бы оправдываясь, - оказывается, мы раньше были знакомы, в волейбол в парке вместе играли. Ну, вот так случайно встретились и разговорились...

- А зовут-то ее как? - голос Федотова зазвучал совсем вкрадчиво.

- Никак!.. - я резко отвернулся от Федотова. Черт знает что такое. Ну, встретились, поговорили. Эко дело! Я и сейчас был не прочь повидаться с Катей, тем более что в городе я заметил указку их госпиталя.

А Федотов тянул свое:

- Хозяйских дочек видели?.. Симпатичные... Я промолчал.

- Вы не спите? Через три двери их комнаты начинаются. Я у них перед обедом посидел. Сигаретку их выкурил. А одеты-то как? Вы не спите?

- И здесь уже поспел! Ну, как одеты?

- В хромовых сапожках на каблучках и бриджи такие аккуратненькие. В жилетках и белых блузках шелковых...

- Что это за наряд такой?

- Вот и я удивился. Веселые! Смеются все время. На Новый год у них музыканты будут - я танцевать с ними договорился...

Я решительно повернулся.

- Вот что! Давай-ка я с тобой индивидуально "Директиву об отношениях советских воинов с населением" проработаю. Чувствую, ты мне наколбасишь тут!

- Ладно, не надо, - сник Федотов. - Сам помню. В дверь постучали. Вошел один из служителей, сносно говоривший по-русски:

- Пани хозяйка просит разрешения прийти до пана офицера.

- Прошу! - сказал я, торопливо натягивая сапоги.

С легким кокетливым поклоном и улыбкой вошла хозяйка:

- Может, пан офицер согласится спуститься в гостиную. Его ждет святой отец - настоятель местного собора. Ксендз перед праздником обходит свою паству и сейчас находится в доме.

Вот уж чего я совсем не ожидал. И зачем я ему понадобился? Я спросил, в чем дело.

- Пан ксендз преклоняется перед величием российской армии и хочет сказать об этом сам пану офицеру.

Вот как ловко завернула хитрющая старушонка. "Преклоняется..." Попробуй после этого отказаться.

- Ну, раз очень... - я с неохотой кивнул. "Ничего страшного, если и посижу несколько минут с этим ксендзом. Интересно, что он там будет гнуть. И Крюков и Чепок тоже бы, наверное, сходили", - старался я себя успокоить.

Вслед за хозяйкой я сошел вниз. Навстречу поднялся ксендз, пытливо взглянул мне в глаза и неожиданно протянул руку для пожатия. Потом он взмахнул широченным рукавом, приглашая садиться.

Я молча сел, и хозяйка захлопотала, придвигая чашечку с кофе и бисквиты, которыми до этого угощался "святой отец".

Приняв непринужденный вид, я взглянул на ксендза. Совсем не старый, лет за тридцать, не больше. Ростом с меня, а в плечах куда пошире. Макушка бритая блестит. Я решил первым не заговаривать.

Священник не спеша наполнил тонкие рюмки:

- За успехи великой русской армии и Войска Польского!

Я с изумлением поднял свою рюмку.

- За здоровье маршала Сталина!

Разве можно было иметь что-нибудь против такого тоста?

Оказалось, ксендз неплохо владеет русским языком. Как-то мягко выговаривая слова, он принялся мне рассказывать о Польше и ее культуре, Мицкевиче, Шопене и Сенкевиче, Копернике и Склодовской. Потом перешел к исторической дружбе между польским и русским народами.

Я опасливо, но со вниманием слушал его, а про себя думал: "Поливай, поливай, чертов иезуит! Нас ты не сагитируешь!.." Мне очень хотелось сказать ему что-нибудь сокрушительно-антирелигиозное, но ничего путного в голову не приходило.

Так мы и сидели, а ксендз время от времени подливал в рюмки. Наконец он начал собираться.

- Надо идти посетить других прихожан - так он мне объяснил.

Я, в свою очередь, склонил голову к плечу и, приложив ладонь к щеке, показал, что лучше всего ему идти спать.

Ксендз весело закивал.

Мы встали. Хозяйка с восхищением заметила, что вот так, когда мы стоим рядом, то польский ксендз и русский офицер чем-то похожи друг на друга. Это было уже слишком.

- Макушку только осталось побрить! - ответил я ей, засмеявшись, чтобы было понятнее, пошлепал себя по затылку. Официальная встреча была, как я считал, успешно завершена.

Когда я вернулся в комнату, Федотов крепко спал. Сон мой разогнало, ложиться не хотелось, и я надумал прогуляться и

осмотреть город. По дороге зашел на станцию к Черепанову. О наших эшелонах еще ничего не было известно.

От вокзала к центру города вели грязноватые проулки с невысокими домами, сновал трудовой люд, женщины с кошелками. Вдалеке дымили заводские трубы, и мне захотелось отыскать и осмотреть завод нашего хозяина, чтобы сравнить, как же работают у нас и у них. Ведь теперь я уже немало разбирался в этом. Но где находится его завод, я не знал и решил отложить свое посещение до следующего раза, а пока неторопливо шел к центру Жешува. Не было заметно разрушений, следов бомбежки, о том, что идет война, напоминали лишь многочисленные армейские грузовики, проносящиеся по улицам, да солдаты и офицеры, как ни в чем не бывало гулявшие по городу. В основном это были работники тыловых служб - интенданты, ремонтники, медики. У многих на погонах были авиационные эмблемы - в этом районе стояли части дивизии Покрышкина. Я с любопытством посматривал по сторонам. Все-таки заграница!.. На перекрестке центральной городской улицы маячила знакомая указка: "Хозяйство Пакельман", и теперь я уже знал, куда мне идти. Если привокзальные улицы никак нельзя было назвать чистыми, то здесь, в центре, был порядок. Тротуары тщательно разметены. Более степенно и нарядно выглядели поляки. Наверное, это были чиновники и торговцы. Стучали высокими каблучками кокетливые горожанки. Прошло несколько монахинь.

И когда я на противоположной стороне улицы неожиданно заметил Катю, то не очень и удивился, как будто так и должно было быть. В аккуратно подогнанной шинельке, в меховой, чуть сдвинутой набок шапке, она горделиво шла по тротуару. Все-таки красивее наших женщин нет! Прохожие - мужчины и женщины, оборачиваясь, глядели ей вслед. Катя, казалось, ни на кого не смотрела, но меня увидела сразу. Такая же изумленная улыбка, как тогда, в зале, радостный взмах руки. Мы горячо поздоровались и медленно пошли в ту сторону, куда она направлялась.

До позднего вечера мы проблуждали с Катей по городу, ни на минуту не умолкая, - говорили о Москве, О том, какая жизнь настанет после войны. Потом зашли в госпиталь, и я познакомился с их грозной начальницей - майором Пакельман. По рассказам девушек еще под Выборгом, я знал, что она не очень-то приветлива. По всему было видно, что Катя пользуется здесь большим уважением. Потом меня пригласили поужинать, а я, в свою очередь, позвал Катю к нам на Новый год.

Но вечером, накануне праздника, прибежал Федотов, дежуривший на станции, и сообщил, что прибыли наши.

Стоя на заснеженном перроне, мы вглядывались в огни приближавшегося состава.

Пуская пары, паровоз медленно подходил к станции Жешув. Короткий лязг буферов, и эшелон встал.

А вот и Иван Захарович. Командир полка, степенно выбравшись из автофургона, в котором жил, спрыгнул на пути.

Он крепко пожал мне руку, и мы пошли вдоль вагонов.

С этим эшелоном прибыли штаб полка и дивизион Васильева. И месяца не прошло, а мы уже соскучились по своим. Еще издали увидел весело улыбавшихся Васильева и Чепка. Из соседней теплушки вдруг закричал Иван:

- Причитается! - и щелкнул себя по горлу.

"С чего бы это? В честь Нового года или что полк встретил? - подумалось мне. - Но все равно! В любом случае, так и быть..."

А вот и Рымарь! Значит, вылечился и вернулся в полк. "Только почему с ним и Женя Богаченко? - снова удивился я. - На время моего отсутствия его к ним приставили?"

Как бы отвечая на мои мысли, командир полка сказал:

- Дождемся остальных, и тогда поведешь. Кстати, ты назначен командиром шестой батареи.

Это было неожиданно. Как с неба свалилось. Но ведь гвардии старший лейтенант Портной был неплохим комбатом.

- Как, а Портной? - вырвалось у меня. Иван Захарович, улыбаясь, развел руками.

- Запросили желающих на курсы топографов. Оказывается, ему давно хотелось...

Теперь у Васильева батареями командовал я и Комаров. Что ж, для меня это была немалая радость. В училище мечтал командовать батареей. Водить в бой подразделение и самому решать, как лучше громить врага.

- А Богаченко на твое место. Как думаешь, справится он? - Кузьменко засмеялся. - Боюсь, что будет храбрым сверх меры.

- Справится, товарищ гвардии подполковник! - горячо заверил я, а сам подумал, что Женю действительно стоит предупредить, чтобы не лез на рожон, куда не надо.

- Да! - вдруг вспомнил командир полка. - Какого это вы художника за собой по НП везде таскаете?

- Он сам из разведки никуда не хочет, товарищ гвардии подполковник.

- Который из них? - Кузьменко взглянул на вытянувшихся в сторонке Федотова и Черепанова. - Этот, что потемнее?

- Да...

- Сегодня же направить в штаб полка. Колонна выезжала со станции Жешув. Я сидел в кабине первой установки. Внезапно сорвавшееся с моих губ восклицание заставило хмурого водителя боевой машины Царева удивленно взглянуть на нового командира батареи:

- Опасаетесь, что поп дорогу перейдет?

- Точно...

Окруженный своими прихожанами, на перекрестке стоял знакомый ксендз. Он благословлял проходившие мимо "катюши" - великое оружие Советской Армии.

Переехали мост через Вислу. Миновали Сандомир - старинный город, как и Великие Луки, и так же, как и Великие Луки, почти совсем разрушенный войной. Вскоре одна за другой батареи начали отделяться, направляясь каждая к своим позициям. Сандомирский плацдарм!..

На огромной равнине за Вислой разместились готовые к наступлению армии Первого Украинского фронта. Цель готовящейся операции - разгром немецко-фашистской группы армий "А", выход на Одер и обеспечение выгодных условий для завершающего удара на Берлин.

Опасность нависшего над ними плацдарма враги понимали, и потому к началу 1945 года построили между Вислой и Одером сеть рубежей обороны. Их-то и предстояло штурмовать.

На равнине, повсюду, насколько мог охватить глаз, располагались огневые позиции батарей. Они стояли тесно. Пушки, гаубицы, гвардейские минометы. Заняли и мы свои огневые позиции.

Время от времени, то в одной стороне, то в другой, раздавались глухие взрывы.

- Что это? - спросил меня Комаров. Наши огневые находились рядом. - На выстрелы или разрывы снарядов не похоже.

Я помедлил с ответом, чтобы проверить свою догадку. Снова приглушенный и все же очень сильный разрыв. Сомнений у меня больше не было.

- Землю рвут...

- Под орудийные окопы?

- Конечно! Неохота же мерзлую долбать!

- Давай и мы!

- А маскировка? Не попадет?.. Несколько секунд мы колебались.

- Сойдет в тумане! - оба махнули руками и засмеялись.

Взлетели комья земли от взрыва трофейных противотанковых мин, которые грудами громоздились возле разминированных полей. Через два часа боевые машины уже стояли в окопах полного профиля. Этим же способом оборудовали укрытия для снарядов, щели для расчетов.

- Быстренько управились! - похвалил нас Васильев, вернувшийся из штаба полка. - Даже чересчур!

Пришлось скромно потупить глаза.

- Я говорю, Павел Васильевич, - вмешался капитан Чепок. - Как это решился Иван Захарович спарить этих двоих? Сплошная же круговая порука!

- После обеда пойдем выбирать передовые огневые, - сказал Васильев. - Нам поставили очень серьезную задачу.

Огневые оказались почти на самом переднем крае. И если бы не густой туман, то передвигаться в этом районе было бы небезопасно. Мы пристроились в одной из воронок.

- Вот! - Васильев замерил расстояние по карте. - Стреляем на предельной дальности. А я надеялся отнести огневые метров на семьсот. - Он крепко выругался. Все, склонившись над картой, хмуро задумались. Еще одна неприятная догадка пришла мне в голову.

- Вся беда, что придется здесь стоять не меньше часа!

- Почему? - Васильев быстро вскинул голову.

- Потому что с середины артподготовки к переднему краю потянется артиллерия, обозы, тылы, и дорога будет забита.

- Правильно! Я об этом еще не подумал. В пять утра даем залп, открывая атаку передовых батальонов, - размышлял Васильев. - В десять начинаем общую артподготовку, в десять тридцать - налет по второй позиции, в одиннадцать сорок шесть - залп с этой огневой позиции. Да, придется, наверное, дать там последний залп и сразу сюда.

Самым осторожным и предусмотрительным из присутствующих был, конечно, Бурундуков. Вот и сейчас, несколько раз вздохнув над картой, произнес совсем не то, что, наверное, думал:

- Ничего! Отроете поглубже аппарели да установки расставите подальше друг от друга, авось и пронесет!

- В том-то и дело, что никаких "авось" и аппарелей здесь не выйдет! голос Васильева иногда мог звучать очень неприятно. - Стрелять будем с открытых позиций!

- Как?!

- Так. Пехота перед атакой должна видеть, что "катюши" рядом. Поэтому, может быть, нам и дали такую цель - на предельной дальности.

Было над чем подумать!

- Вечно приходится нянчиться с этой пехотой! - теперь уже не утерпел Богаченко и тоже, как и Бурундуков, невпопад.

Васильев засмеялся, глядя на растерянные глаза его испытанных вояк.

- Пусть он даже совсем подавлен будет - все равно по передовой у него снарядов хватит!

- Местность ровная, паршивого оврага нет. Выставимся посреди поля!

- Не мы одни! - Васильев начал складывать карту. - Весь наш полк выводится вперед. Есть и другие части... Сейчас надо установить колышки для орудий и провешить направление стрельбы. С буссолью возиться не будем.

- Не будем!..

Так окончательно было все решено.

Низкая облачность и туманы содействовали успеху готовящейся операции. К 12 января равнина за Вислой заполнилась войсками и артиллерией до отказа.

Наши огневики не отходили от дороги. На душе было радостно от такого скопления войск. Да и каких войск! К линии фронта проходили Сталинградские, Выборгские, Синявинские и другие прославленные части и соединения. Солдаты весело комментировали:

- Ты скажи!.. Куда ни плюнь - одни гвардейцы.

- Неплохая поддержка будет союзничкам! Фашисты совсем их в Арденнах зажали, а тут мы как ударим!

- И здорово ударим...

В 5.00 небо раскололось на многочисленные сверкающие полосы: ударили "катюши". После 15-минутного налета артиллерии и минометов в бой бросились передовые батальоны.

- Хорошо началось! - сообщил вернувшийся с передовой Васильев. - С ходу овладели первой траншеей. Правда, перед второй пришлось задержаться. Сплошные минные поля, да и заградогонь очень сильный. Но все равно начало неплохое, надо думать, что промашки не будет.

Теперь все с нетерпением ждали, когда стрелки часов покажут десять.

Конечно, время тянулось очень медленно. Командиры установок в который раз принимались дергать снаряды за хвостовики, проверяя надежность крепления.

На состоявшемся вчера открытом партийном собрании командирам орудий досталось от Васильева за участившиеся случаи несхода снарядов с направляющих.

Всю ночь расчеты зачищали штифы на снарядах, контакты. Перебрали и проверили даже снаряды, находящиеся в штабелях.

- Боятся опозориться, - улыбнулся подошедший гвардии капитан Чепок. Наконец, вот и десять.

- Смерть фашистским оккупантам!.. Огонь!

Внезапным смертоносным громом взметнулся Сандомирский плацдарм. Тысячи и тысячи снарядов устремились на фашистские позиции.

...По показаниям пленных фашистских офицеров и генералов, эта артподготовка была настолько сильной, что разметала части не только первого эшелона, но и резервы, придвинутые по указанию Гитлера непосредственно к главной полосе обороны.

Когда прогремел наш залп и работала только артиллерия, мне невольно вспомнился завод, днем и ночью неумолчно стучащие прессы и станки. Да, не зря поработали там, в тылу, мои товарищи. А сколько таких заводов в стране! Сотни орудийных стволов, методически и непрерывно слали снаряд за снарядом по врагу.

Меня позвали к телефону. Звонили разведчики. Перебивая друг друга, они что-то кричали наперебой.

"Раз позвонили, значит, дела неплохие", - обнадеженно подумал я и крикнул в трубку:

- Чувствую, что у вас порядок!

- Порядок! Собираемся переходить! - голос Федотова прямо

звенел.

- Не рано ли?

- Нет. Кончайте там палить. Я взглянул на часы. Было 10.27.

- Наблюдайте! - крикнул я разведчикам.

Огнем дивизиона командовал Васильев. Вот он выбежал и взмахом руки скомандовал дивизиону - на выезд.

Я бежал вдоль машин. Одна, вторая, третья, четвертая. Теперь вперед за пятой батареей.

Движение к линии фронта уже началось, но дорога не была забитой, как я опасался. Сказывалось то, что на плацдарме дорог было несколько, а по целине неплохие колеи проложили танки. Дивизион обгонял отдельные автомашины, повозки.

"А где же раненые?" - подумал я, осматривая дорогу. Только уж под конец попалась санитарная машина, внутри которой сидело несколько бойцов с белыми повязками.

- Ну и комфорт! Прямо с передовой и сразу в санитарках!

В прежние годы несли на носилках, брели, опираясь на плечи товарищей, тысячи наших раненых воинов. Теперь и это в прошлом.

Пятая батарея, с которой ехал и Васильев, свернула в поле.

- За ней!

Немногословный Царев вывел машину точно на колею установок Комарова.

Еще немного по целине, и машины замерли на огневой позиции, устремив свои направляющие высоко в небо. Предстояло ведь стрелять на предельную дальность. Расчеты укрылись в небольших, заранее отрытых щелях, только командиры орудий и водители остались на своих боевых местах в кабинах.

Белая равнина, разрезанная черными зигзагами траншей, усеянная бесчисленными пятнами свежих воронок. Прямо, метрах в ста, темнела наша первая траншея. За ней неширокая, метров в двести, нейтральная полоса. А еще дальше сплошное, поднимающееся до самого неба море разрывов, дыма, снежной и земляной пыли, огня. Там еще были фашисты.

Их уцелевшие батареи продолжали огрызаться. Десятка два снарядов разорвались вблизи огневой позиции дивизиона. Не причинив вреда, осколки звонко простучали о металл совсем не защищенных машин.

А вот у второго дивизиона, расположившегося метрах в двухстах правее нас, дела были куда хуже. Там горела установка. Отчаянно рискуя, Баранов с командиром батареи и двумя сержантами снимали снаряды. Остальные установки этой батареи, быстро отъехав, остановились невдалеке от наших огневых. К пострадавшей устремился гвардии капитан Чепок.

Худой, длинноногий, издали напоминавший бегущую цаплю, он понесся по полю к горящей машине.

А до залпа осталось уже около пяти минут. Васильев вышел чуть правее направления стрельбы, и следом за ним, чуть правее своих батарей, и мы с Комаровым. Васильев .поднял руку, за ним подняли руки и мы.

Я еще раз пробежал глазами по боевым машинам. Все было в порядке и наготове.

- Огонь!

- Огонь!

Высоко в небо ушли огненные смерчи.

Не сошел снаряд у Меринкова. Командир орудия еще раз прокрутил рукоятку пульса, и последний снаряд, скользнув по направляющим, унесся догонять своих собратьев.

- Ура-а-а!!! - мощно разнеслось впереди.

Войска Первого Украинского фронта двинулись на Запад.

Батареи вернулись на свои огневые. Теперь предстояло ждать, пока не пройдут вперед соединения первого эшелона, заполнившие в этот момент дороги на Запад. Наши войска, прибывшие с Ленинградского фронта, по замыслу операции, должны были использоваться для дальнейшего развития успеха. А это означало, что двинемся мы не раньше ночи.

Бой шел уже далеко. Гул канонады постепенно отдалялся. На горизонте, ширясь, вставало зарево.

Подкатила машина разведки. Богаченко выскочил из кабины и, приветливо помахав мне рукой, направился разыскивать Васильева. Из крытого кузова попрыгали разведчики.

Мне невольно подумалось, что вот и не подойдут ребята. Но они подбежали прямо ко мне.

- Где же вы побывали?

- Далеко забирались, - сказал Федотов. - Побитых навалом, техники тоже. Деревни горят.

- А в каком направлении мы пойдем? - выглянул Петя Шилов из-за спины Федотова. - На Бреславль или на Кельцы, что ли?

- Еще не известно, Петя. Сначала, может быть, на Краков двинем. Смотря как все сложится.

- На Краков? Это бы хорошо.

- Еще бы, старая столица Польши.

К огневым вдруг подъехала машина второго дивизиона.

Я совсем забыл о замполите. Побежав на помощь расчету горящей установки, он так и не вернулся. В этом не было ничего особенного. Он мог возвратиться на другие огневые позиции. И вот он прибыл - мертвым! Оказалось, что после залпа в расположении второго дивизиона разорвалось еще несколько

снарядов. Осколок одного из них сразил Чепка.

Читатель знает, что заместитель командира дивизиона по политической части гвардии капитан Чепок пришел в полк еще в первые дни его формирования. Он отлично знал всех воинов нашего дивизиона, по-отечески их опекал. Многих, в том числе и меня, рекомендовал в партию. Я, воевавший с ним с первых дней, вообще и не представлял без него наш дивизион.

Долго стояли мы у дорогой могилы. А потом остался у холмика один Васильев. Они с замполитом были друзьями. Но тяжело, необыкновенно тяжело было всем.

Только под утро в прорыв двинулись соединения второго эшелона. Дорога на запад снова заполнилась. Негромко переговариваясь и мерно вздымая снежную пыль под ногами, шагали вперед стрелковые батальоны. Двинулась артиллерия. А с рассветом пришел, наконец, и наш черед. На запад, на мерцающее красно-розовыми бликами зарево. Быстро миновали усеянную вражескими трупами и останками танков, пушек и тягачей главную полосу обороны фашистской армии.

Дальше пошли места, меньше пострадавшие от прошедшей военной грозы. Открылись поля, чистые, застеленные снегом, ухоженные, аккуратные рощицы, деревеньки, уцелевшие от огня и снарядов. Первые вызволенные от фашистского ига жители. Еще пугливо озираясь по сторонам, запинаясь и волнуясь, они пытались разговаривать с нами. Пробовали произносить непривычное для них слово "товарищ".

Немало нагнали на них страху гитлеровцы. "Там фашист!.. И там! И там!.." испуганно показывали поляки по сторонам. Но все было тихо, и они смелели:

"Вшистко капут Гитлеру!" - и начинали улыбаться.

Вскоре дивизион встретил гвардии майор Васильев, сообщил:

- Наша дивизия вступила в соприкосновение с отходящими частями противника и теснит их в этом направлении. - Он показал на карте две разграничительные линии, отметив, что одна из них проходит через северную окраину Кракова. Необходимо быть готовыми к отражению внезапного нападения, разрозненные группы отступающих - повсюду.

Сокрушив и окончательно разгромив несколько группировок врага, наши части на пятый день наступления вышли к Кракову.

Огромный Краков был от нас в четырех километрах. Я приказал старшему сержанту Гребенникову расположить батареи строго от дома к дороге.

- Будем фашистов из Кракова выкуривать! Цыганистый, ловкий Гребенников, исполнявший обязанности старшего на батарее, стал выполнять приказ.

подавая звонкие команды.

- Это чья батарея? - к нам направлялся приземистый полковник, позади него шел наш командир полка.

Надо было доложить. Кузьменко глазами показал на полковника.

- Товарищ гвардии полковник! Шестая батарея Выборгского, краснознаменного... - я лихо перечислил звания и ордена нашего доблестного полка, - изготовилась для стрельбы по обороне противника в Кракове.

- Не позволю! Кто разрешал?! - голос полковника зазвучал на самых высоких тонах. - Разрушать одну из древнейших столиц? Кто разрешал?..

Это было удивительно и неожиданно. Брать разрешение, чтобы стрелять по фашистам! Ничего себе! "По своим городам стреляли! Стреляли с обливающимся кровью сердцем!" - хотелось ответить этому полковнику, но с ним был командир полка и я лишь сказал:

- Пока только направили установки, а так ждем разрешения...

Вообще-то я в принципе тоже был за то, чтобы не разрушать понапрасну старинный польский город.

- Никакого разрешения не будет! - полковник снял папаху и обтер лоб. Он обернулся к Кузьменко: - Дайте указание своему полку - без особой команды по Кракову не стрелять, - уже более спокойным тоном добавил он. - Сохраним этот красивый город. Тем более что не позднее чем завтра он все равно будет взят.

Кузьменко откозырнул.

- Но по подступам-то можно? - не удержался я. - Там же фашисты засели!

- Можно, и только как исключение, этой батарее! А вы персонально отвечаете, чтоб ни один снаряд не попал по городу.

Не стрелять так не стрелять!

- Устроились с ночлегом, старшина? - теперь только и осталось, что заниматься хозяйственными вопросами.

Стройный и подтянутый, всегда чисто выбритый, гвардии старшина Кобзев почтительно кивнул:

- Все в порядке, товарищ комбат. - Он повел меня в дом, где разместились расчеты.

- Кухня была?

- Была. И с кухни покушали, и так кое-что, - блеснул золотым зубом старшина. - Сами знаете, что с едой сейчас не проблема.

Стоило только посмотреть на сытые довольные лица батарейцев, чтобы вполне согласиться со старшиной.

- Много офицеров из штаба приехало. Помпотех, доктор, начхим и с ними еще...

- Ну, организуй питание.

Кобзев только улыбнулся. Он подвел меня к следующему дому.

- Здесь все наши. Оба дома по соседству. Пожалуй, хватит и одного поста.

- Из двух человек в смену.

- Есть...

И не такое уж большое подразделение батарея, а и в ней много людей, не связанных непосредственно со стрельбой. Это и старшина, и санинструктор, химинструктор, внештатные ординарцы, сапожник и другие лица. Все они, как правило, держатся и располагаются всегда вместе. И сейчас эта бригада не спеша устраивалась на ночлег.

Здесь же находились и прибывшие из штаба офицеры.

- А это что за божьи старушки? - в углу комнаты, где шли приготовления к ужину, сидели четыре женщины, закутанные в платки и черные одеяния.

- Были тут, когда мы пришли, - Кобзев озадаченно развел руками. - Сидят себе да бормочут: "Матка боска, Иезус Мария" да еще что-то. Выпроводить их в другую комнату?

- Пусть себе сидят, а то еще шум поднимут. Начнем спать ложиться - они живо смотаются... Пятая батарея, не знаешь, далеко встала?

- Вот за теми домами.

- Пойду-ка позвоню Комарову, как у него дела... Ужин проходил шумно и весело. Консервы и мясная лапша быстро уничтожались.

- Что же мы старушкам этим ничего не предложим? Может, они голодные?.. Ильчибаев!

Румяный, черноглазый башкир Степан Ильчибаев взял котелок с лапшой, обложенной сверху большими кусками свинины, и стал совать его в руки одной из женщин. Женщина, не поднимая головы, оттолкнула котелок.

- Ильчибаев, ты что им свинину суешь. Это вам теперь, башкирам, все равно, что конина, что свинина. А им, может быть, нельзя! - громогласно подсказал Кобзев. - У них и зубов-то, наверное, нет. Предложи что-нибудь другое.

Ильчибаев отошел обратно к столу.

- Дзинькуем, панове! - Женщина выпрямилась и улыбнулась.

Все сидящие за столом изумленно уставились на красавицу польку, прятавшуюся под старушечьим одеянием.

- И зубки у нее такие, что в любой момент какого хошь мужика загрызут! восхищенно забормотал за моей спиной старшина Кобзев. - Ишь какие ровные да белые!

Подняли головы и остальные три старушки. Две совсем молодые, четвертая чуть постарше. Она, очевидно, была матерью девушек.

Объяснив, что скоро вернутся, женщины, неловко передвигаясь в своих широченных нескладных нарядах, удалились.

И всполошились же все наши:

- Куда же они?

- Хоть бы поели чего!

- Вернутся ли?..

Неожиданное появление женщин так всех поразило, что уже было не до еды.

Начхим полка гвардии старший лейтенант Сауков, высокий, очень подвижный брюнет в очках, поспешно извлек из кармана расческу с поломанными зубьями и осколок зеркала и начал тщательно причесываться. Помпотех, озабоченно повозив ладонью по подбородку, подошел к Ильчибаеву и повлек его за собой в соседнюю комнату.

Женщины вскоре вернулись. В новых платьях и туфлях, они выглядели просто здорово. Мне даже стало неловко за пропитанные маслом и бензином ватные брюки и кирзовые сапоги моих боевых товарищей.

Та, что отталкивала котелок с лапшой, - а она, это было сразу заметно, верховодила среди женщин, - с высокомерной улыбкой взмахнула рукой, показывая, чтобы освободили стол. Все сидевшие поспешно вскочили.

Женщины принесли откуда-то посуду и скатерть и быстро навели порядок на столе. Так внезапно прерванный ужин, теперь уже с участием хозяек, развернулся вовсю. Громко зазвенели рюмки. Откуда ни возьмись появился знаменитый беспружинный патефон.

- Вот горе-то! Когда мы эту шарманку заменим? Даже неудобно, Николай Степанович!

Я наблюдал со стороны за веселящимися товарищами.

- Как тебя зовут? - смешно коверкая слова, ко мне подсела полька, которая командовала за столом. Она заметно раскраснелась и казалась еще более привлекательной.

- Иван.

- Тут все "Иван!" - женщина залилась смехом. - Как имя твое? Как зовут?

Она казалась такой простой и хорошей. И как-то смешно представилась:

- Хелька!..

- Как, как? - я даже не понял.

- Хелька! - и она капризно замотала головой.

- Елена, что ли?

- Хелька!

- Сколько тебе лет?

Хелька выставила сначала десять пальцев, потом восемь:

- Восемнадцать! Какая молоденькая... А муж есть? Хелька закивала и принялась объяснять, что муж ее, хозяин большой мельницы, куда-то убежал при приближении Советской Армии.

Передо мной вырос возмущенный Иван Комаров:

- Не мог позвонить...

- Познакомьтесь, - сказал я Хельке и Комарову. Хелька отчаянно хохотала, узнав, что и второй русский офицер оказался "Иван" и оба мы командиры "катюш".

Хелька не спускала с нас восхищенных глаз. Она нетерпеливо отмахнулась от пытавшегося ей что-то рассказать начхима Саукова и решительно направилась в мою сторону.

- Ты фашистам капут? Краков свободный?

- Скоро будет свободный! - приятно было сознавать, что мы завоевываем свободу для Хельки и ее соотечественников.

Она села рядом и положила ладонь на мою руку.

- Русские - герои!..

- Герои, герои... Э-э... так нельзя! - покосившись на Саукова, я поспешно забрал руку. - Иди лучше туда, к столу. Мне по телефону поговорить нужно...

Я поднялся, а Хелька, видно, не поняв меня, осталась сидеть.

На НП к телефону подошел Васильев.

- Отлично! - как всегда, ответил он на мой вопрос: "Как дела?" - Жду, что сообщит Богаченко. Он - впереди. Вы тоже ждите.

Застелив принесенную солому плащ-палатками, потихоньку улеглись спать все присутствующие. Еще раньше удалились на свою половину женщины. Я сидел и ждал у телефона, чем закончится ночной бой. А рядом упорно сидела Хелька и тоже ждала, когда же я ей скажу, что Краков свободный.

В то время как мы находились на огневых, наши разведчики во главе с Васильевым и Богаченко заняли наблюдательный пункт вблизи Кракова на окраине ближайшей к городу деревни.

Отсюда пригороды Кракова были видны очень хорошо. Где-то у крайних домов проходила оборона противника. Сразу за деревней, в которой были разведчики, стояло несколько длинных сараев. До самых предместий место было открытое, ничем не застроенное. Вдали высокими старинными зданиями вставал Краков.

Было уже около десяти часов вечера, когда около дома, в котором остановились разведчики, одна за другой затормозили

машины. Люди бесшумно выпрыгивали из грузовиков и выстраивались вдоль дороги. Все были увешаны оружием - пулеметами, гранатами, автоматами...

Оказалось, что Васильев уже кое-что знал об этом подразделении. Особый батальон, составленный в значительной мере из офицеров. Подолгу находившиеся в резерве, откомандированные по каким-либо причинам из частей, они рвались воевать и представляли из себя очень боеспособную грозную единицу. Под стать им был и командир батальона - отчаянный с виду подполковник.

Светила луна, кое-где в окнах домов виднелись огоньки. Богаченко выбежал из дома, чтоб поближе рассмотреть построившийся отряд.

Подполковник, одетый в коричневую, как у летчика, курточку, при орденах, был чем-то недоволен, кричал, размахивая руками на двух лейтенантов, застывших в стороне.

- Почему запоздали?! Почему не вовремя сообщили?!

Не слушая объяснений, он шел дальше.

- Ну что? Возьмем Краков? - вдруг крикнул он своему батальону.

В ответ послышалось негромкое, но дружное: "Возьмем!"

Взгляд подполковника упал на стоявшего невдалеке Богаченко.

- А вы что тут делаете? Кто такой? Богаченко поспешно назвался.

- Минометчик? Так отправляйтесь к тем, кому вы приданы! Чего здесь торчите?

- Гвардейский минометный дивизион! "Катюши"! - как можно сильнее выделяя последнее слово, сказал Женя.

- А, знаю. - Он обернулся к строю. - "Катюши" нам откроют ворота Кракова... Где командир дивизиона? Карту!..

Васильев развернул перед подполковником карту, но при слабом свете фонарика карту под целлулоидом рассмотреть трудно, и он вытащил ее совсем.

- В 23.00 дадите залп вот по этой часовне в пригороде и мы сразу ее атакуем, - уже спокойнее сказал подполковник, - Второй залп - вот сюда, острие его карандаша подползло к самой окраине Кракова и нарисовало круг. Ровно через пятнадцать минут после первого залпа. Третий по центру города через два часа.

- Первые два залпа можем, - спокойно сказал Васильев. - Третий - нет. По городу стрелять запрещено.

- Как? Почему? - спросил было подполковник, но, взглянув на часы, заторопился и махнул рукой.

- Представители стрелкового полка здесь?

- Здесь!

- Ведите батальон через ваши боевые порядки?

Вскоре из темноты, поглотившей батальон, затрещали пулеметы и автоматы. Понеслись разноцветные трассы пуль. Но тут же взметнулись стрелы нашего залпа. Тучей пронеслись низко над головами. Блеск недалеко разорвавшегося снаряда.

Недолет! Попадут по наступающим. Богаченко замер, оцепенел. Но батарея уже надежно растворяла ворота Кракова. Забурлило предместье от огненных разрывов, снаряды рушили дома, в которых засели гитлеровские солдаты. Подполковник рассчитал точно. Залп подавил фашистов как раз в тот момент, когда его воины подошли к атакуемому участку. Сейчас батальон, не задерживаясь, в своем стремительном броске, на бегу забрасывал оживающие огневые точки гранатами, расстреливал из автоматов. Канонада уже гремела по всему фронту. Чувствовалось, что Краков атаковали со всех сторон.

И снова, озарив небо, залп обрушился на рубеж обороны противника. Разрывы осветили темные контуры домов и фигурки наших бойцов, мелькавших между ними. Сразу почти прекратился свист пуль над головами. Но после залпа не стало видно людей батальона. Они все растворились в улочках и переулках города, перемешались с другими частями.

Уже начало светать, когда наши разведчики в предместье натолкнулись на батальон и его командира.

Поредевшие шеренги стояли на одной из площадей города. Как и ночью, подполковник сердито расхаживал перед ними. Разведчики как раз подошли к моменту, когда он, повернувшись к воинам, воскликнул:

- Очередь за Катовицами! Возьмем Катовицы?

- Возьмем! - также твердо отозвались его бойцы. Вскоре в город вошли и наши батареи. Одна за другой боевые машины проезжали по улицам.

- Виват! - кричали из раскрытых, несмотря на зиму, окон городские жители. И я весело махал им из кабины шапкой.

Мы сидели на излюбленном месте огневиков - подножке боевой машины - и курили сигары. Громадные трофейные, с палец толщиной, с наклейкой "Гавана". Очень душистые и крепкие, особенно если курить до середины. Дальше она становится чересчур крепкой. Таких сигар мы набрали несколько ящиков. Вообще чего только не бросали гитлеровцы при своем поспешном отходе. Автомобили, мотоциклы, велосипеды, которые нашими солдатами приспосабливались для своих нужд.

Установки стояли в ночной тени деревьев, надежно укрытые от наблюдения со всех сторон. Неподалеку от нас через деревню -

шоссе на запад, по которому в тот момент двигалась большая механизированная колонна.

Круглое добродушное лицо командира орудия Меринкова вдруг посерьезнело.

- Странные какие-то танки! - проговорил он, всматриваясь в смутные очертания проходивших машин.

Уже по самой конфигурации было очевидно, что это не наши танки. Таких угловатых и больших у нас не было. Да и громадных грузовиков, кажется, тоже. Но если фашисты, то откуда без единого выстрела они могли появиться?!

- Пойдем-ка поближе!

От позиции батареи до дороги было метров сто, и мы пошли, напряженно всматриваясь в колонну.

Солдаты сидели на танковой броне, бежали рядом с машинами. Теперь уже не оставалось никакого сомнения.

- Фашисты! - сдавленно вырвалось у меня. - Фашисты уходят на запад. Тихо поднять батарею. Занять круговую оборону!

Меринков, пригибаясь, кинулся обратно к установкам, а я осторожно пошел вперед. "Тигры" с белыми крестами на башнях, окрашенные в светло-желтый цвет, шестиствольные минометы на гусеничном ходу, громадные грузовики. Фашистские солдаты, среди которых было много раненых, проходили в десяти метрах от дома, за которым я стоял. Тихо, без света, без единого лишнего звука, а потому очень грузно. Слышался только приглушенный шум моторов и стук гусениц об асфальт. Было что-то отчаянно-роковое в этом безмолвном движении.

В поселке полно наших солдат, и никто не подозревал о близости врага, не поднял тревоги.

А как поступить? Мысль, что вот сейчас враги развернутся и начнут прочесывать деревню, перебьют, подавят гусеницами все, и в том числе батарею, на мгновение привела в замешательство. Как быть? Отъехать километра на полтора-два, да и дать прямо по деревне? Но ведь задену своих. Подождать, пока вся колонна не выйдет из поселка? Но она растянется по дороге и эффект будет уже не тот. И все-таки надо было ударить вслед - но прежде всего по голове колонны, чтобы затормозить движение...

Я помчался к батарее.

С карабинами, автоматами, двумя ручными пулеметами, гранатами, устроившись, кто прямо за установками, кто за деревьями, а кто и в поле, огневики заняли круговую оборону.

Штаб дивизиона вместе с батареей Комарова находился в стороне, километрах в трех. С ними были и все машины с боеприпасами, за исключением одной, находившейся в батарее. Снарядов всего два залпа.

- Свяжись с Бурундуковым, передай ему обстановку! - я быстро объяснил Кобзеву, что следует сообщить.

А танки и пехота шли и шли через деревню. Первые машины уже находились далеко в поле, а колонне, казалось, не было конца и края. Наконец показался и арьергард.

Установки нацелились вдоль дороги. Снаряды должны были пройти низко над поселком, даже могли зацепить за ближайшие деревья. Но сейчас было не до этого. Теперь я давал колонне уйти подальше, чтобы стрелять, не опасаясь, что танки незамедлительно налетят и раздавят батарею.

- Огонь!..

Прочерчивая почти над землей длинные трассы огня, снаряды понеслись над домами. Длинной вереницей огненных разрывов залп накрыл голову и середину колонны.

- Заряжай!..

Движение на дороге застопорилось. Запылали автомобили и танки. Видно было, как суетились уцелевшие солдаты вокруг своей разбитой техники, преградившей им дорогу на запад. Разразилась беспорядочная стрельба. Залп уже поднял тревогу среди находившихся вокруг подразделений. По отходящей колонне начали стрелять из всех видов оружия. Начинался серьезный бой. В свою очередь, увидев, что пройти незаметно не удалось, гитлеровцы тоже открыли ожесточенный огонь. Танки в хвосте колонны, развернув башни, открыли беглый огонь по району огневой.

В исключительных случаях возле боевых машин находится весь личный состав батареи. Сейчас подносили снаряды санинструктор, химинструктор, сапожник все!.. Подхватив из ящика тяжелый снаряд, я потащил его к установкам.

- Снять колпачки!.. Огонь!..

Новый залп обрушился на вражескую колонну. Теперь уже пылало больше половины машин и танков. По сгрудившемуся на дороге врагу беглым огнем били артиллерийские батареи. Уцелевшие танки прямо по полю ринулись на юг, к лесу. Рядом с ними бежали солдаты. И снова залп! Это уже ударила батарея Комарова. Опять среди поспешно бегущих немцев встали огненные смерчи.

Поудобнее устроив раненых, - их оказалось шестеро, - батарея налегке пошла заряжаться.

Остатки колонны скрылись в лесу, так и не пробившись на запад.

Пройдя многокилометровый массив леса, дивизион вышел на открытую равнину. Кое-где были разбросаны угловатые мрачные здания.

Еще в училище, изучая новые боевые установки, я не раз задумывался: а можно ли из них вести пристрелку? Насколько точно стреляет боевая машина одиночными снарядами? Но удобного случая как-то не представлялось. То вечная спешка с открытием огня, то недостаточная видимость. А здесь на равнине и видимость была отличной, и разрывы снарядов можно было увидеть с любого места. Нашлись и снаряды - одиннадцать штук, не сошедшие по разным причинам при залпах.

Оставалось только получить разрешение. Недолго думая, я отправился к Васильеву.

Уже взобравшись в штабную машину, я понял, что заявился, кажется, не вовремя. Васильев и Бурундуков были чем-то встревожены, подавлены. Я все же изложил свою просьбу и, конечно, с ходу получил взбучку от Бурундукова.

- Опять всякие выдумки! - он даже горестно взмахнул руками. - Да знаешь ли ты, где мы сейчас находимся?!

Откуда мне было знать?

- Потом, - сказал Васильев, - проверишь обязательно. А сейчас собирай батарею. Надо людям кое-что показать.

Вскоре гвардии подполковник Крюков повел всех к одному из ближайших строений, которые виднелись на этой унылой безжизненной равнине.

Огромное, несуразное здание было обнесено высоким деревянным забором, опутанным колючей проволокой. За воротами вдоль забора тянулись собачьи вольеры. Единственная дверь, обитая железом, вела внутрь помещения.

Сразу, как только мы подошли к этой двери, появилось ощущение, что предстоит увидеть что-то необычное, тягостное.

Окон барак не имел. Тусклая электрическая лампочка еле освещала середину помещения. Вдоль стен тянулись двухэтажные дощатые нары. В центре барака стоял длинный деревянный стол, по бокам две скамьи. Другой мебели, какой-либо хозяйственной утвари не было. Только на нарах валялись какие-то жалкие лохмотья, служившие, очевидно, постелями. Все выглядело осклизлым, сгнившим. В довершение ко всему, такой устоявшийся зловонный запах, что уже через минуту стало трудно дышать, лица покрылись липким потом.

Мы смятенно озирались по сторонам. Кто-то осторожно концом карабина начал перебирать тряпье на нарах. Некоторые, включив фонарики, принялись рассматривать многочисленные надписи на нарах, стенах, скамьях, столе. Почти сразу раздались изумленные, гневные возгласы.

- Здесь же русские жили!

- Мужчины и женщины вместе!

Снова воцарилось тягостное скорбное молчание. Каждый стоял и думал о горькой судьбе тех, кто стал жертвами фашистского рабства, о неисчислимых бедствиях, причиненных озверевшими гитлеровцами.

А ведь мы, по всей видимости, находились в самом обычном, рядовом помещении концлагеря...

Глубокую боль и еще большую ненависть к фашизму вынесли мы в своих сердцах из этой тюрьмы.

Куда девали истязатели находившихся здесь людей, никто не знал.

- Возможно... - начал было Крюков, и голос его осекся... - По-моему, и так все ясно.

Да!.. И так все всем было ясно: с врагом нужно кончать и как можно скорее.

Ну, а мне, конечно, совсем расхотелось тратить в тот день снаряды на свои опыты.

И все-таки пристрелка состоялась.

Часа через два меня и Комарова вызвал на НП Васильев. Добравшись туда, мы увидели наблюдавшего в стереотрубу командира полка.

Неожиданно Кузьменко обернулся и с улыбкой сказал:

- Ну что ж, посмотрим, на что вы способны. Подберите себе ориентир, пристреляйте и затем залпом по Кляунау, там сейчас противник скопился. Начинайте! - он взглянул на часы, засекая время.

Какие-то мгновенья мы стояли в растерянности, затем Иван стремительно шагнул к стереотрубе.

Несколько секунд он водил окулярами трубы по местности вокруг поселка, затем доложил:

- Репер - 800 метров вправо от поселка - лежащий на боку бронетранспортер.

- Вижу, - сказал Кузьменко, наблюдавший в бинокль, - можете стрелять.

Я стоял и волновался. Все получилось так неожиданно. И как вести пристрелку? Строго по правилам, с классической "вилкой" или же просто нащупывать ориентир. Решил, что второй путь надежнее, надо только предупредить Гребенникова, чтобы перед каждым выстрелом тщательно выверял прицельные установки.

Первый снаряд Иван отправил на километр за репер. Было ясно, что для надежности "вилки" и опасаясь большого рассеивания, он решил сделать большой перелет. Теперь, по правилам стрельбы, полагался такой же недолет. Затем "вилка" половинилась. Выпустив девять снарядов, Комаров решил, что репер пристрелян и. быстро подготовив данные, перенес огонь

батареи по поселку.

Залп накрыл Кляунау, но все-таки центр рассеивания не совпал с серединой поселка, большинство снарядов разорвалось в его западной части. И это только потому, как поняли все присутствующие, что репер был пристрелян недостаточно точно.

Теперь предстояло стрелять мне.

Репером я выбрал небольшое отдельное дерево метрах в четырехстах от поселка. Оно хорошо выделялось на местности. Торопливо рассчитал данные для стрельбы, ведь Кузьменко следил по часам. Проверил. "Пожалуй, все правильно... можно стрелять..."

- Один снаряд, огонь!

Вот он прошелестел над головами, понесся дальше. Я напряженно водил стереотрубой вокруг репера. Где-то он разорвется? Сколько еще нужно будет затратить снарядов, если этот выстрел окажется неудачным?

Разрыв!.. Дерево-репер взлетело вверх, повернулось плашмя, показав корни с большими комьями земли, упало на землю.

Удачно! Даже чересчур! Ну, теперь еще контрольный выстрел. Снова секунды ожидания. Второй разрыв! Метрах в двухстах от дерева. Тоже хорошо! Еще раз. Третий разрыв в районе репера. Я решил перенести огонь на цель, ведь Кузьменко время-то засек. Да и на огневой копались неимоверно. Конечно, и Кобзев, и Гребенников, и Меринков - все крутились у боевой установки, выверяя точность наводки. Наконец телефонист передал с огневой:

"Готово".

- Батарея, залпом!..

Снаряды точно накрыли поселок, разметали последних фашистских солдат, находившихся там.

- Хорошо! - резюмировал Кузьменко. - Но только чего там на огневой чухались? Так можно и врага проворонить.

Да, пристреливать из "катюш" было возможно. Теперь мне это стало ясно.

Прошло еще два дня, далеко позади остался Освенцимский район. Надо сказать, что уже давно ушли те времена, когда на пленного солдата сбегались смотреть чуть ли не целыми подразделениями. Начиная с боев в Польше, пленные стали обузой. Нужно было куда-то девать их оружие, выделять специальный конвой для сопровождения на сборный пункт, искать этот пункт. А гитлеровцы сдавались целыми пачками. Вот почему, когда Васильеву доложили, что салажата-телефонисты привели четырех пленных, он только раздраженно махнул рукой.

- Тянули в лесу кабель и наткнулись на сторожку, -

докладывал капитан Бурундуков. - У тех оружия - арсенал: автоматы, гранаты, пистолеты, а у связистов один карабин, да и то без патрона в стволе.

- Это что же, они наших и перебить запросто могли?

- Вполне... Я уже их пропесочил как следует!

- Это ты можешь... куда их вести надо?

- Узнают... - Бурундуков посмотрел на гвардии майора Васильева. - Это не простые солдаты. Эсэсовцы! Матерые.

Васильев помедлил мгновение.

- Ну, пойдем посмотрим на них.

Пленные эсэсовцы стояли на снегу недалеко от огневых позиций. Их мундиры были перепачканы грязью. Все четверо крупные, плечистые, лица грязные, заросшие. Их жестокость и мрачность не могли скрыть даже то жалкое положение, в котором они оказались.

Бурундуков выбрал из пачки фотографий, которые он держал в руках, несколько штук и протянул их Васильеву.

- Сдается мне, что здесь сфотографирован барак, похожий на тот, что мы видели.

Немало пришлось повидать воинам фотографий, повествующих о "подвигах" фашистов на захваченных ими землях. Почти в каждом доме, покинутом оккупантами, снимки валялись повсюду. Спаленные города и поселки, замученных жителей, свои оргии - все запечатлевали озверевшие бандиты. Отобранные у этих фашистов снимки были особенно страшными. Барак, на фоне которого стояла группа полураздетых замученных советских людей. Тут же в числе тюремщиков, немного в стороне, находилась и эта четверка.

Сомнений не было - перед нами стояли палачи!

- Чего на них смотреть! - руки солдат легли на автоматы.

Еще мгновение и справедливый суд свершился бы прямо здесь, на месте.

Помрачневший Васильев резко протянул снимки, которые он держал в руке, гвардии сержанту Меринкову.

- На, приколи им на грудь, чтобы все видели, что это за мразь! Веди их!

- Куда?

- Куда они заслужили! На сборный пункт... палачей!

- Ясно! - Взяв с собой еще трех бойцов, Меринков повел извергов в сторону от дивизиона.

Никто не смотрел им вслед. Но все думали об одном:

"Когда же придет конец этой страшной войне?" И ответ ясен всем: "Когда уничтожим фашистов!"

За овладение Краковом в числе других боевых частей был

награжден и наш 70-й гвардейский минометный полк - мы получили орден Красного Знамени. А чуть позже, в апреле, на знамени полка появился и орден Богдана Хмельницкого. Это была награда за активное участие в освобождении промышленных районов Польши.

Глава девятая. Даешь Берлин!

Овладев Катовицами и Сосновцем, наши войска вышли к государственной границе Германии.

Столько людей мечтало дойти до нее!

Мечтали и мы, сидя на крышах курсантских казарм, когда фашистские бомбы сыпались на Москву. Мечтали в сырых землянках под Демьянском, на Дону и Волге.

Боевые машины с ходу преодолели мостик через узенькую речку и вот уже она, эта земля, под ногами!

Началась отчаянная пальба. С радостно сияющими лицами стреляли все. Резко затормозив машину, Царев выхватил висевший над головой карабин и выскочил из кабины... Отстрелявшись, Иван Комаров вместе с солдатами принялся задавать трепака.

- Все!.. Бобик сдох! - он устало обмахнул лицо и снова встрепенулся: - Иди сюда. Давай я тебя обниму.

- Пошел ты!.. - я с готовностью пододвинулся к другу.

Потом с крыши дома я долго рассматривал лежавшую впереди местность. Далеко впереди синел туман. Там был Одер.

Теперь уже Германия была впереди и справа, и слева, и наконец-то сзади!

Все переменилось! Если в первые годы войны захватчики, наступая, старательно заботились о своем здоровье, вовремя ели, пили, спали, развлекались, фотографировались, собирали сувениры, а мы отбивались в непосильных боях, то теперь все стало наоборот.

Загнанные, измотанные враги днем и ночью метались в поисках спасения. Наша же пехота, хорошо соснув, ночью и продвинувшись до полудня на значительное расстояние, устроила себе обеденный перерыв.

- Эй, слезай! - Васильев подошел незаметно и смотрел на меня снизу.

Я спрыгнул с крыши. Нога становилась все крепче, и я стал про нее забывать.

- Приказ прорабатывал? "Огнем и колесами прокладывать путь пехоте!"

Я выжидательно смотрел на командира дивизиона.

- Вот в этой деревеньке, Кирхенау, что ли, Богаченко доносит:

тьма фашистов переправляется. - Васильев помолчал. Ему явно не хотелось расставаться с батареей. - Бери несколько автомашин со снарядами и действуй! А мы с Комаровым к другой переправе пойдем.

По мягкой снежной лесной дороге, включив у машин все три ведущих моста, батарея пробивалась к Одеру. Сзади с тяжелым ревом шли грузовики со снарядами. На опушке леса я остановил батарею и, взяв с собой Гребенникова, пошел с ним вперед по заснеженному полю к Одеру.

Утренние изморозь и туман сошли. Пройдя с полкилометра, мы увидели перед собой отчетливо выделяющуюся среди снежной равнины черную, еще незамерзшую извилистую ленту Одера, и эту деревеньку Кирхенау, и деревянный мост через реку, и великое множество скопившейся перед переправой вражеской техники. Мост был слишком узок для такого скопления войск.

Я осмотрелся по сторонам.

Мы находились на невысоком длинном гребне. Отсюда начинался уклон к реке и к деревне Кирхенау, до которой по карте было 2200 метров. Решение напрашивалось само собой: вывести батарею прямо на гребень и с него стрелять. И ничего, что позиция будет открытой. Враги растеряны, озабочены только одним - как бы поскорее переправиться на ту сторону, не попасть в плен. И когда на них обрушится залп, то тем, кто останется в живых, будет не до нас. Расчет был рискованный, но обещал большой эффект. Установки сразу же после залпа отойдут к лесу перезаряжаться. Увидев, что на гребне уже никого нет, противник вновь начнет переправу, а мы снова ударим, И так четыре раза. Это будет неплохим возмездием за Коротояк, где ушли на дно четыре боевые машины.

- Коротояк помнишь?

Гребенников, жадно смотревший на цель, только кивнул. Еще бы ему не помнить!

- Теперь мы им вспомним! Веди сюда батарею!

- Так прямо встанем?

- Да!..

Переваливаясь по снегу, Гребенников побежал. Хорошо иметь дело с опытными командирами орудий. Они, выбежав вперед, вытянутыми руками показали своим водителям направление стрельбы, и установки, выдвигавшиеся на огневую колонной, на ходу перестроились в линию, вздымая направляющие...

- Наводить в мост через Одер!.. Прицел! Побежали в стороны расчеты.

- Батарея, огонь!..

Снаряды понеслись в самую гущу переправлявшихся войск.

Один столб разрыва... другой, третий... Дым! Огонь!

Горела деревня, черные столбы вздымались к небесам над танками, самоходками. Падали и бежали гитлеровские солдаты. Я стоял впереди батареи, наблюдая за разрывами залпа. Раздавшееся сзади "Ура!" заставило меня резко обернуться. Боевые машины, которые должны были уже быть возле леса на перезарядке, стояли по-прежнему на огневой позиции. Расчеты, взобравшись на фермы и направляющие, с восторгом смотрели на разгром, произведенный их "катюшами".

Но стоять установкам так, в открытую, было слишком опасно. Среди отступающих могли найтись танкисты и самоходчики, не потерявшие присутствие духа. За какие-то секунды они расстреляют батарею прямой наводкой.

- Назад! - я бросился к орудиям.

Развернувшись вправо и влево, боевые машины понеслись к лесу.

Снова команда: "Огонь!" - и снова водители машин не торопятся, а солдаты, повиснув на установках, не отрывают глаз от переправы.

Последние два залпа, чтобы добить остатки гитлеровцев.

Догоняя ушедшие грузовики, боевые машины пошли обратно.

У выезда из леса, на шоссе, к батарее подбежал начхим полка Сауков.

- Быстрее! Место сосредоточения всех батарей вот здесь, на берегу Одера! он указал точку на карте.

Я всмотрелся. Почти рядом с Кирхенау. Всего километра два севернее.

Батарея двинулась в сторону все разраставшейся канонады, к небу поднималось багровое зарево. Боевые машины обходили войска, двигавшиеся к Одеру. То тут, то там по обеим сторонам дороги развертывались артиллерийские батареи. Едва встав на позиции, они уже начинали слать на запад снаряд за снарядом.

За редким, невысоким лесом начался открытый берег. И почти у самой его кромки расположились три наших батареи. Позади, метрах в ста, стояла машина командира полка, возле которой суетились связисты, прокладывая кабель. В руках у Кузьменко была ракетница, которую я сначала принял за пистолет. Рядом с ним на снегу лежало еще несколько ракетниц.

Навстречу батарее торопился Бурундуков.

- Давай туда! - он показал в сторону стоявших батарей. - Весь полк строится в один ряд...

- Как обстановка, товарищ гвардии капитан?

- Где-то неподалеку несколько батальонов форсировали Одер. Продвинулись километра на два. Фашисты контратакуют!

Слышишь?

За рекой шел ожесточенный бой. Доносился яростный стрекот очередей. Частые глухие разрывы мин и снарядов.

- Давай быстрее ставь батарею! - Бурундуков опасливо покосился в сторону Кузьменко.

Царев уже стронул машину с места, но Бурундуков сделал знак задержаться.

- Данные я за вас подготовил, - сказал он, явно недовольный, что ему пришлось заниматься работой за командиров батарей. - Огонь открывать по ракетам, которые будет выпускать командир полка. Наша - зеленая. Запомни!..

Батарея двинулась занимать свое место на берегу.

- Зеленая! - крикнул еще раз вдогонку Бурундуков.

Почти одновременно с нами подошла и пятая батарея, с которой был и Васильев. За пятой еще одна - последняя. Все шесть батарей полка нацелились за Одер.

Стемнело, и на черной одерской воде засветились красно-желтые блики от пожаров на той стороне. Красными казались и установки, и лица людей.

Желтая ракета!.. Яркий ослепительный свет залпа дивизиона уже отчетливо осветил и огневые позиции и командира полка, стоявшего с ракетницей в руках.

Красная ракета! Ударил второй дивизион.

Зеленая ракета!

- Дивизион, огонь! - прокричал сзади Васильев...

Всю ночь залп за залпом посылали дивизионы на плацдарм.

Утром перед наведенным саперами мостом в Кирхенау пришлось немного задержаться. Уж очень хотелось солдатам повидать дело своих рук. Они бегали по деревне, разглядывая груды горелой, исковерканной вражеской техники. Оказывается, и обломками можно любоваться, Наконец мы переехали узкий временный мост.

Развивая успех, армии Первого Украинского фронта с боями захватили обширный плацдарм на левом берегу Одера. С севера на юг он простирался на 85 километров. Глубина его доходила до 30 километров. На участке нашего полка он был поуже - 4 - 6 километров, но по сравнению с "Вуоксинским пятачком" - там на Карельском перешейке - это тоже было очень хорошо.

Дивизион встал на огневые позиции в большом поселке в полутора километрах от переправы.

Все любители езды на мотоциклах и велосипедах во время победоносного наступления накатались вволю. Машин, оставленных разбитыми частями, было много. А вскоре появилось и еще одно увлечение. Зазвучали в ротах и батареях в свободные

от боев часы многочисленные аккордеоны, баяны, мандолины. Не совсем, может быть, ладно запели в жестких, огрубевших руках, но все-таки мотивы и "Саратовских страданий", и "Рябинушки" уловить было вполне можно.

В доме, где мы остановились, порой даже стекла дрожали от звенящих вразнобой инструментов.

Не знаю, долго ли мы в тот раз "наслаждались" музыкой. Внезапно откинулась крышка пола, и из отверстия показалась черная всклокоченная голова.

Это было так неожиданно, что я невольно выхватил пистолет.

Из погреба выкарабкался высоченный старик, весь заросший и грязный. Его трясло и он долго не мог выговорить слова. В конце концов он заговорил и кое-как объяснил, что с женой и дочерью сидят в погребе с самого начала боев в этом районе и очень хотят пить. Мы кивнули ему на ведро с водой, и он схватил его дрожащими руками.

Долго пришлось его уговаривать, чтобы он позвал своих. Наконец вылезли и жена его с дочерью. Тоже высоченные, изможденные. Мы дали им возможность прийти в себя. Вечером усадили с собой ужинать, Ребята шутили, даже чуть-чуть ухаживали за дочерью старика. Ведь наша армия с мирными жителями не воевала...

Зарывшись по самые направляющие, батарея заняла огневые позиции на восточной окраине деревеньки Егерсдорф. Тяжелый бой за Одер продолжался. Правее нас расположились гаубичники. И если соседство пушек, которые не вели огня и находились в засаде, вполне нас устраивало, то командир гаубичной батареи, повстречав меня, напротив, помрачнел.

- Встали тут на нашу голову! Вам что? Стрельнете и смоетесь! А нам получай орехи от "юнкерсов"!

Казалось, ничего не предвещало в то пасмурное, заснеженное утро большого боя. Крутились в воздухе редкие снежинки. Наносило сырью со стороны Одера, но не слышно было ни выстрела.

- Никуда уезжать не будем. Давно уже, как правило, действуем с постоянных огневых.

- Еще того не легче! - повернувшись спиной, сердитый гаубичник зашагал к своей батарее.

Плохо иметь неуживчивых соседей! Я тоже повернул к батарее. По дороге встретил Комарова. Он был необычно весел, глаза поблескивали.

- Слушай, госпиталь тот нашелся, что под Выборгом был. И девушки все на местах.

- Откуда ты взял? - О том, что госпиталь находился на нашем

направлении, я знал и без него, но все-таки было интересно послушать, ведь там у меня была землячка.

- Васильев ездил в штаб полка и наткнулся на указку. Как потише будет, обязательно съездим, говорит. А сейчас, знаешь, мы им пока что подарки отправили...

Договорить Иван не успел. Над деревней разворачивались тяжелые бомбардировщики противника, и он поспешно побежал к себе на огневую, находившуюся в соседнем хуторе.

Не заметив нас, "юнкерсы" прошли дальше, сбросив где-то в стороне несколько бомб. Но одновременно с налетом открыла огонь и вражеская артиллерия. Чувствовалось, что фашисты проводят артподготовку и вскоре перейдут в атаку.

Так прошло полчаса. Налеты следовали один за другим. Стала усиленно работать и наша артиллерия. И совсем неожиданно открыла огонь батарея Комарова. Снаряды пятой батареи пронеслись и разорвались совсем недалеко за нашим передним краем. Но у нас в обеих батареях было всего только по одному залпу на случай внезапных контратак.

- Пятая пошла! - крикнул снизу Гребенников. Я высунулся из чердачного окна, откуда наблюдал за боем.

По дороге к переправе стремительно неслась батарея Комарова. Он выпустил свой единственный залп и теперь торопился за Одер на перезарядку. На ветру развевались неподвязанные чехлы боевых машин. Сам Иван, не обращая внимания на осколки, стоял на подножке машины и внимательно всматривался в дорогу, опасаясь влететь в воронку.

Шум боя все нарастал. Наконец вдалеке черными точками на заснеженном поле показались разрозненные группы наших солдат. Несколько автомашин с прицепленными полковыми пушками выскочили к деревне, где мы стояли. Развернув орудия, расчеты, не медля, открыли огонь по гребню высоты, по которой проходил наш передний край, там теперь обозначились силуэты вражеских танков.

Зазвучал зуммер. Звонил Васильев. - Открывай огонь по танкам и сразу же уходи.

- Есть!.. Если только успеем уйти! - прокричал я, стараясь пересилить шум боя. Подскочив к окошку, подал знак Гребенникову: - Снять колпачки!

Установки уже были нацелены на невысокую гряду, которую сейчас проходили "тигры". По карте до нее было ровно 1800 метров. А наша деревня и окружающее ее поле уже заполнялись отступавшими. Они быстро окапывались под усилившимся обстрелом минометов. Многие, завидев батарею, заняли оборону неподалеку от нас, наверное, надеясь на поддержку. Вправо от

деревни разворачивалась батарея истребительно-противотанкового полка, как видно только что выдвинутая из резерва. Медлить было нельзя. Но ведь в батарее был всего один единственный залп, и когда мы его дадим, то сразу окажемся безоружными. Вот тут и мелькнула мысль: "А что, если оставить несколько снарядов на направляющих и попробовать выпустить их прямой наводкой? Ведь к переправе мы уйти едва ли уже могли".

- Гребенников, скажи Меринкову, чтобы прокрутил не все снаряды! Пусть пять штук оставит!

Первые танки уже прошли гребень и приближались к деревне. Но за ними шел еще эшелон. "Тигры", бронетранспортеры, пехота.

- Огонь!..

Удар батареи, произведенный с близкого расстояния, внес сумятицу в ряды наступавших. Запылали бронетранспортеры, проходившие гряду, загорелось несколько "тигров". А ведь это были "королевские тигры", которые считались неуязвимыми. Полегла от вихря огня и осколков пехота. Но остальные эшелоны не остановились. У них была жесткая задача: любой ценой выйти к Одеру.

Уходить батарее теперь уже было просто невозможно. Первый "королевский тигр" вошел в деревню и двигался по дороге, проходившей рядом с позициями батареи. За ним виднелись и другие танки.

Я сбежал вниз к батарее. Зажав по одной, по две гранаты в руках, расчеты залегли в щелях. Сейчас все отчетливее вырисовывалась трудность моей затеи. Ведь я даже не знал, куда наводить, на каком расстоянии вообще можно прицеливаться по направляющей...

- Гребенников, Меринков, Царев! Трое выскочили из щели.

- Сдай установку назад на полтора метра! - крикнул я Цареву, и тот бросился в кабину.

Будешь выпускать по одному снаряду! - приказал я Меринкову. Одновременно я выставил один палец, и Виктор понимающе кивнул.

Гребенников, к механизмам!

Царев подал назад, задние колеса вышли из открытой в земле аппарели, и направляющие приняли горизонтальное положение.

Огромный лобастый танк громыхал по дороге.

Левой рукой показывая Гребенникову, в какую сторону

поворачивать ферму, я прильнул к грани направляющей. Танк все ближе, вот он уже над срезом направляющей. Я отпрыгнул в сторону, за мной Гребенников. Крикнули: "Огонь!"

Раз!.. Два!.. Три!.. Четыре!.. Пять!.. Что же это? Все пять

снарядов сорвались друг за другом и понеслись к танку. Меринков, видно, не понял меня, а скорее всего по привычке прокрутил ручку через все пять клемм.

Первый снаряд как раз ударился перед "королевским тигром", взметнул перед ним столб земли и снега. Остальные пронеслись рядом, взорвались, разя бежавших за танком автоматчиков. "Королевский тигр" остался невредим. Сверкнул язык желтого пламени, и снаряд ударил в чердак, где я недавно сидел. Осколки кирпича осыпали огневую.

Теперь оставалось лишь одно: любой ценой остановить прущий на нас танк, иначе - все! Пропадет батарея!

Отовсюду на "королевского тигра" летели гранаты, с резким звоном ударялись осколки и пули. Громко лязгая широченными гусеницами, танк двигался прямо на батарею.

Первый расчет, в щель которого я вскочил, уже перекидал все гранаты и только у Меринкова в руках были две противотанковые. Я взял их у него.

"Пропала батарея!" - с отчаянием подумал я, глядя на голые направляющие беззащитных машин. Сейчас танк пройдет и обрушится всем своим многотонным весом на установки, изомнет их, исковеркает. Раздавит в щелях батарейцев. "Вот сейчас, вот сейчас" - думал я, сжимая ручки гранат. Рядом, тоже с двумя гранатами, изготовлялся для броска неизвестно откуда взявшийся Кобзев.

Грохот снаряда, ударившего в броню, яркий нестерпимый блеск вспышки ошеломили всех, кто находился вблизи. Густой дым обволок огневую позицию. В нескольких метрах от установок горел "королевский тигр".

"Кто же его? Гаубичная батарея!" - я про нее совсем забыл. А гаубичники, подпустив танки как можно ближе, теперь расстреливали их в упор.

- Какой симпатяга! Ну, молодец! - закричал я в лицо Кобзеву, имея в виду хмурого комбата. - Нет, ты скажи?!.

Но старшина, ничего не слыша, восторженно орал что-то несусветное. "А-а-а!" - кричали все, кто находился поблизости.

Снова, уже из-за Одера, пронеслись над головами огненные стрелы, загрохотали на западной окраине деревни по следующей наступающей волне гитлеровцев.

Я побежал к телефонистам узнать обстановку, но на месте никого не оказалось. Значит, оба были на порыве.

Напряжение боя не снижалось. Не прорвавшись через деревню, атакующие сместили направление своего удара на полкилометра севернее и снова попали под пушки. Недавно развернувшаяся истребительно-противотанковая батарея подбила

еще несколько танков. Отставшие автоматчики завязали бой с нашей пехотой. Стояла неумолчная трескотня, вздымались черные разрывы мин.

Теперь, пожалуй, можно было рвануться к переправе, за боеприпасами. Но после прошедшей горячки уже как-то не хотелось покидать свою огневую. Увидев возвращавшихся по полю телефонистов, я кинулся к аппарату.

- "Луна"!..

"Луна" откликнулась радостным голосом гвардии капитана Бурундукова:

- Я кричу, кричу, а вы молчите!.. Какие потери? Я тоже был страшно рад, установив связь с дивизионом.

- Пронесло! Никаких потерь!..

- Никаких?

- Нет!

- Здорово! - весело заговорил Будундуков. - Я смотрел, что у вас творилось. Думал, что все перемешает! К вам сам поехал, с "огурцами".

- Да? А много?

- Пока на два приема... Еще будут. Снаряды - это сейчас было самое главное.

- Пойду встречать.

- Связывайся почаще, - кричал Бурундуков.

Выскочив из дома, я осмотрелся.

На безлесной, с невысокими холмами местности, покрытой снежным покровом, густо чернели воронки и россыпи рассеянной взрывами земли. Дымили подбитые танки и бронетранспортеры. Темнели распластанные тела солдат. И хотя направление главного удара вражеского клина снова переместилось на километр севернее, где сейчас шел такой же тяжелый, как недавно на этом участке, бой, здесь тоже не умолкала стрельба, по-прежнему вставали разрывы.

Вдоль дороги, ведущей от переправы к деревне, пригибаясь перебегали гвардии майор Васильев и два радиста. Далеко за ними, тяжело преодолевая снежное месиво, ползли автомашины с боеприпасами.

- Гребенников, восемь человек навстречу снарядам!

- По два человека от расчета, старший сержант Меринков. К машинам бегом! скомандовал Гребенников.

- Ну и заваруха! - Васильев тяжело присел на выступающий фундамент дома. Направляющие, вижу, торчат - значит, установки целы. А люди?

- Тоже... Врылись хорошо. - Я облегченно вздохнул, глядя на Васильева.

- Очень я опасался! - перевел дыхание Васильев. - Только вот что. Я считаю, что батарее надо оставаться здесь. Ты как?

- Согласен, очень уж пехота любит, когда мы рядом. Подошли машины с боеприпасами. Намучившиеся без снарядов огневики бросились их разгружать и заряжать установки. Батарея снова была готова к бою.

- Я, пожалуй, вернусь в дивизион, - кивая на пустые машины, сказал Васильев. - В случае необходимости действуй самостоятельно.

Я утвердительно кивнул.

- А это еще что за машина? - Васильев, прищурившись, смотрел в сторону Одера. - "Санитарка". Соседей, что ли? Слишком опасно ей тут разъезжать.

Юркая санитарная машина, пробираясь между воронками, быстро приближалась. Вот, встретив раненого, она притормозила. Выскочили две девушки. Подхватив бойца под руки, они быстро втащили его через заднюю дверь в кузов. Машина снова двинулась в нашу сторону.

- Ух, молодчины эти девчата! - Васильев даже ногой притопнул. - Ты видел такое? Ну, скажи?

Но я, не спуская глаз с машины, молчал.

В кабине, рядом с шофером сидела Катя. Я ее сразу узнал по золотым волосам. Было лишь непонятно, что могло занести машину из полевого госпиталя на передовую.

"Санитарка" остановилась, и Катя, выскользнув из кабины, подбежала к нам.

- Ты жив... - она протянула мне руки. - За переправой ваши сказали, что здесь должно быть много раненых. Давайте мы их заберем, минуя медсанбат. - Она заметила Васильева и мчавшихся к нам батарейцев. - Здравствуйте. Ну, где ваши раненые?

Это получилось необыкновенно трогательно: девушки-медики, пробившиеся к нам, в самое пекло.

- Нет у нас раненых, товарищ младший лейтенант медицинской службы! наперебой закричали солдаты, в их голосах слышалась радость. И даже как бы легкое сожаление, что вот никого не увезут с собой эти замечательные девчата. - Все целы и невредимы. Вот в деревне их много...

- Катечка! - Растроганный Васильев завладел Катиной рукой и попытался поднести ее к губам. - Один я раненный, и в самое сердце...

- Тогда в деревню! - девушка приветливо помахала нам и вскочила на подножку. - До свидания!.. - Я все-таки успел поймать ее прощальный взгляд.

Объехав дымящегося "тигра", "санитарка" понеслась по деревне, где к ней потянулись со всех сторон раненые бойцы.

- Да кем же она вам будет? Откуда? - засыпали меня вопросами со всех сторон.

- Тоже москвичка. До войны были немножко знакомы. Замечательная девушка.

- Да уж куда лучше... Славные сестрицы. Сейчас они обратно поедут.

- Ну, бывайте. - Васильев направился к машинам. Вскоре телефонист снова подозвал меня к телефону. Бурундуков на том конце провода закашлялся, потом невнятно спросил о Васильеве. Я ответил ему, что тот отправился обратно. Бурундуков снова раскашлялся и вдруг совсем неожиданно спросил, как я себя чувствую. Это означало что-то необыкновенное.

- Что случилось? - спросил я тревожно. Помолчав, гвардии капитан Бурундуков произнес;

- Пулей в лоб убит лейтенант Богаченко. Я застонал...

- Ты слышишь? Алло! Почему молчишь? - Я не мог вымолвить ни слова, горло сдавило, боялся вот-вот разревусь.

С того дня из нашего выпуска остались в дивизионе только мы с Комаровым. И невольно закрадывалась мысль: чей же теперь черед?

Женю похоронили на берегу Одера. Я долго еще стоял у могилы, утирая мокрое от слез лицо.

Бой продолжался до вечера и еще несколько дней. До конца измотав свои силы, фашисты прекратили безуспешный штурм плацдарма, так и не прорвавшись ни на одном участке.

На подступах к Берлину против войск Первого Украинского фронта противник соорудил три оборонительные полосы. Первая или главная полоса проходила по левым берегам рек Одер и Нейсе. Она имела несколько позиций со сплошными траншеями, дотами и дзотами. Глубина ее достигала 5 - 10 километров, а общая глубина обороны составляла 20 - 40 километров.

Мобилизовав всех стариков и мальчишек и вручив им оружие, издав приказ о расстреле на месте всех, кто попытается отступить, фашисты приготовились защищаться до конца.

- В этом наступлении, - сказал гвардии майор Васильев на совещании, - есть ряд особенностей и вот какие: во-первых, для прорыва сильной обороны немцев создается крайне большая плотность артиллерии - двести тридцать стволов на один километр фронта. Это в среднем, конечно.

- Двести тридцать! Это же встать некуда будет. Надо заранее место подобрать, оградить и охрану поставить, - подсказал кто-то из присутствующих.

Это было и удивительно и даже немножко смешно - охранять пустой участок под будущие огневые.

- Да, - подтвердил Васильев. - Выберем, поставим охрану, а вскорости и сами переберемся. Теперь дальше. Время переправы через Нейсе нам не определено, но как говорится, "огнем и колесами" - пойдем сразу, как наведут мосты.

К этому было не привыкать, и все только закивали головами.

- Ну и последнее. В этой операции будут широко использованы дымовые средства. Весь район боевых действий самолеты закроют дымовой завесой.

- Дымовой завесой? Это-то зачем? Всю войну без дымов прекрасно обходились.

- Это все химиков штучки, - как всегда, врезался голос Бурундукова. Газов в войну не применяли, отличиться им не удалось, так теперь дым в глаза решили пустить... Как установки-то наводить будем, если все в дыму закроется?

Несмотря на серьезность момента, все захохотали.

- Стоп! - Васильев решительно приподнял ладонь. - Ничего тут страшного нет. - Он посмотрел на меня. - Ты что-то рассказывал о применении дыма на Карельском?

Я пожал плечами:

- Это в малом масштабе было. Задымили небольшой участок для роты, чтобы прикрылась, атакуя первую траншею противника.

- Ну, а видимость-то была какая?

- Там, где дымили, - никакой.

- Ну, что я говорю! - взвился опять Бурундуков.

- Значит, все сделаем заранее. Наведем установки, провешимся, батарейки новые в фонарики вставить надо. Применимся к обстоятельствам, так сказать. Выкладывайте свои соображения, - Васильев взглянул на нас.

Обсудили вопросы взаимодействия, детальный маршрут и сигналы на случай, если придется двигаться и действовать внутри дымзавесы. Потом разошлись по своим подразделениям.

Подбирать место для огневых позиций взялся Бурундуков. То ли он не нашел хорошего участка, то ли действительно опасался, что дымзавеса может серьезно затруднить действия батарей, но выбрал он место на самой вершине очень высокой и крутой горы.

- Никакому дыму и туману сюда не добраться, - горделиво объявил он, после того как установки с трудом преодолели крутой подъем.

- Где уж там, если машины еле поднялись, - шутили мы, еще не осмотревшись как следует. Но когда разобрались, то ахнули. Как зарываться-то будем? Гора сплошной камень. Настоящая скала!

Васильев укоризненно взглянул на начальника штаба.

- Чем ты думал-то? Может быть, сам будешь аппарели выдалбливать?

В прежние времена, как только Бурундуков попадал в затруднительное положение, он сразу мрачнел, сейчас же только усмехнулся.

- Ничего, отроют! А то силу некуда девать.

Ничего другого, как ломать эту скалу, не оставалось. Кругом все удобные участки были уже заняты. Раздевшись до пояса, расчеты весело взялись за ломы и кирки.

16 апреля в 6 часов 15 минут началась самая мощная за все время войны на Первом Украинском фронте артподготовка. Левый берег дрогнул от обрушившихся на него снарядов. Казалось, земля не выдержит такого удара. В воздухе повисли наши самолеты. Полетели со штурмовиков желтые трассы реактивных снарядов. Одновременно авиация поставила дымовую завесу, простиравшуюся на десятки километров.

Громадные белые валы со всех сторон обступили высоту, на которой находился дивизион. Они текли мимо, клубясь у нашего подножья. Эти несколько высот, куда не добралась дымзавеса, казались зелеными рифами, выступающими посреди молочного моря.

- Кто оказался прав? - торжествовал Бурундуков. - Посмотрел бы я на вас там внизу сейчас.

А внизу грохотали пушки и гвардейские минометы. То и дело из молочных волн вырывались ослепительные трассы залпов других гвардейских минометных дивизионов и полков, уносились в небо и снова ныряли в это бурлящее белое море.

Васильев, находившийся на НП и тщетно пытавшийся связаться с нами по телефону или рации, - ничего не было слышно, - в конце концов прислал Федотова.

Улыбаясь и напряженно вслушиваясь, мы тщетно пытались понять, что хочет сказать старший разведчик. В грохоте артподготовки ничего нельзя было разобрать.

- На, пиши, что ли! - Бурундуков сунул Николаю карандаш и лист бумаги.

- Батареям подготовиться к форсированию Нейсе, - написал Федотов.

- Когда? На чем?

- Мосты наводятся. К 9.00 быть в районе переправы.

- Стрелять с этих огневых еще будем?

- Нет!

Чуть ли не ползком спустившись с высоты, мы форсировали Нейсе еще до десяти часов.

Выдавая командирам подразделений листы карт нового района боевых действий, Бурундуков вдруг торжественно объявил:

- К Цоссену выходим! Знаете такой?

Большинство офицеров отрицательно покачали головами.

- Вот здесь расположится мой штаб при следующем перемещении дивизиона. Бурундуков ткнул пальцем в карту и самодовольно рассмеялся, - В Цоссене до последних дней находился германский Генеральный штаб, а теперь будет мой!

Все-таки рассмешил. Действительно, неплохое место подобрал он для своего штаба, состоящего из писаря да делопроизводителя. Ну, еще шофера штабной машины к ним можно бы приплюсовать.

Итак, мы будем участвовать в штурме Берлина. Солдаты ликовали. Исписав все снаряды на установках надписями: "Даешь Берлин!", "Смерть Гитлеру!" - расчеты принялись за штабели и там все расписали. Ведь от Цоссена до Берлина оставалось всего пятнадцать километров.

В таком-то праздничном настроении и застали дивизион прибывшие гвардии подполковник Кузьменко и Крюков.

- Художники, - буркнул Васильев, заметив надписи на снарядах. Я не мог понять, что его рассердило. Но уже через минуту все стало ясно.

Полк снимался с Берлинского направления и перебрасывался на левый фланг фронта к Герлицу и Дрездену, где создалась какая-то опасность.

Приказ есть приказ! Вскоре, осторожно объезжая двигавшийся навстречу нескончаемый поток войск, батареи двинулись обратно на юго-восток.

На автостраде обошли растянувшийся на много километров гвардейский казачий корпус. Бравые рубаки тоже двигались на юг охранять фланг фронта. Неторопливо цокали по асфальту копыта коней, поскрипывали повозки. Очевидно, казаки, как и гвардейцы-минометчики, считали, что война для них, в основном, кончилась.

- Привет богиням артиллерии! - крикнул какой-то белобрысый казачок. Было приятно, что даже гордые казаки признают "катюши", и установки чуть замедлили ход, чтобы люди перебросились несколькими словами с кавалеристами.

Глава десятая. На Прагу

Дивизионы расположились на широком многокилометровом участке фронта. Активные действия здесь уже не велись и присутствие противника угадывалось только по отдельным

пулеметным очередям и редким разрывам мин. Приближались майские праздники, и личный состав готовился их встречать. Планировался, как всегда, праздничный обед по подразделениям и другие обычные для фронтовой части мероприятия: кинофильм, подарки, и, кому положено, вручение правительственных наград.

Правда, вздохи сожаления об утраченной, такой реальной возможности войти в Берлин раздавались долго. Васильев и Комаров готовили еще и свой, сугубо личный, праздник. Они ждали гостей, и трофейная малолитражка стояла в полной готовности выехать за приглашенными в полевой госпиталь.

Правда, на этот раз госпиталь отстоял от дивизиона километров за сто, но что могло значить такое расстояние для Васильева и Комарова, исколесивших многие тысячи километров?

- Поддерживаем, так сказать, контакт! - очевидно, повторяя слова Васильева, сказал Иван. - Кстати, и эта твоя синеглазая Катя тоже собиралась приехать. Васильев сказал ей, что ты очень ждешь.

Я был совсем огорошен.

- С какой это стати жду и почему моя? - Конечно, рад был повидаться с Катей, но уж никому бы в этом не признался.

Праздничный обед в дивизионе готовился под руководством Ильчибаева.

- Совсем переменился человек! - Кобзев только руками разводил. - Прямо шеф-поваром стал, да и только. Хоть сейчас его в любой ресторан посылай. Так и шпарит антрекотами да ростбифами всякими. Откуда только научился?

И верно, Ильчибаев, которого первый расчет выделял обычно кашеварить, так полюбил свое дело, что стал готовить куда лучше полковых поваров. Вдобавок ко всему, он завел себе белый колпак и фартук, которые постоянно стирал и крахмалил. В таком виде, да еще засунув за пояс здоровенный кухонный нож, он любил прогуливаться по дивизиону, возбуждая смех и шутки солдат.

По совместительству он выполнял и несложные обязанности ординарца командира батареи. Я считал, что и с ними он справлялся отлично.

- Мать честная, - сказал как-то Васильев, аппетитно обгладывая жареную утиную ножку и рассматривая большой набор разных кастрюлек и сковородок, которые повсюду таскал за собой Ильчибаев. - Ты, Степан, прямо чудеса творишь, да и только. Придется тебя забрать из батареи.

Я привык к Ильчибаеву и серьезно опасался, что его могут перевести из батареи в повара. А "захватнические штучки" гвардии майора были всем хорошо известны. Поэтому, беспокойно улыбнувшись, сделал шаг вперед.

- Ничего не выйдет, товарищ гвардии майор. Ильчибаев у нас, как отличный номер расчета, к медали представлен, да и кроме того...

- Кроме того, он твой ординарец, - продолжил Васильев. - Ладно, шучу. А медали-то, кстати, через меня проходят.

В эти предпраздничные дни Ильчибаев, возглавив целую группу помощников, что-то разделывал, варил, жарил.

Снова зашел Васильев, живо интересовавшийся, как идет подготовка к празднику.

- Обязательно, когда гости приедут, чтобы при колпаке и фартуке был, и чтобы чистые были!

- Они у него всегда чистые.

- Все-таки... И нож пусть за пояс заткнет. Ему идет. Показать надо медикам, с кем дело имеют!

С утра первого мая чуть моросил дождик, но тучи быстро прошли и установился яркий солнечный день. Светлый, тихий и совсем не ратный. Там, в Берлине, шли тяжелые, кровопролитные бои, а здесь, на фланге, никто даже и не стрелял. Одни только разведчики сидели на НП, да в дивизионе с утра крутился Федотов. Пришел поздравить с праздником.

- Очень правильно сделал, что пришел, - я крепко пожал руку старому другу.

- А как же! - разулыбался Николай.

- Пообедаешь в батарее да захватишь с собой. Тут у нас всяких пирогов наготовили...

- У нас самих есть! - Неожиданно разведчик посерьезнел. - Что я вам сказать хочу. Давайте, пока спокойно, на Одер съездим, на могилку.

Я уже думал об этом и был очень тронут тем, что разведчики не забыли Женю.

- Обязательно. При первой же возможности, - пообещал я Николаю.

В 12 часов дня состоялось торжественное построение. В новом обмундировании, в начищенных сапогах, со всеми многочисленными наградами на груди огневики выглядели впечатляюще.

Под разученный марш артиллеристов они прошли мимо трибуны, составленной из снарядных ящиков. И хотя у многих "стариков" плохо гнулись натруженные за полвека ноги, все равно это было замечательное зрелище. Марш подразделений возглавляли боевые командиры: офицеры, старшины, сержанты.

- Да здравствует Первое мая! - кричал с ящиков гвардии подполковник Кузьменко, прибывший на праздник, и громкое "Ура!" разносилось по всей округе.

По случаю праздника сняли взыскание с Комарова, наложенное за неудовлетворительную строевую подготовку.

Взыскание Иван получил совсем неожиданно.

В марте в полку вручали ордена и медали особо отличившимся в боях на Сандомирском плацдарме и под Краковом. В числе их был и Комаров.

Однако из-за какой-то погрешности в наградном листе орден ему в тот день не вручили. А через неделю, когда ошибку исправили, ему приказали для получения награды выехать в штаб фронта. Там он и совершил оплошность.

Награды вручал старый заслуженный маршал, приехавший по делам из Ставки. По алфавиту награжденные подходили к маршалу, принимали награду, отвечали на поздравление и отходили. Сказать про Комарова, что он просто хороший строевик, - это слишком мало. Направляющий парада 7 ноября 1941 года, он словно был рожден для того, чтобы носить военную форму. И вот на глазах изумленных офицеров и генералов штаба фронта, приняв награду от маршала, он при отходе повернулся через правое плечо.

- Через правое плечо? - машинально переспросил Васильев, слушавший очень внимательно доклад Комарова.

- Он мою левую руку задержал, - пытался оправдаться Иван.

Но Васильев во всех случаях признавал только факты:

- Сделал тебе кто-нибудь замечание?

- Нет... Только по дороге из штаба какой-то генерал встретил и повернул кругом раз двадцать.

- Маршал Конев был там?

- Был. Сидел в стороне, положив нога на ногу.

- Ну, все! Объявляю вам, товарищ гвардии старший лейтенант, строгий выговор, - решительно произнес Васильев.

И теперь обидное взыскание было снято.

Приехали и долгожданные гости. Поразмыслив, Васильев привел их к обеду в батареи. Солдаты радостно встретили медиков. Многим из них и разговаривать-то не приходилось с женщинами чуть ли не с самого начала войны. И сейчас батарейцы всеми силами старались заслужить расположение гостей. В свою очередь, и те были очень внимательны с воинами. Катя, как всегда, выделявшаяся красотой, обаятельностью, для каждого находила и теплую улыбку и хорошее слово. Не спускал с нее глаз и я. После обеда разошлись побродить.

За Одером разведчики где-то раздобыли несколько новых мячей, один из них я преподнес Кате. И вот, постукивая мячом о землю, мы весело брели вдвоем по чуть заметной тропинке вдоль опушки леса.

Вдалеке на юго-западе зеленели отроги Карпат, выше они отливали золотыми бликами горных лугов. Серебристо-голубые вершины тонули в солнечной дымке.

Я чувствовал, что Катя совсем пленилась горным пейзажем. И вдруг повернулась ко мне с улыбкой:

- А ваш полк, случайно, не попадет в эти горы? Ведь вас то и дело куда-то бросают!

- Все может быть.

- Хорошо бы. Если окажетесь там, я обязательно к тебе приеду. Всеми правдами и неправдами вырвусь. Хотя бы на своей "санитарке". И пойдем с тобой по горам. Будем карабкаться по тропкам, перебираться через ручейки, пить из них прозрачную холодную воду. Замечательно!.. В этом краю, наверное, и люди должны быть сильными, красивыми. Повидать бы, как живут... И цветов я наберу, и сплету два венка... Ну, чего ты молчишь?

Что я мог ей сказать? Только то, что не имею права идти с ней в горы, да и сейчас, пожалуй, вместе находиться не стоило бы. Слишком она мне нравилась, и уже не просто как товарищ, землячка.

- Все о своей батарее думаешь? - весело продолжала Катя. - А живая Катюша с тобой рядом. Может быть, тебе это имя слишком надоело? - и она лукаво заглянула мне в глаза.

Нет! Больше скрывать от Кати, что я не свободен, было нельзя.

- Почему надоело?.. Очень нравится, - глухо выдавил я. - Я даже жену просил дочку Катей назвать, если без меня родится...

Кажется, она даже вскрикнула от удивления, и мы долго шли молча.

- Вот уж никогда не думала, что ты можешь быть женат. Тебе ведь и двадцати еще двух нет. Когда же ты успел?

Я стал ей рассказывать о заводе и своей встрече с Таней. Катя внимательно слушала.

- А мне ведь еще тогда, в Выборге... - Она не докончила, отвернувшись на миг. - Ну, да ладно. Хватит об этом. Давай возвращаться.

И прошла вперед. Я смотрел, как легко замелькали ее длинные красивые ноги. Вот она перескочила через небольшую воронку, потянулась и сорвала с куста пушистую веточку...

Поздним вечером мы провожали девушек. Степенно поддерживая под руку Валерию Николаевну, прогуливался по дороге перед машиной гвардии майор Васильев.

В стороне что-то горячо доказывал Вале Иван Комаров. Оживленно беседовала с группой солдат Катя. Наконец, попрощавшись со всеми, повернулась ко мне.

- Ну, до свидания, - и протянула руку. Я заставил себя взглянуть ей в лицо, в ее синие слепящие глаза. "Наверное, не придется больше встретиться", грустно думал я.

Она только кивнула, словно прочтя мои мысли. "Олимпия" вырвалась на дорогу к автостраде и направилась в сторону Бреславля.

Внезапный срочный вызов на совещание к командиру полка встревожил всех: "Зачем? Что еще там могло произойти? Неужели капитуляция?"

Видный и всегда подтянутый, гвардии подполковник Кузьменко на этот раз выглядел как-то особенно торжественно. Но слова его прозвучали резко.

- В столице Чехословакии - Праге - восстание. Наши дорогие братья обратились к Советской Армии за помощью. Полк выступает для освобождения Праги.

Предстоял еще один, и, без сомнения, славный рейд.

- Буду встречать батареи у поворота с автострады к городу Бунцлау, где захоронено сердце великого русского полководца фельдмаршала Кутузова. Кто придет первым, первым и получит боевую задачу. Выполняйте! - заключил Иван Захарович.

Командиры батарей стремглав бросились к своим машинам.

- Тревога!.. Моторы! - такую команду я громко выкрикнул своей батарее. Расчет мой был прост. Пока другие батареи начнут грузить все свое имущество, которым порядком обросли, наша уйдет вперед и первой вступит в бой. Установки начали медленно выходить на шоссе.

Солдаты на ходу запрыгивали в медленно движущиеся машины. Вот и Ильчибаев вскочил с одним карабином. Все его кастрюльки остались на месте.

- Пункт назначения: поворот с автострады на Бунцлау! - крикнул я Кобзеву, оставшемуся собирать батарейное имущество.

Двигаться по широкой и прямой автостраде было легко. Временами я высовывался и спрашивал у Меринкова, все ли идут установки.

- Идут! - отвечал Виктор Меринков, следивший за нашей маленькой колонной.

И Царев нажимал на скорость.

Остался в стороне дымящийся Бреславль. Через два часа напряженной езды слева показался широкий поворот. Там стояли офицеры, встречающие свои части. Среди них был и Кузьменко. Завидев батарею, командир полка довольно взглянул на часы. Вскоре подошли и другие машины.

Отдав воинские почести памятнику великому полководцу, дивизионы направились дальше. К линии фронта торопливо

двигались и другие части.

Утром 7 мая 1945 года артиллерия наступающей группы войск открыла огонь. После залпа "катюш" нечасто забили ствольники. А вот уже Васильев поднял руку. Сейчас будет дан залп, означающий конец артподготовки и начало атаки механизированных частей.

- Огонь!

Шесть лет изнывали чехи и словаки под фашистским гнетом и теперь они с ликованием встречали своих освободителей. К дороге, ведущей на Прагу, высыпали жители прилегавших городов и поселков, они восторженно кричали:

- Ура! Наздар!

Летели букеты цветов. Растроганные такой встречей, солдаты тоже не оставались в долгу и бросали чехам разные сувениры. Напряженный и стремительный марш. Стучали гусеницы "тридцатьчетверок", шуршали шины "катюш".

На Прагу!

Где-то за Ческа Липой дивизион остановился на короткий привал помыться и перекусить. Остановились прямо в поселке, съехав только на кромку дороги.

Радостные жители обступили солдат.

Надо сказать, что давно, еще под Ржевом, политработники достали куски алой ткани. Их раскроили, и Юра Черепанов старательно вывел на них самые дорогие надписи: "За Родину!", "Смерть немецким оккупантам!", "Вперед, на Запад!" и другие. Эти транспаранты нашили впереди на чехлы боевых машин, и с ними дивизион прошел всю войну. Теперь потемневшие и выгоревшие, местами лопнувшие и зашитые, они были еще ближе и дороже.

Под восторженные восклицания жителей к нам направлялась большая группа солидных граждан. Впереди шел крупный старик с большими белыми усами. Он торжественно обошел нас с рукопожатием.

- С чем пожаловали? - спросил Васильев, улыбаясь и крепко пожимая руку старика.

Оказывается, делегация пришла с крайне важным делом.

Жителям поселка очень дорога помощь и дружба великого братского советского народа, и они просят на память у воинов один из транспарантов, нашитых на замечательные "катюши". Взамен они принесли красную парчу, и художник с ними, - он сейчас же напишет, такую же в точности, надпись на парче.

Пришлось отставить котелки. Всех воинов тронула просьба чехословацких граждан.

- Что ж, дорогие братья, это можно, - сказал за всех Васильев. - А надпись не обязательно такую и по-русски. Можно и по-

чешски.

Снова и с еще большей силой раздались восторженные крики жителей. Пока художник работал, появились чарки.

- Э!.. Нет! - Васильев, выпив одну чарку, решительно отстранил вторую. Следующую в другой раз.

Под приветственные восклицания чехов, с ярко сиявшей надписью на чешском языке: "Да здравствует великая дружба советского и чехословацкого народов!" дивизион двинулся дальше, на Прагу.

Из-за этой непредвиденной, хотя и приятной, задержки мы несколько отстали от других дивизионов и теперь торопились наверстать расстояние.

Дорога, пролегавшая по равнине, начала подниматься в горы и вошла в небольшое ущелье. Совсем недавно еще здесь проходил бой, валялись разбитые зенитные пушки, которые фашисты использовали как противотанковые. А впереди слышалась артиллерийская стрельба. Миновали ущелье и сразу же увидели, как разворачивается второй дивизион нашего полка. Было хорошо видно хлопотавшего перед фронтом батарей командира второго дивизиона гвардии майора Баранова.

Баранов начал воевать, как и Васильев, командиром батареи, только это был кадровый офицер. Он умело командовал и батареей и дивизионом и снискал к себе любовь и уважение всех воинов. Вот и в этот момент его установки быстро изготовились к стрельбе, и Баранов поднял руку, чтобы подать команду "огонь!"

Видимо, противник хорошо просматривал этот район. Сразу же вокруг огневых второго дивизиона встало несколько разрывов и один из них - рядом с Барановым. Взмахнув рукой, чтобы подать команду для открытия огня, он упал...

Когда мы проехали к более безопасному месту, куда переместился второй дивизион после залпа, тело гвардии майора Баранова, бережно обернутое плащ-палатками, уложили на машину.

Ранним утром 8 мая 1945 года, вслед за двигавшимися полным ходом колоннами механизированного полка, дивизионы вошли в небольшой чешский поселок. Танки, спешившие на помощь осажденной столице, прошли дальше, а батареи медленно съехали за обочину шоссе.

- "Катюши!" - восхищенно переговаривались меж собой жители поселка.

Установки выстроились в ряд.

- Снять чехлы! - раздалась команда. - Угломер!.. Прицел!..

Направляющие высоко поднялись, готовые к открытию огня.

Пока отрывали могилу, кто-то подошел к местным жителям и

попросил цветов.

- Для погибшего командира, - пояснил он.

Жители разбежались по своим цветникам.

Гвардии подполковник Крюков произнес прощальную речь. Затуманившимися от слез глазами в последний раз смотрели солдаты на своего командира.

- Памяти гвардии майора Баранова, дивизион... огонь!

Снаряды понеслись далеко вперед, где еще находились остатки сопротивляющегося врага.

Пыль, поднявшаяся от залпа высоко в небо, оседала на могилу и вокруг...

Прощальный траурный залп оказался и последним залпом полка, потому что война кончилась. Танки и артиллерия перемалывали последние очаги сопротивления врага, и "катюши" уже можно было не вмешивать.

Воины стояли у могилы...

Но надо было спешить к Праге. Батареи начали вытягиваться вдоль шоссе. Вместе с колонной механизированного полка дивизион вошел в Прагу.

Командир механизированного полка прямо на площади произнес речь, а после подошел ко мне. Это был Смирнов - комбат из-под Красной Поляны. Вот когда пришлось нам с ним встретиться.

Глава одиннадцатая. Отгремели бои

Отгремели бои. Умолкли и "катюши". Они внесли свой полновесный вклад в дело победы над фашистскими захватчиками.

На первом этапе войны, когда, скажем прямо, танков и самолетов у нас было маловато, летучие батареи и дивизионы "катюш" своими сокрушительными налетами уничтожали живую силу и технику наступающего врага, нанося ему неисчислимый урон.

Велика была их роль и в наступательных боях. Гвардейские минометы громили отступающие колонны гитлеровцев, отсекали им пути отхода, срывали контратаки. Тяжелые снаряды разрушали самые мощные оборонительные сооружения.

Теперь почищенные, свежевыкрашенные, они тихо и гордо проезжали по улицам европейских столиц. После Германии и Польши побывали в Чехословакии и Венгрии. А 24 июня полк Кузьменко оказался под Веной. И когда в Москве гремели залпы и развевались знамена в честь великой победы советского народа, в Вене тоже был свой большой праздник.

Командующий Центральной группой войск маршал Конев

отвел для торжества ни больше ни меньше, как старинный дворец австрийских императоров. Дворец Франца-Иосифа - так он назывался.

"Хорошо воевали - хорошо и отдыхать должны!" - сказал маршал.

Это было действительно прекрасное здание.

И, конечно, не думали не гадали старые стены дворца, что им придется принимать таких необычных гостей.

Немало потрудились портные Будапешта, Праги, Вены над парадными мундирами советской гвардии. Казалось, старые императоры и герцоги удивленно взирали на победителей из своих золоченых рам.

Рдели знамена, сияли победоносные ордена на мундирах. Светились и лица победителей.

Не подкачал на этот раз и Военторг. В банкетном зале красовались не надоевшие всем узкие трофейные бутылки, а особая московская с традиционной белой головкой. Столы ломились от снеди.

В танцевальном зале гремел оркестр. "Катюша" и "Любушка" сменяли друг друга. И, конечно, венский вальс! Ну как было не станцевать его на родине Иоганна Штрауса, в том зале, где он дирижировал когда-то оркестром. И скользили каблуки гвардейцев по навощенному венскому паркету. Скользили, лихо притопывали. Ведь для многих это был первый в жизни бал.

Начал я с кануна Великой Отечественной войны, значит, и точку нужно ставить с ее окончанием. Поэтому совсем кратко.

Вскоре мы узнали о том, как применялись наши системы при штурме Берлина. Против эсэсовцев, отчаянно оборонявших каждое здание города, на прямую наводку вывели гвардейские минометы. Батареи в упор всаживали целые залпы в сопротивляющихся.

А на ближайших учебных стрельбах мы попробовали вести огонь одиночными снарядами и пристреливать отдельные цели.

И тоже получилось неплохо.

Это были первые шаги в овладении новым могущественным оружием - ракетами!

Неожиданно в полк пришло распоряжение представить фамилии двух офицеров кандидатов для поступления в академию. И хотя желающих нашлось немало, мы с Комаровым тоже подали рапорта. Рассудили просто: "Не пошлют в этот год больше будет шансов в следующем".

Война была позади, и что могло омрачить нашу любимую, хотя и нелегкую воинскую службу?

Но в такие минуты не надо забывать, что и на мирном,

казалось бы, ровном пути могут возникнуть неожиданные рытвины и ухабы.

В самом наилучшем настроении возвращались мы с тактических учений в свой гарнизон. Я ехал, как всегда, в кабине первой машины. Мысли были самые радужные:

"А вдруг пошлют в академию?.. Учеба... Мирная жизнь. Родные - Таня, мать, брат..." Я так размечтался, что не замечал, где и как мы едем. Шофер первого класса Царев был у нас признанным водителем. В этот момент, преодолев высокий подъем, боевая машина пошла под уклон. Дорога была пустынной. В то время по юго-восточной Европе колесило много греков, бежавших от разгула реакции в своей стране. Смуглые, в яркой одежде, они выглядели колоритно на фоне южной природы.

И вот крутой поворот, а за ним - запрудившие всю дорогу греческие повозки, дети, женщины, старики. Они с ужасом смотрели на несущуюся на них громадную военную машину, грозившую всех раздавить, смять...

- Тормози!.. - мы одновременно схватились за рычаг. Нога Царева до отказа выжала педаль ножного тормоза.

Тяжелая боевая машина с людьми, со снарядами, стремительно скользя по асфальту, неумолимо приближалась к толпе.

Мы не наехали на них. Буфер легко столкнул в сторону бетонный столбик ограждения, и перед нашими глазами встал почти отвесный обрыв.

Грохот падения... Темнота. Не знаю, сколько я был без сознания. Потом различил журчание воды. Она быстро заполняла кабину. Собрав последние силы, выбрался наружу... Кажется, все живы. Сверху торопливо спрыгивали и бежали наши солдаты и офицеры...

Ноги подломились, и я тяжело рухнул обратно в ручей.

Дней семь я был отрешен от окружающей жизни. Иногда перед глазами смутно мелькали знакомые лица. Смутно и расплывчато. Наконец, под тревожными взглядами медсестер начал вставать. Все-таки ожил, но силы возвращались медленно.

Приехал Комаров. На цыпочках прошел к кровати, присел на стул, негромко, хотя в палате, кроме нас, никого не было, начал рассказывать полковые новости.

- Люди все здоровы, установку почти отремонтировали, комиссия, расследовавшая случай, установила, что мы в происшедшем не виноваты.

Я с облегчением откинулся на подушку.

- Когда ты поправишься-то? - спросил Иван. - Ходить можешь?

- Только если поддерживают.

- Дело-то какое! - Лицо его вдруг расплылось в улыбке. - Кузьменко ведь нас представил, как кандидатов в академию, и уже выезжать надо. Утвердили... Хорошая весть лучше всякого лекарства. Вскоре, поблагодарив от всего сердца работников госпиталя за лечение, осторожно усаживался в кабину машины.

- Понеслась! - прокричал Иван из кузова.

И вот последние дни в полку, в котором провоевали всю войну. Со сколькими товарищами надо проститься, сколько получить напутствий. И мы с Иваном ходили по городку.

В последний раз взглянули на свои "катюши". Строго выровненные, идеально чистые боевые машины стоят в артпарке в полной боевой готовности. Последнее прощание с батарейцами и разведчиками. С Федотовым, только недавно вернувшимся из Москвы, где он в единственном числе представлял наш полк в колонне Первого Украинского фронта на параде Победы.

И вот осталось проститься с двумя полковыми святынями. Знамя 70-го гвардейского минометного полка. Алое полотнище, яркие орденские ленты. И рядом - колонка фамилий погибших воинов. Первый - Миша Будкин и за ним его разведчики. И дальше дорогие имена: Прудников, Плюша Сорокин... Гвардии капитан Чепок... Женя Богаченко... Последняя - гвардии майор Баранов.

На посту часовой с автоматом. Мы встали рядом. Приложили руки к козырькам...

Не было у воинов Великой Отечественной войны лучших в жизни дней, чем те, когда они с победой возвращались на Родину.

По Венгерской равнине, по ущельям Закарпатья, по привольной Украине один за другим с запада на восток шли эшелоны. Из окон классных вагонов, дверей теплушек рвались наружу звуки гармошек, патефонов, аккордеонов и, все заглушая, гремела многоголосая солдатская песня: "..Ты ждешь, Лизавета, от друга привета, и не спишь до рассвета - все грустишь обо мне".

Разъезжались по домам воины-победители.

На узловых станциях эшелоны подолгу стояли. Воины гуляли по перрону, знакомились, отыскивая земляков.

Гаубичник с Одерского плацдарма!.. Я дернулся было к капитану, но вовремя вспомнил, что тот не очень приветлив. Но капитан подошел сам.

- Сколько лет, сколько зим!.. Тоже домой? Я вот совсем. К детишкам. - Он устало улыбнулся.

- А видели бы кадровики, как вы с "тиграми" управлялись - ни за что бы не отпустили, - горячо сказал я ему.

- Да... Было дело под Полтавой, - улыбнулся капитан.

- Не под Полтавой, а на Одере.

- И под Полтавой было, - капитан подморгнул, - Надо бы отметить такое дело!

Разве я мог отказать офицеру, спасшему мою батарею в тяжелом бою?

С нашим эшелоном шла одна теплушка, в которой ехали люди, возвращавшиеся из фашистской неволи. За все время пути они почти не выходили из вагона. Вся группа сошла в Киеве и долго стояла на перроне, чего-то ожидая.

Прогуливаясь вдоль состава, я как раз проходил мимо них, когда какой-то человек из этой группы взволнованно выкрикнул мое имя.

Я изумленно обернулся...

Видимо, мое удивление отразилось на лице, потому что человек замедлил шаги и, как-то растерянно улыбнувшись, проговорил:

- Неужели ты меня действительно не узнаешь? Голос был глуховатый и неразборчивый, но все же очень знакомый.

Давно известно, что в жизни бывают самые удивительные встречи, но такой...

"Не может быть!.. Как же это?!". Еще мгновение, и я стремительно обхватил человека за плечи, прижал к себе, а он, уткнувшись мне в плечо, беззвучно зарыдал.

Неузнаваемый, с перекошенным плечом и шрамом через все лицо, весь какой-то чуть живой - это все-таки был Мишка Будкин.

- Мы все думали, что ты погиб!

- Ранило меня, - сказал Мишка, - своим же снарядом. - И он показал рукой на лицо и плечо.

- Значит, ты был... - не смог я произнести это слово: "плен".

Мишка взглянул на мой сверкающий погонами и орденами китель, кивнул и быстро опустил голову. У него снова брызнули слезы.

- Ты думаешь, я там находился по своей воле? Нет, этого я не думал. Всегда и я, и Комаров пошли бы за Будкиным на любое трудное дело. Жалость сдавила горло.

- Ну, мы за тебя и за других хорошо отплатили.

- Я жил этим, - сказал Мишка, - мечтал что-нибудь о вас узнать. Но чтобы вот так встретить!.. Иван жив?

Наш паровоз свистнул и дернул состав.

- Жив!.. Да вот он в вагоне спит - Я заметался. - Ведь нас послали... Когда ты в Москву приедешь?.. Я там же живу!

Я побежал к нашему вагону и вскочил на подножку.

- Напиши все! И скорее приезжай! - Я замахал Мишке рукой.

Тощая фигурка в какой-то иностранной засаленной и

потрепанной блузе медленно двинулась к своим товарищам.

Все мое праздничное настроение как ветром сдуло. Я пошел будить Комарова.

Через несколько лет Будкин вернулся в Москву. К этому времени он отошел и стал похож на прежнего жизнерадостного и веселого Будкина. И только иногда нет-нет да и проскальзывали в нем неизгладимые следы перенесенных страданий в фашистской неволе.

...А на следующий день наш эшелон подходил к Москве. Замелькали знакомые названия дачных станций. Тихо стало в вагоне. Песен уже никто не пел. Даже те, кому нужно было ехать далеко, в Поволжье, на Урал и в Сибирь, разговаривали вполголоса. Все готовились к встрече с Москвой.

Мы давно уже сняли свои чемоданы с багажных полок, и они стояли в проходе в полной готовности. В чемоданах подарки - разные трофеи, патефон с пластинками, альбомы, зажигалки.

Подперев рукой щеку, о чем-то крепко задумался Иван Комаров. О чем? О прошедших боевых годах? О предстоящих трудных конкурсных экзаменах? Дома у него все в порядке. Родители ждут не дождутся сыночка. Я представил себе шумную радость отца Комарова и невольно улыбнулся.

Меня тоже очень ждали дома. Уже с начала сорок пятого года завод, на котором мне довелось работать в войну, перешел на выпуск сантехники отопительных радиаторов, раковин и прочего. Воспользовавшись переменами в цехе, переехала в Москву Таня. А я с тех пор, как попал в госпиталь, не писал ни одного письма. Думал, что скоро будем в Москве, а растянулось все на месяц. Конечно, мои волновались - не случилось ли чего?..

Москва... Эшелон с ликующими фронтовиками остановился у киевского вокзала.

"А ведь отсюда до Ленинских гор рукой подать!" - пришло мне в голову, и я сказал об этом Ивану. Тот счастливо кивнул.

Мирным светлым днем, теперь уже надолго, вернулись мы домой. От станции метро "Новокузнецкая" Комарову направо к Якиманке, мне налево - неподалеку.

Сразу потеряли свой вес чемоданы. Шел, не чувствуя ног, и озирался по сторонам.

Постарел наш тихий переулок. На стенах домов - громадные пролысины от обвалившейся штукатурки. А посередине большой пустырь. Фашистский стервятник, подбитый зенитчиками, врезался как раз в наш район. Совсем сдал, завалился на бок и наш дом, со всех сторон окруженный бревенчатыми подпорками.

И еще сразу бросилось в глаза: несмотря на воскресенье, людей на улицах немного и совсем отсутствуют малыши. А

раньше они заполняли все тротуары и закоулки.

Много потерь и бед принесла война, но тем значимее победа!

Наш подъезд... Одна дверь, другая... Все мои оказались дома. Длинный и тощий Юрка, заложив руки за спину, расхаживал по комнате, мать с Таней увязывали очередную стопу рукавиц. В войну мать шила солдатское белье, ну а с окончанием ее, видимо, перешла снова на мирную продукцию - рукавицы для сварщиков.

Я втиснулся в двери, взволнованно произнес первые слова:

- Здравствуйте! С Победой, мои дорогие!

* * *

С той поры минуло двадцать пять лет. По всей стране разъехались боевые соратники из 70-го гвардейского минометного полка. Живут они на Урале и в Крыму, в Запорожье и Комсомольске. Но кое-кого удается встретить, про других услышать. До настоящего времени командует в пожарной охране автозавода имени Лихачева наш бравый старшина Николай Степанович Кобзев. Тоже пожарником в Бабушкине - Гребенников. Очень приятно встречать на страницах "Правды" и "Крокодила" рисунки Юры Черепанова.

В 1957 году я отдыхал в Ялте. Сидя на набережной, заметил любопытную пару. Плотный широкоплечий мужчина как-то уж очень галантно вел под руку даму. Я окликнул его. "Галантный кавалер" бросился ко мне, схватил в объятия. Встречу с Павлом Васильевичем Васильевым мы отмечали у одного из наших однополчан Григория Яковлевича Виноградова, служившего в то время в Ялте военкомом.

Удалось повидаться и с командиром полка. Иван Захарович по-прежнему бодрый и боевой. Старается поддерживать связи со всеми старыми воинами. От него узнал о Федотове. Николай - знатный дояр в Горьковской области.

Несколько раз заезжали ко мне по старому адресу другие боевые товарищи, но так и не довелось встретиться. В то время я служил в дальних гарнизонах. Так жаль...

Я не смог рассказать на страницах книги о всех боевых друзьях по дивизиону и полку. Я имею в виду Михаила Тарасюка, Виктора Постнова, Петра Завизиона, Григория Гуменюка, Геннадия Бесчастнова, Алексея Дмитриева, Александра Евстратова, Яна Борухова, Михаила Мусатова, Николая Кузьмина, Михаила Давиденко, Павла Комаркова, Василия Молчанова и многих, многих других. Надеюсь, что они не обидятся на меня за это. Им и всем солдатам и офицерам 70-го гвардейского минометного полка посвящается эта книга.